

RUBEN NAGHDYAN

**METHODOLOGI
OF TRANSCENDENTAL PSYCHOLOGY**

**YEREVAN
“Lusabats Publishing House”
2018**

РУБЕН НАГДЯН

**МЕТОДОЛОГИЯ
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ**

ЕРЕВАН
“Издательский дом Лусабац”
2018

УДК 159.9

ББК 88

Н 160

Рецензенты:

В.А. Мазиллов – доктор психологических наук, Ярославль.

В.И. Панов – доктор психологических наук, член-корреспондент
Российской академии образования, Москва.

Нагдян Рубен

Н 160 Методология трансцендентальной психологии / Р. Нагдян. - Ер.:
Издательский дом Лусабац, 2018. - 416 с.

Монография посвящена сравнительно молодому направлению в современной психологии – трансцендентальной психологии.

В первой главе представлены философские основания необходимости применения метафизического подхода для решения фундаментальных проблем психологии. Во второй главе рассмотрены некоторые методологические подходы традиционной психологии к исследованию психических явлений в сопоставлении с метафизическим подходом. В третьей главе вводится понятие о трансцендентальном идеале рациональности, дополняющем существующую в современной философии науки классификацию типов научной рациональности. Показывается, что именно трансцендентальная рациональность дает возможность исследования глубинных принципов порождения психического.

Книга будет интересна психологам, философам, студентам психологических факультетов, а также всем, кто хочет понять, что такое психика и интересуется вопросами теории и методологии психологии.

Работа выполнена при финансовой поддержке
РФФИ-ОГН, проект N16-06-00574

ISBN 978-9939-69-267-8

© Нагдян, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	7
ПРЕДИСЛОВИЕ. Зачем психологии нужна метафизика? (В.И. Панов).....	10
ВВЕДЕНИЕ	25
ГЛАВА 1. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	32
1.1. Истоки возникновения проблемы.....	32
1.2. Метафизика и наука.....	50
1.3. Метафизические представления в естествознании.....	66
1.4. Метафизические предпосылки трансцен- дентальной психологии восприятия.....	73
1.5. Метафизическая природа принципа симметрии и его значение для методологии трансцендентальной психологии.....	89
ГЛАВА 2. МЕТАФИЗИКА VERSUS ТРАДИЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....	106
2.1. О значении метафизики в психологии.....	106
2.2. Метафизический подход В.М. Аллахвердова к проблеме сознания.....	127
2.3. За пределами онтологической парадигмы восприятия.....	144
2.4. Эмпирическая психология и метафизика.....	167
2.5. О проблеме предмета психологии.....	188

ГЛАВА 3. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ РАЦИОНАЛЬНОСТИ.....	209
3.1 Анализ соотношения классической, неклассической и постнеклассической рациональности в современной психологии восприятия.....	210
3.2. Формирование трансцендентального идеала рациональности в современной психологии	245
3.3. Методологические ресурсы трансцендентальной рациональности.....	265
ПОСЛЕСЛОВИЕ. Познание, философия, психология (В.А. Мазиллов).....	310
ЛИТЕРАТУРА	317
ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗ ИСТОРИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	344
1. Миракян А.И. Обсуждение идеи концепции трансцендентальной психологии с Э.И. Кочуровой	344
2. Миракян А.И. Афизикальные приципы психического отражения и их моделирование в технических системах	363

ПОСВЯЩАЕТСЯ
жене – Арустамовой Ольге Сергеевне
и дочерям – Лусине и Мариам.

ОТ АВТОРА

Трансцендентальная психология сравнительно молодая область психологического знания. Как научная дисциплина, претендующая на самостоятельность, она возникла в конце 80-х годов прошедшего столетия. Ее рождение происходило в условиях горячих споров и острых дискуссий, в атмосфере недопонимания, но, вместе с тем, воодушевленного интеллектуального азарта. Все это происходило на семинарах, которые организовывал профессор А.И. Миракян – основатель трансцендентальной психологии – в своей лаборатории в Психологическом институте РАО. В чем же была причина остроты этих споров и дискуссий? Что приводило к появлению и столкновению разных мнений?

Перед участниками семинаров, среди которых, кроме сотрудников лаборатории были и выдающиеся психологи, и философы, А.И. Миракян ставил совершенно новые вопросы о психике, о том, как ее изучали раньше, и что это давало для понимания психики, и как ее нужно изучать на самом деле. В новом подходе изучение психических феноменов было заменено поиском принципов порождения этих феноменов. Но для реализации этого поиска был необходим новый метод исследования, который невозможно было получить из методологий традиционной психологии

по той причине, что исследование закономерностей порождающего процесса нельзя осуществить, пользуясь его же результатами, то есть психическими феноменами, как это принято делать в традиционной психологии. В таком случае психолог попадает в тупиковую ситуацию, потому что при наличии проблемы не было способов ее решения в рамках существующих теорий и методологий.

Вопрос о порождении психических феноменов не новый. До конца 19-го века он ставился в так называемой метафизической психологии, в которой в качестве порождающего начала рассматривалась душа человека. В современной концепции восприятия, предложенной А.И. Миракяном, душа уступила место принципам и закономерностям существования и развития материи, приводящим к появлению нового. И так как эти принципы относились к первоначалам бытия, то метафизичность подхода к изучению принципов порождения сохранилась. Отсюда возникает необходимость в создании трансцендентальной методологии, являющейся путеводителем для создания трансцендентальной психологии, исследующей возможности порождения психического за пределами реальности психических феноменов. Но эмпирически доступная нашему сознанию реальность есть реальность психических феноменов. Следовательно, для создания методологии трансцендентальной психологии нужно обладать «другим», беспродуктивным, образом мышления. Поэтому, возвращаясь к выяснению причин остроты дискуссий на миракяновских семинарах, можно сказать, что она заключалась в принципиальном различии образов мышления оппонентов в отношении природы психического и методов его изучения. А различие в образе мышления – это самый сложный интеллектуальный барьер на пути к взаимопониманию. Например, заявить традиционному психологу о том, что солнце не ослепительное и не горячее,

похоже на попытку убедить Птолемея в том, что Земля вращается вокруг Солнца. Как первому, так и второму почти невозможно выйти за пределы данных своих эмпирических восприятий, за пределы своих способов осознания и познания мира. Однако, теперь-то мы знаем, что Птолемей ошибался, несмотря на то, что путешественники и мореплаватели тех времен весьма успешно пользовались его картами звездного неба. Создав на основе «другой» рациональности трансцендентальный подход к изучению психического, А.И. Миракян совершил коперниканский переворот в психологии, аналогичный тому коперниканскому перевороту, который И. Кант совершил в философии. Как следствие, из всего вышесказанного вытекает необходимость введения в психологию понятия о трансцендентальной рациональности (особом образе мышления, необходимом для решения метафизических задач), которой и посвящена заключительная глава монографии.

Эта книга - продолжение дискуссий, касающихся проблем предмета психологии, методологии исследования психического, философии психологии и перспектив ее развития. Однако она не могла быть написана без помощи многих моих коллег и друзей, которым я искренне благодарен. Особую благодарность хочу выразить автору предисловия В.И. Панову - доктору психологических наук, профессору, члену-корреспонденту РАО; автору послесловия В.А. Мазиллову - доктору психологических наук, профессору, вице-президенту МАПН; Е.М. Ахвердян за кропотливое и тщательное редактирование рукописи книги.

РУБЕН НАГДЯН

Июль, 2018, Ереван, Армения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЗАЧЕМ ПСИХОЛОГИИ НУЖНА МЕТАФИЗИКА?¹

В.И. ПАНОВ

«Пойди ТУДА – не знаю КУДА,
принеси мне ТО – не знаю ЧТО»

Из русской народной сказки

Предлагаемая читателю книга Р.М. Нагдяна, помимо глубокого уважения к этому философско-психологическому труду, вызывает у меня два воспоминания. Одно из них - это воспоминание и переживание вновь того состояния напряженного научно-мыслительного поиска, в которое погружал Аршак Миракян своих оппонентов и сотрудников в поиске ответов на вопросы, для формулировки которых тогда не хватало слов. Это были вопросы, которые научная психология в то время еще не ставила, и поэтому для их формулировки еще не было выработано соответствующей научно-психологической терминологии, но без ответа на которые нельзя понять способы мышления, позволяющие (или не позволяющие!) приблизиться к пониманию и исследованию психики как природного явления.

Другое воспоминание – это воспоминание из того детского периода, когда сказки занимали одно из ведущих мест в познании мира. Я не помню название этой русской народной сказки, но на всю жизнь запомнил странное задание, которое дал царь герою этой сказки: «Пойди ТУДА – не знаю КУДА, принеси мне ТО – не знаю ЧТО».

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ-ОГН, проект N16-06-00574

Как бы странно ни звучало, но именно эти слова наиболее точно выражают необходимость обсуждения значения метафизики для научной психологии, потому что изучение собственной природы психики как явления требует от нашего мышления, чтобы оно вышло за пределы эмпирической данности психических феноменов и теоретических посылок, построенных на этой данности. Это означает, что собственную природу психики нельзя сделать предметом исследования, если в предпосылках экспликации ее феноменов в качестве предмета исследования мы будем опираться на ТО, ЧТО мы уже знаем о ее феноменах (поэтому: «принеси ТО, не знаю ЧТО») и условиях их проявления (поэтому: «пойди ТУДА, не знаю КУДА»).

Действительно, вслед за нашим учителем А.И. Миракяном автор этой книги целеустремленно и методично проводит мысль о том, что изучение психического процесса, порождающего восприятие свойств и отношений окружающего мира, требует использования методологических предпосылок, которые принадлежат реальности фундаментальных основ и принципов бытия, а не реальности самого психического отражения. А это требует от исследователя использования такого способа мышления (ныне чаще говорят, парадигмы), который оперировал бы представлениями и понятиями, находящимися за пределами феноменов и результатов психического отражения, и которые представляли бы собой «специфическую априорную форму мышления о фундаментальных основах бытия». Но это и есть метафизика в классическом аристотелевском ее понимании как «умозрительное учение о первопричинах и первоначалах, о сущем как сущем» [Аристотель, 1976, с. 182. Цитирую по Р.М. Нагдяну со с. 29 данной книги – В.П.] или, в современном ее понимании, выраженном словами М.К. Мамардашвили «...как совокупность утверждений (или теорию),

учение обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» [Мамардашвили, 1996, с. 117. Цитирую по Р.М. Нагдяну, там же – В.П.].

Остановимся на этом подробнее.

С 20-х годов прошлого столетия, с легкой руки Л.С. Выготского, в научной психологии стало популярным обсуждение очередного методологического кризиса, в котором она находится на данный момент. Но, как показано было А.И. Миракяном (1999, 2004), проблема-то заключается в том, что состояние методологического кризиса для психологии это не «очередное» ее состояние, а состояние постоянное с тех пор, как психология стала презентовать себя как самостоятельная научная дисциплина.

Для этого есть целый ряд методологических причин.

1. Стремление психологии встать в один ряд с такими классическими естественными науками, как физика, математика, биология, физиология, достижения которых стали возможными благодаря применению картезианской логики исследовательского мышления. Вследствие чего общенаучное господство естественнонаучного способа мышления, построенного на этой логике, неминуемо привело к *методологическому переносу физикальных понятий и представлений о явлениях природы и способах их познания на психические явления* – начиная с процессов восприятия движения и скорости и до методологических парадигм (классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность исследовательского мышления) [Миракян, Панов, 1985; Панов, 1998, 2014, 2017].

2. Объектом научно-психологического изучения изначально являлась *человеческая психика*. Психика как объект научно-психологического изучения исходно рассматривается не как самостоятельное явление природы, а как функция человека и его мозга, предназначенная обеспечивать его

жизнедеятельность. И потому выбору теоретических построений и способов эмпирического изучения психических явлений, их механизмов и закономерностей предшествовало имплицитное понимание человека как существа либо биологической природы, либо социальной природы, либо духовной природы души и психики человека. Соответственно, в качестве предмета психологического исследования выступали биологическая (физиологическая), социальная и духовная природа психических явлений. Иными словами, происходило методологическое игнорирование собственной психической природы психологических явлений и ее редуцирование к биологическим, социальным и духовным процессам и механизмам [Панов, 2014].

3. Использование гносеологического отношения «субъект познания – объект познания» в качестве явной или скрытой методологической предпосылки для экспликации психических явлений в качестве объекта исследования, которое было конкретизировано в виде отношений «субъект восприятия – объект восприятия», «субъект мышления – объект мышления», «субъект действия – объект действия» и т.д. Методологической особенностью указанного отношения является исходная *заданность* его компонентов, а также *требование соответствия (тождества)* между свойствами объекта (предмета) познания и результатом его познания субъектом познания. Особенно наглядно это проявляется при изучении процессов восприятия [А.И. Миракян и современная психология восприятия, 2010; Барабанщиков, 2002; Миракян, 1999, 2004; Панов, 1998, 2004; Психология восприятия..., 2017]. Поскольку субъектом познания выступает человек, то его психологические свойства как субъекта познания определялись в зависимости от того, какой именно сущности человека (биологической, социальной, духовной) придерживался данный исследователь в своих

определениях психики и ее феноменов в качестве объекта исследования.

4. При изучении психики и ее экспликации в качестве объекта и предмета исследования неизбежно столкновение с такой фундаментальной особенностью психического, которая, как отмечает А.И. Миракян [1999, 2004], выражается в том, что исследователь психики имеет дело с ее проявлениями, т.е. с феноменологической данностью продуктов психического процесса, в то время как сам психический процесс порождения этих продуктов остается скрытым от наблюдения. И это не случайно, потому что, вследствие эмпирических предпосылок эволюции человеческого мышления, оно способно осмысливать психику только опосредованно – опять же через продукты психического процесса, в то время как сам психический процесс, порождающий эти продукты, остается за пределами логико-понятийной структуры человеческого мышления.

Дело в том, что, как было показано А.И. Миракяном, глубинной основой, психологической предпосылкой и необходимым условием формирования человеческого мышления, в том числе и исследовательского, выступают практические (эмпирические) действия человека с вещными (предметными) свойствами и отношениями окружающего мира [там же]. Поэтому, во-первых, психика предстает перед нами не в непосредственной своей данности, а в виде своего продукта (результата) психического процесса их порождения, в виде феноменологической данности процессов, состояний, особенностей поведения и т.п. психических феноменов. Но, как известно из диалектики, «процесс в продукте умирает» и потому, исходя из продукта процесса, этот процесс можно представить только ретроспективно, восстанавливая его по феноменологически представленным особенностям этого продукта, но не по особенностям, присущим этому процессу по его природе.

Во-вторых, по той же причине эмпирической обусловленности процесса взаимодействий человека с окружающим миром, психические явления предстают перед нами не в непосредственной форме, а наполненными предметным содержанием, подлежащим восприятию, осмыслению, переживанию и обеспечивающими адаптацию, регуляцию и другие жизненные функции субъекта психической активности. Поэтому процесс, порождающий психические явления, предстает перед глазами исследователя не в непосредственном виде, а опосредованным его предметным (объектным) содержанием. Действительно, психология занимается изучением процессов восприятия «формы», движения», «цвета» и т.п.; психических состояний «утомляемости», «страха» и т.п.; обусловленности разными средовыми факторами и т.д.

Третьим следствием эмпирической обусловленности психических проявлений является аналитичность господствующего ныне естественнонаучного способа мышления. Опираясь на абстрагированные друг от друга и от процесса их порождения психические образы, представления, понятия, этот способ мышления вынуждает исследователя идти по пути изучения психики в плане развития разных ее сфер, процессов, функций и т.п. (развитие мышления, общения, речи и т.д.). Причем вследствие различия в теоретических и эмпирических предпосылках, эти разные проявления единой по своей природе психики исследуются логически и методологически обособленно друг от друга, как различные психические реальности. Так, психическая активность рассматривается преимущественно как активность уже определенного вида: физиологическая, двигательная (моторная), речевая, социальная, интеллектуальная и т.д., т.е. как активность, уже обретшая актуальную форму своего психического выражения в виде тех или иных действий,

той или иной деятельности. Понятие же деятельности используется либо в качестве исходной методологической посылки [Леонтьев, 1972], либо как субъектная деятельность [Рубинштейн, 2012], либо как характеристика конкретных особенностей личностного развития в определенных социальных условиях [Ананьев, 1980], т.е. опять же как психическая активность в развитой форме своего проявления, но фиксированная как разные виды психической реальности.

Более того, базовые для отечественной психологии понятия «активность», «деятельность» и их «субъект» в методологическом плане используются в качестве исходных оснований для построения *разных* концептуальных версий развития психики как единого целого.

Таким образом, когда мы пытаемся в качестве предмета исследования представить процессуальную сторону психического, то эта процессуальность психического поневоле предстает перед нами, образно выражаясь, сквозь призму эмпиричности и предметной опосредованности самого способа исследовательского мышления, т.е. исходя из продуктивной, феноменологической стороны психики, а не ее собственной процессуальности как единого по своей природе явления, реализующего по этой причине единые для разных психических явлений принципы.

Конечно же, здесь напрашивается возражение в том смысле, что проведено множество исследований именно процессов и процессуальных механизмов самых разных психических явлений. Отвечая на это возражение, необходимо обратиться к пониманию самого понятия «процесс» и «процессуальность». Дело в том, что, как было отмечено ранее [Панов, 2004, 2014, 2017], логика полагания «процессуальности» психического в качестве предмета исследования строится, как известно, на понятиях (категориях) пространства и времени. Это означает, что исследователь-

ское мышление, образно выражаясь, «мыслит» категориями и понятиями «пространства-времени». Однако по тем же причинам, наше (человеческое) мышление осмысливает такие явления, как «изменение», «время», «динамичность», «процесс», «процессуальность», представляя и описывая их с помощью пространственных представлений, понятий и отношений, т.е. опосредствуя «время» и его «изменение» *пространственными представлениями и отношениями*. Вспомним тот же метод срезов, декартову систему координат (возможны и другие аргументы). Если проделать мысленный эксперимент (попытаться мысленно представить длительность, т.е. некоторый промежуток времени), то обнаруживается: чтобы представить себе «течение времени», мы невольно обращаемся к пространственным образам. Иначе говоря, человеческое мышление описывает «время» опять же не в непосредственной его данности (реальности), а опосредствуя (и, значит, подменяя) его человеческими пространственными представлениями и отношениями. Это означает, что в силу данной особенности человеческого мышления мы определяем «процесс» и «развитие» психики в пространственно-опосредованной форме.

Однако здесь мы получаем логически замкнутый круг, потому что пространственность окружающего мира суть тоже продукт психического отражения, причем в разных формах его опосредования. В частности, речь идет о том, что в психологических исследованиях (в других науках, кстати, тоже) «пространство» как исходная категория научно-психологического исследовательского мышления имеет разный смысл, разный характер [Панов, 2014]. Так, в рамках классической психологии (структурализм В. Вундта и др.) постулируется абсолютный характер пространства (т.е. независимость его свойств от объектов его заполняющих); в гештальтпсихологии постулируется относительный харак-

тер пространства (т.е. зависимость его свойств от объектов его заполняющих); в экологическом подходе к восприятию Дж. Гибсона [1988] постулируется непосредственная данность окружающего пространства как среды обитания (т.е. зависимость его воспринимаемых свойств от способа жизнедеятельности субъекта восприятия); в концепции оперативности психического отражения Д.А. Ошанина [1999] пространственность объекта восприятия непосредственным образом зависит от предметного действия, в рамках которого осуществляется акт восприятия данного объекта (так называемая функциональная деформация пространственных свойств объекта восприятия); в трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна [А.И. Миракян и современная психология восприятия, 2010; Миракян, 1999, 2004] пространственность окружающего мира порождается в непосредственном акте восприятия и обусловлена не только задачей действия, но структурно-процессуальной анизотропностью самой отражательной системы, вследствие чего необходимым условием и принципом порождения пространственности является анизотропное искажение принимаемых воздействий. В итоге становится понятно, что «процессуальность» психического как объект и предмет исследования непосредственным образом зависит от того, какой смысл вкладывает исследователь (его мышление) в понятие пространственности окружающего мира и, в конечном счете, в понятие пространства как категории исследовательского мышления [Панов, 2014].

И здесь мы сталкиваемся с особым методологическим статусом психологии, отличающей ее от других естественных наук. Он определяется тем, что в психологии, в отличие от других наук, психика выступает одновременно как объект исследования и как средство (способ мышления) исследования ее самой же, т.е. имеет место совпадение пси-

хики как объекта и как средства ее исследования [Давыдов, 1996; Миракян, 1999, 2004; Михайлов, 1993]. Ф.Т. Михайлов [1993] называл это парадоксом Мюнхаузена, который пытался вытащить себя из болота за свои же собственные волосы. Именно по этой причине психика, в качестве предмета исследования, всегда опосредована и ограничена не только своей феноменальной стороной («процесс в продукте умирает» и потому не представлен), своей опредмеченностью вещными отношениями внешнего мира, но также и тем *способом мышления* (а это тоже продуктивное, феноменальное проявление психики), посредством которого осуществляется экспликация психики в качестве объекта и предмета исследования.

В итоге надо признать, что в научной психологии мы изучаем не психику в непосредственной форме ее существования как таковую, а именно разнообразные ее проявления (частичные феномены), в которые она «облачена» в зависимости от способа полагания, присущего тому или иному типу исследовательского мышления (как модница облакает себя всякий раз в разные одежды). И, в зависимости от особенностей исследовательского мышления, мы будем фиксировать психику (в качестве объекта и предмета исследования), «облаченной в одежду» тех или иных своих феноменальных проявлений, а не собственно психику как таковую, которая, проявляясь в каждом из своих феноменов, тем не менее не сводится ни к одному из них.

Из вышесказанного следует, что главная методологическая проблема научной психологии обусловлена тем, что нельзя понять реальность чего-то, находясь мышлением в той же самой реальности. Необходим выход мышления в сверх- или мета-реальность, по отношению к которой исследуемая реальность и принадлежащее ей мышление стали бы одним из частных проявлений более глубинных, бо-

лее фундаментальных основ бытия. Поэтому метафизика нужна психологии для того, чтобы исследователь мог выйти своим мышлением за пределы той реальности, в пределах которой находится наше эмпирическое мышление и исследуемые с его помощью психические феномены.

Таким образом, получается, для того чтобы изучать психический процесс, порождающий все многообразие психических феноменов, исследователю необходимо выйти (трансцендировать) за пределы данности этих психических феноменов в непосредственной или же понятийно-опосредованной форме. А вот КУДА выйти и ЧТО там искать? – это уже метафизический вопрос, требующий метафизического способа мышления. И Р.М. Нагдян дает ответ на этот вопрос, почти повторяя цитируемого им П. Флоренского: «...психические явления, изучаемые психологией, возникают из каких-то природных первоначал, но сами эти первоначала определяются психологом, как метафизическое знание». (с.111).

При этом Нагдян на с. 54 совершенно справедливо приводит цитату из Гегеля о том, что: «Основная ошибка научного эмпиризма всегда состоит в том, что он, пользуясь метафизическими категориями – материя, сила, одно, многое, всеобщность, бесконечность и т.д. ... не знает при этом, что он сам содержит в себе метафизику, сам занимается ею; он, таким образом, пользуется этими категориями совершенно некритично и бессознательно». И далее (там же) он приводит слова нашего современника М. Вартофского: «У нас не может быть сомнений в том, что в истории науки «метафизические модели» ... играли важную роль при построении научных теорий и в научных спорах по поводу альтернативных теорий. Достаточно сослаться на понятия материи, движения, силы, поля, элементарной частицы и на концептуальные структуры атомизма, механицизма, пре-

рывности и непрерывности, эволюции и скачка, целого и части, неизменности и изменения, пространства, времени, причинности, которые первоначально имели «метафизическую» природу и оказали громадное влияние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия» [Вартофский, 1978, с. 63].

Важной особенностью данной книги Р.М. Нагдяна является то, что ее автор не просто говорит о необходимости возвращения метафизики в психологию и о ее методологическом значении для современной психологии, он проводит достаточно подробный историко-философский и научно-психологический анализ дискуссий о том, что следует понимать под метафизикой и о ее роли в научном познании и в психологии, в том числе.

Теперь несколько слов о позиции самого автора данной книги в понимании метафизического подхода применительно к психологии. Метафизику Р.М. Нагдяна представляет, как «специфическую априорную форму мышления о фундаментальных основах бытия». При этом он четко проводит различие между онтологией и метафизикой, подчеркивая, что «онтология указывает на предмет, объект и область исследования», а «метафизика указывает на образ мышления, соответствующий онтологическому исследованию» (с. 49). Несмотря на некоторые нюансы, такое понимание метафизики соответствует в нашей терминологии трансцендентальной парадигме изучения психики [Панов, 2014]. Дело в том, что ее предметом являются не сами феномены действительного психического бытия (это гносеологическая парадигма) и не условия возможности их порождения (это онтологическая парадигма), а трансцендентальные принципы мышления, позволяющие помыслить о возможности и условиях превращения психики из «бытия в возможности» в актуаль-

ное существование в форме «бытия в действительности» в виде актуально наблюдаемых психических феноменов.

Трансцендентальность этих принципов обусловлена тем, что они сформулированы А.И. Миракяном как принципы, обеспечивающие возможность перехода *любых* форм бытия из «бытия в возможности» в «бытие в действительности». И поэтому эти принципы трансцендентальны к данности психических феноменов, которые принадлежат реальности результатов психического отражения.

Поэтому закономерно, что, обосновав необходимость использования метафизики при изучении психических явлений в сопоставлении с популярным ныне различием классического, неклассического и постнеклассического видов рациональности, Р.М. Нагдян завершает свою книгу главой, посвящённой обоснованию трансцендентального идеала рациональности.

В заключение необходимо сказать, что данная книга Р.М. Нагдяна служит ярким примером продолжения и развития Учеником тех идей и того способа мышления, которые он принял от своего Учителя.

Литература

1. А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. материалов науч. конф. (30 ноября — 1 декабря 2010 г.) / под общ.ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. — М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. М.: Педагогика, 1980.
3. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. — СПб: Алетейя, 2002.
4. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. — М.: Прогресс, 1988.
5. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. — М.: ИНТОР, 1996.
6. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. — М.: Педагогика, 1983.
7. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 1. — М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1999.
8. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 2. — М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2004.
9. Миракян А.И., Панов В.И. Восприятие скорости движения в процессе отражения формы объекта // Вопросы психологии. — 1985. — № 1. — С. 148–154.
10. Михайлов Ф.Т. Порождающий процесс восприятия; под ред. А.И. Миракяна // Вопросы психологии. — 1993. — № 11. — С. 181–183.

11. Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ: Избранные психологические труды. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999.
12. Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов // Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – С. 82-107.
13. Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии / В.И. Панов. – М.: Наука, 2004.
14. Панов В.И. Экопсихология: парадигмальный поиск. М.: Психологический институт РАО; СПб: Нестор-История, 2014.
15. Панов В.И. Пространство, время и движение – парадигмальные сдвиги // Вестник РУДН. Серия: ФИЛОСОФИЯ. 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 572-581. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-572-581.
16. Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ереван: Наири, 2017.
17. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб: Питер, 2012.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема психического отражения человеком объективной реальности является одной из тех проблем психологии, которые, имея долгую историю, сохранили свою актуальность до настоящего времени. Над разрешением загадки психического отражения трудились многие поколения философов и психологов, однако до сих пор она осталась до конца не разгаданной. Сложность решения этой проблемы двоякая. Это связано, во-первых, с отсутствием методологии общепризнанной универсальной теории психического отражения, и, во-вторых, с тем, что сущность психического отражения не может быть адекватно понята без определения понятия «психика», но не в собирательном его значении, как совокупности психических явлений, а содержательно, как *психэ*, то есть без экспликации конкретного предметного содержания психического, которое до сих пор однозначно не определено. А все это, как известно, составляет причину перманентного кризиса в психологии, ставящего психологов перед необходимостью поиска новых методологических оснований для построения общей теории психического. Однако такой теории пока не удалось создать.

Причина такого состояния психологии, по мнению В.М. Аллахвердова, в том, что «все до сих пор созданные концепции психики содержат какой-то общий порок. Поэтому следует найти то общее, что содержится во всех психологических концепциях, и попробовать от него отказаться» [Аллахвердов, 1993, с. 11]. Согласно концепции А.И. Миракяна, одной из таких «порочных причин», не позволяющих решить проблему оснований психологии, является

продуктный подход, лежащий в фундаменте всех до сих пор созданных психологических теорий [Миракян, 1999, 2004].

Одна из причин, препятствующих выявлению универсальных принципов психического отражения, как показал А.И. Миракян, коренится в глубоко эмпирическом мышлении человека. Такой образ мышления в психологии (как и в других науках) способствует формированию продуктного (или физикального) подхода к изучению психического отражения, в котором в качестве исходных данных для анализа процесса восприятия используют результаты или феномены, к которым приводил тот же процесс восприятия. На ограниченность подобного (по терминологии А.И. Миракяна, «продуктного») подхода указывали многие психологи. Так, например, еще в начале XX века Г.И. Челпанов писал: «Для объяснения (психического явления – Р.Н.) необходимо выходить за пределы того, что дано в непосредственном восприятии, т.е. при изучении психических явлений мы должны выходить за пределы воспринимаемых психических процессов» [Челпанов, 1907, с. 314]. Выход за пределы воспринимаемых психических явлений, с целью их объяснения, и означает преодоление продуктного подхода. И если тогда Г.И. Челпанов говорил об ограниченности этого подхода с философских позиций, имея в виду выход в область метафизики, то во второй половине XX века понимание ограниченности продуктного подхода в соотношении «продукт» и «процесс» восприятия обнаруживается в конкретно-психологических исследованиях В.П. Зинченко с соавторами (1972), В.В. Столина (1976), А.Д. Логвиненко (1985), В.А. Барабанщикова (1990, 1995), Л.М. Веккера (1998). Вместе с тем, как пишет В.И. Панов, анализируя эту проблему, «каждый из них, пытаясь по-своему преодолеть «продуктную» парадигму, все-таки вынужден в итоге опираться в своих исходных посылах на те или иные «продуктные» основания» [Панов, 1996, с. 16].

Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что, несмотря на осознание неправомерности применения продуктного подхода, при проведении конкретных теоретико-экспериментальных исследований процесса восприятия, психологи все же оставались в порочном кругу гносеологического соотношения «объект-субъект». Это происходило потому, что гносеологическое соотношение «объект-субъект» необходимым образом предполагает изначальную заданность «объекта», а это означает, что «объект» представляет собой уже отраженный продукт психического отражения. И таким образом, исследователь вместо объекта восприятия имел дело с феноменом психического отражения, а сам процесс порождения этого объекта-феномена оказывался вне поля осознания психолога. Поэтому исследование процесса восприятия «объекта» превращалось в исследование процесса рефлексии феномена психического отражения. Психологи до конца не осознавали последствий применения продуктного подхода и, более того, не находили адекватных подходов и философских оснований для создания новой методологической парадигмы, позволяющей «...преодолеть ограниченность современного продуктно-феноменологического физикалистского подхода к проблеме восприятия» [Миракян, 2004, с. 349].

Одной из попыток преодоления продуктного подхода является трансцендентальная психология восприятия, предложенная А.И. Миракяном, в которой показывается возможность построения методологии, обеспечивающей афизикальный (трансцендентальный) подход к изучению процесса психического отражения.

Свою концепцию психического отражения А.И. Миракян назвал трансцендентальной психологией восприятия [Миракян, 1995], и это было обусловлено тем, что проблеме

поиска принципов порождающего процесса восприятия, согласно вышесказанному, невозможно было решить на основе данных, относящихся к реальности уже отраженных продуктов восприятия. Для этого, как показал А.И. Миракян, необходима трансценденция от психической реальности продуктов восприятия [Миракян, 1990; 1999; 2004]. Однако сложность определения особенностей области трансценденции в том, что она не дана нам в непосредственном опыте. Поэтому для решения этого вопроса А.И. Миракян обратился к философским рассуждениям, позволяющим осуществить умозрительный переход в реальность до отражения, когда еще нет продуктов восприятия, нет отражения как такового, но есть возможности его порождения. Естественно, этот переход к философскому способу рассуждения о предпосылках возникновения процесса отражения был нужен для выявления тех природных принципов, действие которых обеспечивало образование возможностей порождения процесса психического отражения. Таким образом, А.И. Миракян поставил перед собой задачу поиска предельных первопричин возникновения психического. Это ставит вопрос о границах применимости психологических знаний для исследования психического. Перевод сферы исследования из реальности психических феноменов в реальность допсихического мира поднимает проблему необходимости введения нового (непсихологического) метода для исследования возможностей возникновения психического, основанного на новом образе мышления. Философско-методологический анализ проблемы психического восприятия позволил А.И. Миракяну выявить два, взаимодополняющих, подхода. Первый касается афизикального подхода, отрицающего возможность применения «продуктных» понятий для реконструкции принципов порождающего процесса, второй – использования метафизического образа мышления (как

это было нами показано [Нагдян, 2013а; 2013б]), который А.И. Миракян применил, как средство исследования, при создании своей концепции. Заметим, однако, что последний упомянутый подход, как теоретический метафизический метод исследования первопричин возникновения психического, в концепции А.И. Миракяна не был озвучен.

Ввиду многозначности смысла понятия «метафизика» уточним, что мы понимаем ее не в новом смысле, распространенном в современной психологии, как состоящую в противопоставлении диалектическому методу, а в старом, аристотелевском смысле. Метафизика – «первая философия», по Аристотелю, - есть умозрительное учение о первопричинах и первоначалах, о сущем как сущем [Аристотель, 1976, с. 182]. В этом же духе определяет метафизику и известный философ М.К. Мамардашвили, внесший большой вклад в развитие методологии психологии, а именно – «...как совокупность утверждений (или теорию), учение обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» [Мамардашвили, 1996, с. 117].

Ко всему сказанному следует добавить, что специалистами в области философии науки, начиная со второй половины XX века, было показано, что метафизические предпосылки, соображения, идеи являются необходимым условием возникновения и развития естественных наук (А. Agassi, М. Вартофский, Ю.С. Владимиров, В.Д. Захаров, Т. Кун, К. Поппер и др.).

Таким образом, с одной стороны – ограниченность продуктивного подхода к изучению принципов порождения психического отражения, необходимость трансценденции из области психических феноменов в реальность до отражения для выявления принципов порождающего процесса восприятия, необходимость применения для этого метафизических рассуждений, имплицитно использованных в

трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна, доказательство в философии науки того факта, что метафизические предпосылки являются одним из необходимых условий, лежащих в основе естественных наук, а с другой стороны – неразработанность метафизического подхода (даже антиметафизичность) в современной психологии, как естественной науке, показывает, насколько важен и необходим поиск и открытие для разрешения онтологических проблем психологии восприятия новой методологии, в качестве которой может быть использован метафизический подход.

Так как понятие «метафизика» отсутствует в дискурсе современного научного познания психического, о чем свидетельствует монография Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова (2011), посвященная методологическим основам психологии, то это обстоятельство и выявляет **проблему** настоящего исследования: может ли метафизический подход быть составной частью психологии, как естественной науки? Поэтому возникает необходимость методологического анализа возможности применения метафизического подхода в том его ракурсе, который относится к исследованию возможностей возникновения психического отражения и создания соответствующей концепции. При этом особое внимание уделяется тому новому образу мышления, необходимому для решения выше обозначенных задач, который можно определить как трансцендентальный идеал научной рациональности.

Обсуждению вышеприведенных вопросов и посвящена данная монография. Книга состоит из трех глав.

В первой главе представлены философские основания возможности применения метафизического подхода в психологии. Во второй главе рассмотрены некоторые методологические подходы к исследованию психических явлений в сопоставлении с метафизическим подходом. При этом ме-

тафизика рассматривалась через призму методологических позиций таких выдающихся психологов, как Г.И. Челпанов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, В.М. Аллахвердов, В.А. Барабанщиков, Л.Я. Дорфман, В.П. Зинченко, С.Д. Смирнов, В.А. Мазиллов, А.И. Миракян, В.И. Панов, А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский. Именно такой, многогранный, методологический анализ, по нашему мнению, может привести к объективной оценке значения и роли трансцендентальной парадигмы в психологии. Уточним наше понимание отношения между понятиями «метафизическое» и «трансцендентальное». Оба понятия одного и того же рода, но «метафизическое» шире по своему объему и относится к определенному разделу философии – метафизике, поэтому имеет общенаучное значение. «Трансцендентальное», в контексте данной книги, есть одно из конкретных проявлений «метафизического» в психологии, противопоставленное феноменальному, образующее специфическую область философии психологии.

В третьей главе обосновывается ограниченность классификации типов научной рациональности по В.С. Степину для исследования психических явлений. Анализ развития трансцендентальной психологии позволяет сделать вывод, что в настоящее время в сообществе психологов происходит процесс формирования трансцендентального типа рациональности, необходимого для выхода за пределы гносеологического соотношения «объект-субъект», которое ограничивает возможности исследования глубинных, эмпирически не доступных, принципов и закономерностей порождающих процессов восприятия. В этой же главе обсуждаются особенности и возможности применения методологических ресурсов трансцендентальной рациональности для решения некоторых проблем теоретической и практической психологии.

ГЛАВА 1.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Истоки возникновения проблемы

Необходимость проведения данного исследования возникла в ходе анализа концепции трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна. Несмотря на структурно-логическую завершенность этой концепции – методология, теория, эксперимент, техническое моделирование, практика – она показалась нам не проработанной в своей философской части. А при ближайшем рассмотрении оказалось, что выводы из анализа философской части концепции трансцендентальной психологии восприятия могут иметь методологическое и общепсихологическое значение, потому что касаются методологических предпосылок и фундаментальных основ психологии, как науки, в целом.

В концепции психического отражения А.И. Миракяна можно выделить два важных с методологической точки зрения аспекта.

Первый касается вывода о том, что невозможно изучать процесс психического отражения, основываясь на результатах уже свершившегося процесса отражения. Как показал А.И. Миракян, эта методологическая ошибка оставалась незамеченной многими учеными на протяжении всей истории развития философии, психологии и психофизиологии восприятия, а если и замечалась некоторыми из

них, то попытка решения данной проблемы психического отражения осуществлялась ими, по-прежнему не выходя за пределы реальности психических феноменов. А это приводило к существенным ограничениям при формулировании универсальных принципов, отвечающих требованиям полифункциональности и гибкости естественного процесса отражения.

Попытка применения нового «беспродуктного» или «афизикального» подхода при изучении закономерностей психического отражения наталкивалась на две сложности. Во-первых, для применения нового подхода исследователю необходимо было использование афизикальных паттернов мышления и соответствующим образом организованной речи, что оказалось совсем не простым делом. Обыденный образ мышления и даже обучение психологов в академических университетах способствовали формированию лишь естественного и функционально-необходимого для изучения многих других областей психологии «продуктного» образа мышления. Однако для изучения природы порождения психического отражения такой способ мышления становился преградой для проникновения в сущность процесса отражения, а с методологической точки зрения – ошибочной.

Вторая сложность, связанная с попыткой применения афизикального подхода, возникала при выборе метода исследования, адекватного объекту исследования. И это действительно так, потому что метод исследования в данном случае должен быть направлен на изучение тех особенностей процесса отражения, которые индифферентны по отношению к любому продукту отражения. А этому сильно препятствует инерция научно-психологического образа мышления, которое функционирует преимущественно в категориях и понятиях, относящихся к осознаваемым продуктам психического отражения. Сказанное, конечно же, не

отрицает значимость существующего научно-психологического образа мышления, а указывает на возможность дополнения его новой гранью – афизикальным мышлением – для развития чего требуется специфическая и последовательная работа.

Второй методологический аспект, на который указывает А.И. Миракян (хотя в дальнейшем эта тема и не разрабатывалась специально), заключается в следующем. Поиски выхода из тупика, создаваемого «продуктным» подходом традиционной психологии, привели А.И. Миракяна к мысли, что при исследовании психического отражения «в качестве исходных надо брать такие данности (принципы, закономерности и т.д.), которые индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения и связаны с природными закономерностями возможности порождения психики как явления, возникшего на определенной ступени развития материи. Это позволяет нам ставить проблему психического отражения как *проблему возможности порождения явления психического отражения и изучать принципы, закономерности, лежащие в основе его процессов, когда исходные данности можно брать не из области исходной психической реальности*» [Миракян, 1992а, с.35]. Таким образом, А.И. Миракян предлагает исследовать психическое отражение не само по себе и не в самом себе, а, расширяя контекст рассмотрения, перенести сферу теоретических исследований в природу, в реальность до психического отражения (что получило название «реальности отсутствующего»), где и должны быть заложены *возможности порождения* процесса психического отражения. На наш взгляд, это очень важный методологический переход, потому что коренным образом меняется пространство и характер (объект, методы и т.д.) психологических исследований и от психолога-исследователя уже требуют-

ся знания совершенно иного порядка, а именно: знания о закономерностях реальности, еще не упорядоченной (или не искаженной) процессами отражения, но содержащей в себе возможности их порождения. Другими словами, это означает выход за пределы гносеологического соотношения «объект – субъект», как исходной предпосылки традиционного «продуктного» способа научно-психологического мышления, так как в этом соотношении и объект со своими качествами и свойствами, и субъект со своими нейрофизиологическими характеристиками и проявлениями сенсорного опыта относятся к реальности уже отраженного, что не позволяет исследовать закономерности процессов, приводящих к порождению этих же свойств и качеств. Поэтому далее А.И. Миракян за основу своих рассуждений берет логику полагания диалектических закономерностей самодвижения материи и интуитивно-гипотетически выводит четыре принципа существования материальности, которые преобразуются в подчиняющихся тем же принципам структурах органов восприятия человека или другого живого существа (как части материального мира) в специфические принципы психического отражения. Следовательно, надо полагать, что между принципами существования реальности и психического отражения есть, если не тождество, то, по крайней мере, определенное сходство или подобие. Например, к таким принципам, универсальность проявления которых на всех уровнях развития материи считается доказанной, можно причислить принципы симметрии. И, кстати, диалектические закономерности, которые были использованы А.И. Миракяном в теоретической части своей концепции, в своих конкретных проявлениях описываются именно принципами симметрии [Нагдян, 2005].

Вывод напрашивается сам собой: глубинные, фундаментальные принципы и закономерности существования

психического являются отражением или прямым продолжением принципов и закономерностей реальности, частью которой и является психическое. Поэтому вполне естественно дополнить изучение собственно психических явлений, результатов восприятия исследованиями тех закономерностей реальности, которые содержат в себе возможности порождения и функционирования психического. Однако в таком случае складывается парадоксальная ситуация, так как изучение закономерностей и принципов существования реальности не является целью исследований традиционной психологии, а входит в область философских (метафизических) и физических исследований микроструктуры вещества (или квантовой реальности). Правда, были отдельные попытки психологов использовать некоторые понятия и принципы физики, такие как принципы термодинамики, законы сохранения, принципы инвариантности и т.д. И это в какой-то степени им удавалось сделать, потому что все они исходили из ньютоново-картезианской парадигмы, которая хорошо согласовывалась также с обыденным мышлением и не предъявляла больших требований к воображению исследователя. Однако, как известно, эти исследования не привели к выявлению универсальных психологических закономерностей, что характерно для полиредукционизма. По этому поводу В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили писали: «Стремление к поиску объективных методов психологического исследования, равно как и потеря веры в их существование, порождают в психологии беспрецедентные для любой другой науки по своему разнообразию формы редукции психического. При этом расширяющиеся полезные междисциплинарные связи психологической науки приводят к потере собственного предмета исследования» [Зинченко, Мамардашвили, 1977, с. 86].

Вышеприведенные рассуждения А.И. Миракяна не вписываются в рамки традиционной психологии, потому что выходят за пределы собственно психологических исследований и затрагивают вопросы общеприродного, бытийного характера.

Это непривычный ход мыслей не только для психологов, но и для других представителей естествознания. «В естествознании, – пишет В. Гейзенберг, – нас интересует не вселенная в целом (в издании 1989 года «Универсум» – Р.Н.), включающая нас самих, а лишь определенная ее часть, которую мы и делаем объектом нашего исследования. В атомной физике обычно эта сторона представляет собой чрезвычайно малый объект, именно атомные частицы или группы таких частиц. Но дело даже не в величине; существенно то, что большая часть вселенной, включая и нас самих, не принадлежит к предмету наблюдения» [Гейзенберг, 1963, с. 32]. Таковы последствия декартовского разделения, которое и хочет преодолеть В. Гейзенберг. В этом контексте следует отметить огромную заслугу А.И. Миракяна перед психологией, которая заключается в том, что он со всей остротой и полнотой поставил вопрос о значении и когнитивных возможностях наблюдателя (психолога-исследователя) при изучении закономерностей психических процессов. Это удалось благодаря тому, что свою научную деятельность А.И. Миракян начал не с вопроса: «что до меня изучали?», а «каким образом они мыслили, изучая процесс отражения?», что и привело к обнаружению «продуктного» подхода (как говорил А. Маслоу, «только изучая познающего мы приблизимся к ясному пониманию познаваемого» [Маслоу, 1997, с. 44]). Именно поэтому в дальнейшем перед А.И. Миракяном встал вопрос о том, как исключить влияние стереотипов мышления и эмпирического опыта исследователей на ход теоретического и экспериментального исследования

процесса психического отражения. Необходимо было избавиться от сложившейся за столетия и укоренившейся системы понятий и способов исследования, имевшей отношение лишь к воспринятым объектам, уже являющимся результатом, в которых, по сути, «умер» процесс, что и не давало возможности проникнуть в сущность порождающего объекты процесса. А выход за пределы эмпирического мышления исследователя мог означать одно: обращение к реальности до отражения (переход в область метафизических исследований), где заложены потенциальные возможности порождения всего и, в том числе, психического отражения. Тем самым, А.И. Миракян делает первые в научной психологии попытки понять и описать порождение психического отражения из реальности, которая предшествует восприятию, еще не отраженной в сознании человека, одновременно предложив свое представление об особенностях ее существования.

Вкратце опишем эти особенности материальности. «В качестве первой исходной особенности материи, – пишет А.И. Миракян, – можно взять как ее объективную дискретность, так и ее объективную единость в их диалектическом соотношении, которое заключается в том, что независимо от нашего непосредственно-чувственного и опосредствованно-познавательного отражения или уровня знания, материя, или материальность, состоит из бесконечного многообразия форм..., которые в природе по своим внутренним законам образуют пространственно-временные, энергетически-дискретные формы. Но вместе с этим, как границы их дискретности, так и определенность их форм, вне нашего отражения, т.е. вне выделения и сопоставления этих форм и составления определенных соотношений, представляют нерасчлененную единость» [Миракян, 1992а. с.36]. «Вторая особенность материи заключается в распадении и по-

рождении форм: что обусловлено диалектически противоположными тенденциями к самосохранению дискретных форм и к их разрушению, приводящему к единости» (там же, с.37). «В качестве *третьей* особенности материальности можно взять ее структурно-процессуальную особенность образования и разрушения отношений между дискретными формами материи или гомогенными формами внутри более общей формы» (там же). «*Четвертая* объективная особенность материи – ее пространственно-временная анизотропность и гомогенность, которые связаны с пространственно-временными свойствами материи и с осуществлением дискретно-единых распадающихся и порождающихся ее форм» (там же). И далее, основываясь на этих теоретически предполагаемых особенностях материи, существующих вне (или до) восприятия человека, А.И. Миракян выводит принципы психического отражения. Таким образом, чтобы объяснить закономерности психического отражения, А.И. Миракян переходит из «реальности присутствующего» в «реальность отсутствующего» и формулирует ее особенности на «языке» этой же реальности.

Характеризуя эту картину мира, А.И. Миракян пишет: «По отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще нереализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие материальных форм материи предстает в нерасчлененном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. *Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образоваться, т.е. породиться в процессе отражения* (выделено нами – Р.Н.), который можно тракто-

вать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватности функционирования живой системы в окружающей среде» [Миракян, 1992а, с.39-40]. Из приведенной цитаты можно сделать несколько важных выводов, влияющих на наши представления о мире. Во-первых, в реальности, относящейся к области «еще нереализованной возможности отражения», то есть в реальности, существующей до отражения, нет объектов с их свойствами, а есть материальные формы, составляющие нерасчлененную глобальность. Во-вторых, объекты и их свойства появляются как продукты процесса формопорождения, то есть уже как психические явления, показывая этим, что реальность, воспринимаемая человеком, есть не что иное, как порожденные им же самим образы, ощущения, представления и т.д. В-третьих, заметим, что речь идет не об отражении, а о формопорождении, чем подчеркивается мысль о порождении нового, не имеющего сходства (аналога, копии, подобия и тем более тождества) с «отражаемым», тем самым снимая вопрос об адекватности отражения действительности в традиционном смысле этого понятия, как соответствия образа объекту, находящемуся вне субъекта. И, в-четвертых, А.И. Миракян предпочитает говорить не об адекватности отражения, а об адекватности функционирования, о чем еще будет сказано ниже.

Все вышесказанное позволяет рассмотренную выше реальность «отсутствующего» или «реальность до отражения», проявляющую себя в совокупности вышеприведенных четырех диалектических принципов существования материи, назвать *реальностью Миракяна* – именем того, кто впервые описал ее, как обычно это делается при желании сохранить имя первооткрывателя.

Несмотря на философский характер своих рассуждений, А.И. Миракян не указывает прямо, какой философской

позиции он придерживается. Но даже «невооруженным глазом» видно, что А.И. Миракян обращается к метафизическому способу рассуждений. Ведь употребляемые им понятия «трансцендентальная психология», «реальность отсутствующего», «ничто», «глобальность», «порождающий процесс», «единое», «непрерывность», лежащие в основе философской части его концепции, являются метафизическими понятиями, потому что соответствующие им сущности не даны в непосредственном опыте человека, относятся к области сверхчувственного и не поддаются эмпирической проверке. А это значит, что мы имеем дело с фактом становления новой психологической парадигмы, потому что эта концепция, в отличие от других психологических теорий, начинается не с выделения психологических единиц анализа, представляющих собой элементарные явления или процессуальные акты психической, уже отраженной, реальности, а с метафизических предпосылок об особенностях существования бытия, могущих привести к порождению феноменов психического отражения.

Таким образом, по мнению А.И. Миракяна, принципы порождения психического (и не только психического) являются неотъемлемым свойством бытия, для которого была предложена своя онтология развивающейся материи. Следовательно, метафизика Миракяна – это, прежде всего, материалистическая метафизика, отличающаяся, однако, от метафизического материализма в духе Г. Гегеля или марксизма тем, что метафизика А.И. Миракяна основывается на идее саморазвития материи, то есть не противопоставлена диалектическому материализму. Использование А.И. Миракяном метафизических рассуждений и есть причина того, почему его методологический подход не вписывается ни в культурно-исторический подход Л.С. Выготского, ни в теорию деятельности Рубинштей-

на-Леонтьева, ни в системный подход Б.Ф. Ломова. Дело в том, что во всех упомянутых направлениях изучения психического (являющихся методологическим и теоретическим фундаментом психологической науки в России) рассматриваются вопросы развития и преобразования психики, а не вопросы принципов ее порождения из первоначал бытия. А это означает, что во всех этих случаях психическое изучалось (в том числе при рассмотрении отдельных стадий его развития в виде его новообразований) как уже сформировавшаяся конкретная данность, в которой процесс порождения уже завершился и остался вне сферы сознания психолога-исследователя.

Однако нельзя утверждать, что «продуктный» подход к исследованию процессов восприятия не осознавался другими исследователями. Понимание ограниченности «продуктного» подхода – в соотношении «продукт» и «процесс» восприятия – обнаруживается в работах В.П. Зинченко с соавторами (1973), В.В. Столина (1976), А.Д. Логвиненко (1985), В.А. Барабанщикова (1990, 1995), Л.М. Веккера (1998) и др. Вместе с тем, как пишет В.И. Панов, анализируя эту проблему, «...каждый из них, пытаясь по-своему преодолеть «продуктную» парадигму, все-таки вынужден в итоге опираться в своих исходных посылах на те или иные «продуктные» основания» [Панов, 1996, с. 18]. В качестве примера В.И. Панов приводит исследования В.П. Зинченко (1972), Б.М. Величковского и А.Б. Леоновой (1978), посвященные разработке принципов и методов анализа микроструктуры перцептивного акта (микроструктурный анализ процесса восприятия). В этих исследованиях в качестве исходных понятий и единиц анализа берутся «перцептивные действия и операции», которые, согласно теории деятельности А.Н. Леонтьева, будучи направлены на достижение сознательно поставленной цели, образуют перцептивную

деятельность субъекта. Но это означает, что, во-первых, на разных стадиях микрогенеза действия и операции могут быть выделены только опосредованно – через предметное содержание объекта действия с его свойствами и признаками. Следовательно, авторы этих исследований изначально наделяют перцептивные действия и операции «продуктивными», уже воспринятыми признаками. Во-вторых, как бы ни дробили они перцептивное действие на все более мелкие операциональные блоки, все равно между двумя соседними блоками остается промежуток, в котором и протекает искомый психический процесс, неосознанный ни испытуемым, ни исследователем. Это напоминает кинематографический метод, при котором естественное движение возникает из суммы отдельных микро-движений, застывших в множестве кадров. Разумеется, такой подход не может привести к пониманию психологических принципов отражения естественного движения.

И, в-третьих, так как деятельность есть совокупность действий, направленных на достижение сознательной цели, то это приводит к ограничению предметного содержания перцептивных действий и операций. В результате исследуется микрогенез восприятия какого-либо одного качества или признака воспринимаемого объекта, например, «движения», «формы» [Б.М. Величковский, 1976; Н.В. Цзен, 1976]. В итоге «эти методы не позволяют включить в предмет исследования ту процессуально-порождающую сторону восприятия, которая обеспечивает полифункциональность непосредственно-чувственного акта, т.е. возможность порождения различных сопредставленных пространственных свойств и отношений в окружающем мире» [Панов, 1996, с.18]. В качестве другого примера, наиболее продвинутого в преодолении продуктивных оснований изучения процесса восприятия, В.И. Пановым была избрана

системно-генетическая концепция, предложенная В.А. Барабанщиковым (1990, 1995).

Как отмечает В.И. Панов, в начале своей работы В.А. Барабанщиков указывает на то, что неудовлетворительное состояние психологии зрительного восприятия есть следствие того, что «основные компоненты перцепции (объект, субъект, активность, чувственный образ) берутся как *уже данные*, готовые, как продукты завершившегося процесса. Но именно это допущение и не позволяет «ухватить» динамику восприятия» [Барабанщиков, 1990, с. 24], то есть процесс восприятия определяется в гносеологической парадигме – со стороны своего же продукта, что противоречит логике динамики естественного процесса восприятия, протекающего от процесса к функционально необходимому продукту (образу). Поэтому Барабанщиков предлагает изменить гносеологическую парадигму на онтологическую таким образом, «...чтобы и объект восприятия, и его чувственный образ рассматривались функционально – как *становящиеся*, развивающиеся в процессе отражения, а это возможно лишь в том случае, если отношение «объект-образ» будет включено в процесс взаимодействия индивида со средой и построено на основе подвижного отношения субъекта восприятия с объектом» (там же, с.25).

Подробный анализ, проведенный В.И. Пановым, показал, что системно-генетический подход В.А. Барабанщикова, наряду с определенным преимуществом перед другими концепциями восприятия, имеет и свои ограничения. В.И. Панов показал, что эти ограничения существуют как на методологическом, так и на конкретно-психологическом уровнях исследования. Так, В.И. Панов пишет: «При анализе глазодвигательной активности читаем: «на разных стадиях развития зрительного акта одни и те же элементы среды (т.е. данность объекта – В.П.) получают различные мотивацион-

ные значения (т.е. вводится данность субъекта – В.П.) и по-разному влияют на организацию глазодвигательной активности» [Панов, 1996, с. 24]. И далее подводит итог: «Таким образом, Барабанщиков, начав монографию с критики традиционных подходов за их «продуктность» и «гносеологичность», сам не избежал того же» (там же, с.25). Причина здесь та же, отмечает Панов, о чем неоднократно говорил А.И. Миракян (1987, 1990), а именно: использование в качестве исходных оснований изучения психического отражения таких данностей, которые принадлежат самой реальности результатов психического отражения. Однако нам кажется, что указанная причина является лишь констатацией очевидного факта и не дает ответа на вопрос: почему же эти психологи, критикуя других исследователей психического отражения за «продуктивный» подход, тем не менее, сами оказались в русле этого подхода? Что помешало им вести исследования в русле афизикального подхода?

Ответы на эти вопросы помогут в поиске первопричины, заложенной в самом образе мышления ученого, потому что, как оказалось, одного лишь осознания ограниченности продуктного подхода недостаточно для реализации афизикального подхода, и в процессе поиска, вероятно, раскроется сущность различий между представителями афизикального и физикального подходов в психологии.

В конце своего анализа монографии В.А. Барабанщикова В.И. Панов выделяет важную для философских оснований психологии неоднозначность в понимании такого понятия как «онтологическая парадигма» или «онтологический подход». При раскрытии содержания различных способов понимания этих понятий, В.И. Панов апеллирует к представлениям Аристотеля о двух формах бытия – «бытие в действительности» и «бытие в возможности». Онтологию системно-генетической концепции В.А. Барабанщикова В.И. Панов сравнивает

с онтологией, разрабатываемой в исследованиях восприятия, проводимых Ж. Пиаже (1966, 1978). В обоих случаях процесс восприятия берется в конкретной своей форме – «... так, как он есть, т.е. как бытие в действительности. При этом выделяются две особенности их «онтологического подхода»:

- 1) вместо данности объекта, как исходного, для определения исследуемого процесса восприятия берется данность этого объекта в форме превращенной данности – в виде, например, «перцептивной потребности» (по В.А. Барабанщикову) и 2)

в обоих случаях одной из исходных посылок исследования процесса восприятия является требование адекватности конечного результата восприятия свойствам воспринимаемого объекта» [Панов, 1996, с. 26]. «Поэтому в обоих случаях речь действительно идет о том, что исследуется процессуальная и даже порождающая сторона восприятия, но только со стороны своей уже-осуществленности. И в этом смысле речь идет скорее об эпистемологической онтологии процесса восприятия, или, может быть, другими словами – процессуально-порождающей феноменологии восприятия» (там же). Мы вполне согласны с В.И. Пановым. И, действительно, если исходные предпосылки процесса, порождающего психическое явление, берутся из самой психической реальности (апостериорно данному сознанию), то это не может быть онтологией «бытия в возможности», в которой, на самом деле, должны существовать *лишь* истоки, первоначала или возможности порождения, относящиеся к допсихической реальности. А в этих первоначалах и возможностях психическое отсутствует в той форме, в какой оно представлено в сознании индивида. Поэтому подходы Ж. Пиаже, В.П. Зинченко, В.А. Барабанщикова и других классических и современных исследователей процесса восприятия назвать «онтологическими», имея в виду аристотелевскую онтологию, по крайней мере, некорректно.

Возникает противоречие: с одной стороны, исследователи стремятся получить знания об онтологии психических явлений, а с другой – они неизбежно попадают в область феноменологии. Можно предположить, что причина этого парадокса в том, что в области современной психологии научный и онтологический подходы (в смысле аристотелевской метафизики как «бытия в возможности»), вероятно, принципиально несовместимы, *если идти от науки к онтологии*. И это не удивительно – ведь философы полагают онтологию частью метафизики, т.е. онтология изначально является метафизической категорией со своим метафизическим содержанием. Поэтому противоречие наступает, когда онтологию изначально стараются наполнить научным содержанием, основанным, естественно, на результатах эмпирического исследования, и тогда совершается возврат к феноменологии. В подтверждение сказанному нами выше, вновь вернемся к анализу В.И. Панова, указывающему на специфику афизикального подхода: «В отличие от указанных авторов, А.И. Миракян предлагает начинать построение предмета исследования не с экспликации порождающего процесса как такового, а с определения принципов, обеспечивающих возможность спонтанного осуществления порождающего процесса восприятия и разворачивания их действия в свойствах конкретной отражательной системы и, соответственно, осуществляемого ею порождающего (отражательного) процесса. Иными словами, по аристотелевской терминологии, здесь речь идет о бытии процесса восприятия в возможности. И в этом смысле – о порождающей онтологии процесса восприятия» [Панов, 1996, с.27]. Как видно из этой цитаты, Панов имплицитно указывает на связь онтологии с метафизикой («бытие в возможности»), потому что в этом случае исследователь вынужден говорить или мыслить о том, чего еще нет или существует лишь

потенциально, то есть о чем-то сверхчувственном. А это и есть экспликация метафизики, как специфической априорной формы мышления о фундаментальных основах бытия.

Отсюда и необходимость обращения к метафизике, к системе априорных понятий, конструирующих такую «структуру» реальности, которая может привести к порождению процесса психического отражения, обеспечивающего полифункциональность, полимодальность и все разнообразие явлений в реальности феноменов восприятия.

В то же время, необходимо отметить, что сам А.И. Миракян о метафизике ничего не говорил. Почему? Это сложный вопрос, требующий исторического анализа становления и развития психологии в России с начала XX века, о чем будет сказано в следующей главе. А если ответить коротко, то причиной тому было господствовавшее среди его современников пренебрежительное отношение к метафизике, игнорирование ее значения для координации развития психологии, и, как следствие, потеря того метафизического образа мышления, которое было присуще философско-психологической элите России до 20-х годов прошлого столетия. Диалектический и, в особенности, исторический материализм, несмотря на многие свои положительные стороны, вытеснили метафизику как способ мышления и описания фундаментальных особенностей (первоначал) бытия. Поэтому можем предположить, что А.И. Миракян предпочел не говорить о метафизике, о философских основах своего подхода, оставив их в тени своей внутренней «творческой лаборатории», чтобы не вступать в совершенно бесплодные идеологические споры со своими (возможно, многочисленными) оппонентами, как со стороны философов, так и со стороны психологов. Философско-метафизические мысли А.И. Миракяна о психическом отражении более развернуто были опубликованы лишь после его кончины в двух книгах

под общим названием «Контурсы трансцендентальной психологии» (1999, 2004), но даже там не упоминается прямо о метафизике.

Таким образом, методологический анализ концепции трансцендентальной психологии А.И. Миракяна показал, что, с одной стороны, явно просматривается использование автором метафизического подхода для объяснения возможностей порождения психического отражения, а с другой — умалчивается о самом факте использования такого подхода, что позволило автору внешне соответствовать принципам, принятым в современной психологии, заменившей метафизику онтологией «бытия в действительности». Однако здесь следует уточнить различие, существующее между метафизикой и онтологией. Если онтология указывает на предмет, объект и область исследования, то метафизика указывает на образ мышления, соответствующий онтологическому исследованию. Вот почему метафизика имеет первостепенное значение для решения онтологических задач, так как именно метафизическим образом мышления определяются те первопричины или первоначала, на основании которых осуществляются выбор и особенности анализа онтологических проблем, касающихся «бытия в возможности».

Отсюда и возникает идея о **существовании проблемы**, требующей анализа степени значимости метафизического подхода для изучения фундаментальных вопросов возникновения психического отражения, чему и посвящено настоящее исследование. Но насколько правомерна подобная постановка проблемы может показать философско-исторический анализ взаимоотношений между метафизикой и естественными науками, а также анализ того, как сами естествоиспытатели, осознанно или неосознанно, использовали метафизические предпосылки для построения научных теорий.

1.2. Метафизика и наука

Исследованием этого вопроса хотим показать, что именно теряет психология, отказываясь от метафизики, и, наоборот, что приобретает – с применением метафизики в качестве философско-методологического принципа познания психики.

Если психологию рассматривать как естественную науку (какой ее и хотят видеть подавляющее большинство психологов), то этот вопрос является производным от более общего: «нужна ли метафизика естественным наукам?».

Однако сначала дадим некоторые определения метафизики. Согласно «Новейшему философскому словарю», «...в традиционной и классической философии Метафизика – это философское учение о сверхчувственных (трансцендентальных) основах и принципах бытия» [Новейший философский словарь, с. 612]. Более развернутое и, на наш взгляд, более полное определение дает выдающийся исследователь античной метафизики С.Н. Трубецкой: «Метафизика предполагает метафизическое данное. Но абсолютное, метафизическое, не может быть дано как внешний частный факт; всеобщая безусловная истина не может быть дана эмпирически. Если поэтому она и может быть дана, если она предполагается данной, то она дается иным образом, ибо она исключает возможность чисто внешнего действия на человеческие чувства. Метафизическое, как сверхчувственное, не может быть дано чувственно, но оно может открываться в чувственном» [Трубецкой, 2003, с. 52]. Согласно В. Вундту, «Метафизика – это попытка, принятая на почве всей совокупности научного сознания какой-нибудь эпохи или на почве наиболее выдающихся сторон его, образовать мировоззрение, объединяющее составные части специального знания» [Вундт, 2006, с. 120]. Тем са-

мым В. Вундт указывает на относительный характер определения и понимания метафизики. В то же время, согласно современным исследователям метафизики А.В. Иванову и В.В. Миронову, «Метафизика – это предельный вид философского знания, связанный с наиболее абстрактной и глубокой формой рефлексии (размышления) человека над проблемами личного и мирового бытия» [Иванов, Миронов, 2004, с. 40]. Или, по В.В. Миронову: «Метафизика – это выявление глубинных пластов бытия и осознание безграничных конструктивных возможностей мышления» [Миронов, 2011, с. 7]. В работах А.В. Иванова метафизика трактуется как «сердце философии»: «Метафизика (или «первая», или «теоретическая», или «системная» философия) всегда являлась, является и будет являться неустрашимым сердцем, центральной составляющей философского знания, ибо никакая любовь к мудрости, никакое цельное мировоззрение, никакая последовательная рефлексия невозможны без обращения к вечным – собственно метафизическим – проблемам бытия с никогда не могущими завершиться попытками их всеобъемлющего систематического решения» [Иванов, 2007, с. 42].

А о связи метафизики и науки читаем у Д'Аламбера: «На место всей туманной метафизики (от Аристотеля до Лейбница – Р.Н.) мы должны поставить метафизику, применение которой имеет место в естественных науках, и прежде всего, в геометрии и в различных областях математики. Ибо, строго говоря, нет науки, которая не имела бы своей метафизики, если под этим понимать всеобщие принципы, на которых строится определенное учение и которые являются зародышами всех истин, содержащихся в этом учении и излагаемых в нем» [Вяльцев, 1965, с. 368].

Согласно Г. Гегелю, в метафизике можно выделить следующие разделы: 1) онтология – учение о строении и сущ-

ности бытия, определение мира и его элементов; 2) космология и космогония – учения о строении и о возникновении мира; 3) философская антропология; 4) теология. Предметом исследований метафизики, в частности, являются: бытие, материя, пространство, ничто, душа, мировой дух, Бог, истина, становление, сила, космос в целом, природа. Причем существенной особенностью положений метафизики является то, что их невозможно исследовать и подтвердить эмпирическим опытным путем. Именно эта черта метафизических обобщений являлась причиной многовековых споров о характере взаимоотношений между метафизикой и наукой. Поэтому, чтобы понять особенности этих взаимоотношений, необходим хотя бы краткий экскурс в историю развития представлений о метафизике.

В фундаментальной работе С.Н. Трубецкого путем тщательного анализа выявлено, что вся античная философия была «пропитана» метафизическими рассуждениями, относящимися к разным аспектам бытия. В мировоззрении древних греков не было разделения на метафизику и «другие» науки – метафизические размышления и частные выводы о закономерностях природных явлений составляли содержание единой философской системы. Отделение метафизики, как самостоятельной области знания внутри самой философии, произошло, как известно, в философии Аристотеля, когда в его системе появились разделы «первая философия» и «физика». Само название «метафизика» было дано не Аристотелем, а Андроником Родосским, первым систематизатором сочинений Аристотеля (см., например, работу Н. Грота [Грот, 1890]). И уже у Аристотеля первая философия, то есть метафизика, по глубине познания мира как «бытия самого по себе», предшествовала частным знаниям о природе, то есть физике и другим наукам, находящимся на начальных стадиях своего развития. И имен-

но с «Метафизики» Аристотеля начинается драматическая история взаимоотношений науки и метафизики, в развитии которых можно выделить фазы отстранения метафизики от науки и ее возрождение.

В учебном пособии по метафизике А.И. Уемов (2010) пишет, что первое упоминание о безоговорочном отрицании «Метафизики» Аристотеля, как учения о первой философии, относится к 1209 году, когда участники Парижского собора, «обнаружив» заключенную в ней ересь, осудили и приговорили к сожжению трактаты Аристотеля. Отношение к сочинениям Аристотеля изменилось благодаря Фоме Аквинскому, которому удалось сочинения Аристотеля поставить на службу христианской теологии, и главная роль в этой реабилитации принадлежала «Метафизике», из положений которой Ф. Аквинский вывел пять доказательств существования Бога. После этого «Метафизика» стала предметом изучения философов и представителей разных наук всех последующих поколений до наших дней.

Вторая фаза критики метафизики по времени совпадает с XIX веком и связана с критикой Г.В.Ф. Гегеля «старой» метафизики, сторонниками которой были такие философы как Г. Лейбниц, Р. Декарт, И. Кант. Г. Гегель рассуждал так: человек познает природу при помощи своего мышления и природа вещей истинна в той мере, «...в какой это мышление есть моя деятельность» [Гегель, 1974, с. 116]. Вместе с тем, мышление, и метафизическое мышление в том числе, существует в формах формальной логики. Поэтому Г. Гегель делает вывод: «Логика совпадает с метафизикой – наукой о вещах, постигаемых в мыслях, за которыми признается существенное в вещах» [Гегель, 1974, с. 120]. И далее метафизике приписываются все «недостатки» формальной логики, как примитивного рассудочного мышления, по сравнению с диалектической логикой.

Во-первых, указывает Г. Гегель, определения метафизики брались в их абстрактности, и полагалось возможным познание абсолютного «путем приписывания ему предикатов» (там же, с.134), что по Г. Гегелю недостаточно обоснованно. Во-вторых, метафизическое мышление - это «конечное» мышление, так как определения метафизики считаются неизблемыми, «не могущими в свою очередь подвергнуться отрицанию» (там же, с. 143). В-третьих, старая метафизика превратилась в догматизм, потому что в силу конечности определений метафизики противоположные им определения должны считаться ложными. Известно, что в метафизике Аристотеля действует закон исключенного третьего «или-или»: если одно из утверждений принимается за истину, второе, ему противоположное, обязательно должно быть ложным. А в диалектической логике этот закон Г. Гегель заменил законом одновременного существования двух противоположностей, как единства противоположностей, и полагал, что истинная сущность познания должна быть именно такой.

Об отношении науки и метафизики Г. Гегель пишет: «Основная ошибка научного эмпиризма всегда состоит в том, что он, пользуясь метафизическими категориями – материя, сила, одно, многое, всеобщность, бесконечность и т.д. ... не знает при этом, что он сам содержит в себе метафизику, сам занимается ею; он, таким образом, пользуется этими категориями совершенно некритично и бессознательно» (там же, с. 149). Таким образом, согласно Г. Гегелю, ученый, хочет он того или нет, использует метафизические понятия в развиваемой им науке. С этой мыслью Г. Гегеля почти два столетия спустя вполне созвучно мнение М. Вартофского: «У нас не может быть сомнений в том, что в истории науки «метафизические модели»... играли важную роль при построении научных теорий и в научных спорах по поводу

альтернативных теорий. Достаточно сослаться на понятия материи, движения, силы, поля, элементарной частицы и на концептуальные структуры атомизма, механицизма, прерывности и непрерывности, эволюции и скачка, целого и части, неизменности и изменении, пространства, времени, причинности, которые первоначально имели «метафизическую» природу и оказали громадное влияние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия» [Вартофский, 1978, с. 63].

Упрощенные гегелевские представления о метафизике были восприняты и ассимилированы марксизмом. Материалистически интерпретируя гегелевские диалектические законы развития, принципы всеобщей связи явлений и всеобщего развития, ученые-диалектики, начиная с Ф. Энгельса, противопоставляли диалектический материализм метафизически понимаемому развитию, то есть отрицающему развитие. Насколько искаженно представлял метафизику марксизм, можно понять из сочинения И.В. Сталина «Краткий курс истории ВКПб», где в главе «О диалектическом и историческом материализме» он пишет: «В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений и оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависимых друг от друга, – а как связное, единое целое, где предметы, явления связаны друг с другом и обуславливают друг друга» [Сталин, 1953, с. 175]. Естественно, такое понимание метафизики не может привести к созданию и развитию какой-либо науки. В этом смысле метафизика даже антинаучна.

Следующая волна критики метафизики и ее противопоставление науке было связано с возникновением позитивизма. О. Конт, родоначальник позитивизма, выступал против религии и ее основы – метафизики. Религии и метафизике

О. Конт противопоставлял науку. Согласно О. Конту, наука и философия не могут и не должны ставить вопросы о причинах явлений. Наука должна развиваться только на основе опыта, опирающегося на чувственные данные. Опыт должен быть освобожден от умозрительных догадок и предположений, носящих «доопытный» характер, то есть от метафизики. Наука изучает не сущности, а феномены, наука не нуждается в метафизических сущностях. Причины появления такого, позитивистского, образа мышления О. Конт объясняет исторически, как результат развития мышления человека от мифологически-теологического к метафизическому и, далее, к позитивно-научному. То есть метафизическое мышление О. Конт рассматривает как пройденный этап, как менее развитый способ отражения действительности.

Таких же позитивистских взглядов, в основном, придерживались Д.С. Миль, Г. Спенсер, П. Дюгем и др.

Если обобщить подход позитивистов к науке и ее отношение к метафизике, то получим следующую схему: наука опирается только и только на данные опыта (метафизика выводится за скобки), опыт возникает из ощущений, в центр внимания помещаются проблемы психологии, и поэтому всякая наука есть часть психологии («второй позитивизм» Р. Авенариуса, Э. Маха и др.).

К началу XX века позитивизм начал терять свою значимость из-за коренных изменений в самой науке, особенно в физике, где для объяснения некоторых данных эксперимента оказалось необходимым сделать допущения явно не эмпирического характера.

Однако в 30-е годы XX столетия позитивизм возрождается в новой модификации, получившей название «третьего позитивизма» или неопозитивизма. На этот раз был выдвинут принцип верификации, то есть эмпирической проверя-

емости тех или иных положений. Положение может быть осмыслено и принято только в том случае, если оно верифицируемо. Это значит, что науку надо построить таким образом, чтобы исключить неверифицируемые положения.

При таком подходе к науке метафизика так же, как и при позитивизме, осмысливается как антинаучное знание.

Например, в трактовке логического позитивизма Л. Витгенштейна онтология отождествляется с используемым языком, поэтому их границы совпадают. А так как в языке оказываются невыразимыми все метафизические, этические и эстетические предложения, следовательно, все они бессмысленны. Похожие взгляды на соотношение науки и метафизики имели Р. Карнап, Г. Рейхенбах, Б. Рассел, А. Айер и др.

Однако среди выдающихся философов были и сторонники метафизики, которые не только положительно оценивали познавательную функцию метафизики, но и считали ее необходимой основой науки. Так, например, Р. Декарт полагал, что в дереве философского познания корни – это метафизика, ствол – физика, а ветви – все остальные науки, среди которых он выделяет три главные – медицину, механику и этику [Декарт, 1950]. Метафизику Р. Декарт понимал, как первую часть истинной философии, где содержатся начала познания и среди них «...главные объяснения атрибутов бога, нематериальности нашей души равно и всех остальных ясных и простых понятий» [Декарт, 1950, с. 420].

Г. Лейбниц так же, как и Р. Декарт, придает большое значение метафизике и необходимой связи метафизики и науки, хотя строит совершенно другую метафизическую картину мира. Г. Лейбниц считает, что частные явления природы могут быть объяснены математикой и механикой, но общие принципы природы и самой механики, носят скорее метафизический, чем геометрический (научный) характер, и «...

коренятся скорее в известных неделимых формах и натурах (субстанциях или монадах – Р.Н.) как причинах явлений, чем в телесной или протяженной массе» [Лейбниц, 1982, с. 144]. Г. Лейбниц выступает против изгнания из физики конечных причин и, более того, считает, что это может иметь опасные последствия. Для него ясно, что именно в метафизике нужно искать причины всех существований и законов природы (там же, с. 144), то есть конечные причины физики и других наук. В то же время Г. Лейбниц признает, что мы легко можем обмануться «при определении целей и планов Бога» (т.е. при определении предмета метафизических рассуждений – Р.Н.) (там же). Но тут же Г. Лейбниц объясняет, что это может случиться только в том случае, если мы хотим ограничить планы Бога (или предмет метафизики – Р.Н.) каким-нибудь частным намерением, тогда как Он в одно и то же время взирает на все (там же). Из этих высказываний следует, что, во-первых, наука нуждается в исследовании своих конечных причин, во-вторых, возможно создание множества метафизик, различных по степени совершенства и обобщенности.

Одновременно Г. Лейбниц раскрывает и другую сторону взаимоотношений между метафизикой и наукой. Он пишет: «Я совершенно согласен, что изучение этих форм (субстанций – Р.Н.) нисколько не поможет нам в частности физики и что ими не следует пользоваться для объяснения отдельных явлений» (там же, с. 133). Тем самым Г. Лейбниц предупреждает, что, если, например, физик для объяснения изучаемых им конкретных явлений будет прибегать к «...привходящему содействию Бога или к какой-нибудь душе, архео и т.п., то он точно натворит кучу нелепостей» (там же, с. 134). Однако, несмотря на это, Г. Лейбниц считает, что без метафизических рассуждений о субстанциях, субстанциальных формах, душе, свободе воли и т.д., «...

нельзя ни понять, как следует, первых начал, ни возвысить дух до познания возвышенных натур и чудес Божьих» (там же, с. 133).

И. Кант следующим образом определял метафизику: «Я называю истолкование метафизическим, если оно содержит то, что понятия показывают нам как данные a priori» [Кант, 1964, с. 130]. Рациональное учение о природе, согласно И. Канту, может называться наукой лишь в том случае, если законы, лежащие в основе природы, познаются a priori и не представляют собой лишь эмпирические законы. Поэтому различаются две разновидности познания природы: «познание природы первого рода носит название чистого, второго рода – прикладного познания разумом» [Кант, 1966, с. 56]. А так как наука предполагает понятие о законах, то есть необходимой совокупности «...всех определений вещи, относящихся к ее существованию» (что невозможно получить эмпирическим путем), то наука может называться таковой лишь благодаря чистой своей части, включающей в себя априорные принципы всех прочих объяснений природы» (там же).

Для дальнейшего нашего анализа важно также мнение И. Канта о методологической важности выделения чистой, метафизической, части науки: «Всякая наука о природе в собственном смысле нуждается, следовательно, в чистой части, чтобы на ней могла основываться аподиктическая достоверность, которую ищет в науке разум; и так как в этой части принципы совершенно иного рода, чем чисто эмпирические, то будет также чрезвычайно полезно, более того, по существу дела в методологическом отношении совершенно обязательно излагать эту часть отдельно, вовсе не вдаваясь в другую, и притом по возможности излагать во всей ее полноте, дабы можно было совершенно точно определить, что же разум способен дать сам по себе и где

способность его начинает нуждаться в помощи эмпирических принципов. Чистое познание разумом из одних лишь понятий называется чистой философией или метафизикой» (там же). Здесь И. Кант явно указывает, во-первых, на то, что метафизические принципы совершенно иного рода, чем эмпирические, что требует дальнейшей конкретизации, и, во-вторых, – на необходимость обращения к эмпирическим принципам, в случае неполноты метафизических рассуждений. А это означает, что не только выбором метафизических оснований определяется организация будущих эмпирических исследований (выбор методологии, предмета, метода и т.д.), но, в свою очередь, эмпирические данные, расширяющие возможности нашего мышления, могут служить предпосылкой для «коррекции» и дополнения этих же метафизических оснований науки. А изменение метафизических оснований науки, согласно современной терминологии, означает переход к формированию новой научной парадигмы.

К началу 30-х годов XX столетия, после почти векового господства позитивизма и махизма, в западноевропейской философии вновь начинают звучать голоса в защиту метафизики. В 1929 г. появляется работа выдающегося философа М. Хайдеггера «Что такое метафизика», в которой М. Хайдеггер определяет метафизику «...как вопрошание сверх сущего, за его пределы, так, что мы получаем после этого сущее для понимания как таковое и в целом» [Хайдеггер, 2007, с. 39]. Это определение М. Хайдеггер дает не сразу, как заранее принятую исходную теоретическую предпосылку, а получает через развертывание метафизического вопроса о Ничто, в котором метафизика проявляет сама себя. Показывая реальность существования вопроса о Ничто и его метафизическую сущность, М. Хайдеггер одновременно показывает, что этот метафизический вопрос вбирает в

себя и наше вопрошающее бытие. И таким образом им устанавливается связь между метафизикой и наукой, выражающаяся в том, что «...наше научное бытие возможно только в том случае, если оно заранее уже выдвинуто в Ничто. Оно (научное бытие – Р.Н.) понимает себя таким, какое оно есть, только тогда, когда не уклоняется от Ничто» (там же, с. 41). Если наука всерьез не принимает метафизические вопросы, то, как пишет М. Хайдеггер, ее пресловутые трезвость и всеисилие превращаются в насмешку.

Рассуждения М. Хайдеггера имели самостоятельное значение для философского познания онтологии бытия, но они не могли служить основой для аргументированного возражения против позиции зарождающегося неопозитивизма относительно метафизики, которое, тем не менее, вскоре было выдвинуто К. Поппером. Как известно, неопозитивизм отвергал метафизику на том основании, что истинность ее предложений невозможно было верифицировать опытным путем. И поэтому, считали неопозитивисты, необходимо отказаться от метафизики, как от бессмысленного и бесплодного знания. Однако критерии научности знания, выдвинутые К. Поппером, позволяют несколько иначе определить значение метафизики для познания действительности и ее связи с наукой.

Во-первых, К. Поппер показал, что опытным путем невозможно доказать истинность научной теории или гипотезы, так как опыт имеет дело с ограниченной совокупностью единичных эмпирических фактов, которая никогда не может стать полной и не может удовлетворить требованиям универсальности, заложенным в научных теориях в общем и обобщенном виде. Отсюда видно, что степень доказуемости истинности научных теорий может быть разная, но никогда не абсолютная. Поэтому для определения научности выдвигаемой теории К. Поппер вместо верификации предла-

гает критерий фальсифицируемости, объясняя, что именно возможной фальсифицируемостью научной теории порождается необходимость проведения эмпирического исследования. Если при этом обнаруживается хотя бы один факт, опровергающий теорию, то, следовательно, она не может претендовать на статус научной теории. Вновь созданная теория учитывает эту аномалию, становится совершеннее и эффективнее, определяя тем самым вектор развития науки. В свете рассуждений К. Поппера, метафизические вопросы и предложения (гипотезы) нельзя ни опровергнуть, ни доказать, то есть они являются ненаучными. Но этот вывод еще не может служить таким весомым аргументом, чтобы считать метафизику бессмысленной или бесплодной. Вспомним, И. Кант также показал, что метафизика не может быть наукой, но в то же время признавал, что без априорных метафизических рассуждений не могли бы развиваться ни математика, ни естествознание.

Обобщая анализ концепции К. Поппера, М. Вартофский приходит к выводу: «Хотя для К. Поппера метафизика остается «мифической» и ненаучной вследствие своей неопровержимости, она, по своему характеру, все-таки антидогматична и включается в науку, когда «миф рождает проверяемые компоненты знания» [Вартовский. 1978, с. 70]. Эта непрерывность перехода от мифа к метафизике и науке или от ненаучного или донаучного к научному знанию имеет несомненный смысл» (там же, с. 71).

Последователь К. Поппера, Дж. Агасси [Agassi, 1964], развивая идеи фальсификационизма, более конкретно указывает на важность метафизики для науки. В концепции Дж. Агасси можно выделить ряд важных моментов, касающихся взаимосвязи метафизики и науки.

Наука рассматривается Дж. Агасси как интерпретация метафизической теории. При этом может оказаться, что в

основу какой-либо науки разными исследователями могут быть положены разные метафизические гипотезы. Поэтому встает вопрос о критерии признания или отбрасывания метафизических гипотез, и в качестве такого критерия Дж. Агасси предлагает критикуемость, в отличие от попперовской опровержимости.

Согласно точке зрения Дж. Агасси, история науки показывает, что критерием при выборе научной проблемы является ее значение для решения метафизических проблем, а не высокая степень проверяемости или опровержимости. Таким образом, Дж. Агасси предлагает совершенно новый взгляд на значение науки (точнее – на одно из значений науки) для познания действительности. Для Дж. Агасси верифицируемость или фальсифицируемость научной теории имеет второстепенное значение. Они нужны не только для определения истинности научной теории, но также - что более важно для Дж. Агасси - для выбора «лучшей», оправдывающей себя, метафизической гипотезы, из которой «вырастает» данная научная теория. Исходной теоретической предпосылкой Дж. Агасси является идея о том, что метафизику можно рассматривать как «координирующий фактор научного исследования», что подчеркивает первичную роль или значимость и эвристическую функцию метафизики для науки. Но, так как в основание науки могут быть положены разные метафизические гипотезы, то возникает вопрос выбора одной из них, для чего Дж. Агасси предлагает следующее: «Две различные метафизические концепции приводят к двум разным интерпретациям известных фактов. Каждая из этих интерпретаций превращается в научную теорию, и одна из этих научных теорий терпит крушение при решающем эксперименте. Метафизика, лежащая в основе опровергнутой теории, теряет свою интерпретационную силу и устраняется. Это показывает, насколько некоторые научные

проблемы, как правило, принадлежат к числу тех, которые были избраны для анализа... метафизических идей, выступающих в научном исследовании в качестве важных регулятивных принципов» [Цит. по: Вартофский, 1978, с. 72-73].

Т. Кун также считает, что метафизика и наука определенным образом связаны между собой. В истории развития наук Т. Куну удалось выделить фундаментальную «единицу» измерения состояния развития науки, названную им парадигмой. Согласно Т. Куну, парадигмы представляют собой не только принятые данным сообществом ученых модели или «образцы» научно-исследовательских действий и способов решения научных проблем, но они еще являются и определенными моделями мышления и видения мира. Поэтому, по Т. Куну, парадигма включает в себя совокупность метафизических и методологических положений. Т. Кун пишет: «Едва ли любое эффективное исследование может быть начато прежде чем научное сообщество решит, что располагает обоснованными ответами на вопросы, подобные следующим: каковы фундаментальные сущности, из которых состоит универсум? Как они взаимодействуют друг с другом и с органами чувств? Какие вопросы ученый имеет право ставить в отношении таких сущностей и какие методы могут быть использованы для их решения?» [Кун, 2009, с. 23]. Следовательно, парадигма предполагает наличие метафизического подхода, определяющего онтологические допущения, составляющие, признаваемую сообществом ученых, картину мира. Поэтому при смене парадигмы меняются и метафизические основания новых теорий, которые приходят на место прежних, что сопровождается изменением способа видения мира. «Тот, кто видел наружную стенку коробки, глядя сверху, – пишет Т. Кун, – позднее видел ее внутреннюю сторону, если смотрел снизу» (там же, с. 174). Согласно Т. Куну, метафизика, как некоторая картина мира,

в которую включена и наука, настолько связана с наукой, что невозможно провести между ними линию демаркации.

М. Вартофский, развивая идеи К. Поппера, Дж. Агасси и Т. Куна, идет еще дальше. Он ставит более глубокий вопрос, так как для него «...основной вопрос состоит не в том, чтобы описать отношение между метафизикой и наукой, а в том, чтобы объяснить это отношение» [Вартовский, 1978, с. 79]. В процессе этого объяснения М. Вартофский, анализируя взаимоотношения между метафизикой, здравым смыслом, глубинной структурой языка, а также возможностью метафизики критиковать основы нашего понимания, путем введения концептуальных моделей, приходит к убеждению в существовании особой эвристической функции метафизики для науки.

Таким образом, философско-исторический анализ взаимоотношений между метафизикой и естественными науками показал, что уже после середины XX века в философии, а также в философии науки, метафизика рассматривается как необходимая и неотъемлемая часть науки.

Вышеприведенный анализ дает нам основание утверждать, что действительно существует **проблема**, требующая глубокого исследования, а именно: несмотря на претензию психологов создать психологию естественнонаучного типа, до сих пор не было серьезной попытки исследовать и показать взаимосвязь метафизики и психологии. Возможными причинами такого отставания или ограничения методологического горизонта психологии, кроме идеологических, была, в частности, опасность перейти границу рациональности и вступить на территорию иррационализма, теологии, разного рода «ведьмачества» и спиритуалистических подходов, о чем предупреждали В.П. Зинченко и А.В. Юревич [Труды..., 2003]. Были причины и методологического характера, о которых будет сказано ниже. Однако развитие

философии науки и самой психологии указывают на необходимость пересмотра вопроса об отношении психологии к метафизике и поиска способов рационального решения этого вопроса.

1.3. Метафизические представления в естествознании

Предыдущий анализ, проведенный на уровне философского знания, показал, что наука имеет свои метафизические предпосылки, которые, например, согласно Дж. Агасси, могут играть роль «координирующих факторов научного исследования» или, согласно Т. Куну, метафизические предпосылки, составляя обязательную компоненту парадигмы, определяют особенности содержания и развития науки. Однако необходимо выяснить, как сами естествоиспытатели, изучающие ограниченные области природы, относятся к метафизике и как это отражается на построении и содержании проводимых ими исследований.

В. Вундт в своей работе «Метафизика» [Вундт, 2006] убедительно показывает неизбежность применения метафизических идей в естествознании. При этом В. Вундт рассматривает три разновидности метафизики, соответствующие трем последовательным стадиям ее развития.

Первую стадию становления метафизики, как особой области знания, В. Вундт назвал поэтически-мифологической, куда отнес всех философов досократовского времени. В поэтической стадии метафизические рассуждения, большей частью приведенные в поэмах древнегреческих философов о природе, еще смешаны с мифом. Но в них уже можно выделить господствующую идею мирового единства, понимаемую как «имманентную миру закономерность» [Вундт, 2006, с. 122], что и выносит ее за рамки мифа. На диалектической стадии, согласно В. Вундту, замеченная мировая зако-

номерность понимается уже «...не как нечто внешне созерцаемое, а как внутреннее понимание и именно поэтому не могущее быть другим» (там же, с. 122). Так, например, в античной философии можно выделить две разновидности диалектической метафизики – платоновскую, стремящуюся отыскать основополагающее понятие совершенно а priori, как имманентное мышлению, и аристотелевскую, выводящую «...понятие из данного, чтобы затем распространить его с беспощадной последовательностью на все вещи» (там же, с. 139). На третьей, критической, стадии отдельные элементы из всего содержания познанных всеобщих закономерностей подвергаются критическому анализу в отношении их происхождения и связи с общими функциями познания. «При этом, – замечает Вундт, – требование необходимости мышления превращается в требование доказательства логического происхождения познания и упорядочивающих его содержание понятий» (там же, с. 122).

Желая показать метафизику как неискоренимый умозрительный инстинкт человеческого духа, В. Вундт обращается к анализу работ трех естествоиспытателей, которые, как ни удивительно, считали себя антиметафизиками.

Работу Э. Геккеля «Мировые загадки» (1935) Вундт считает основанной на поэтически-мифологической метафизике. К такому заключению В. Вундт приходит, потому что по Э. Геккелю, материи и эфиру свойственны чувствование и стремление; атомы испытывают удовольствие и неудовольствие при сгущении и разрежении материи; эти же качества проявляются в виде ощущений в органических клетках и доходят до своего апогея в специфических духовных клетках, и в этом высшем развитии материи потом эти чувствования и стремления (ощущения и воля) образуют сознание и мысли [Вундт, 2006, с. 137-138]. Метафизика Э. Геккеля сближается с поэтической метафизикой древних

греков через оперирование рядом произвольных соображений и неопределенных аналогий в виде аналогии между соединением и разделением материи и соединением и разделением полов. «Поэтому, – уточняет В. Вундт, – Геккель мог бы с таким же успехом – вместо чувствования и стремления, притяжения и отталкивания – сказать, как и Эмпедокл: любовь и ненависть» (там же, с. 137).

При анализе В. Вундтом работ другого естествоиспытателя Вильгельма Оствальда вырисовывается другая картина. В работе В. Оствальда «Натурфилософия» (2006), кроме собственно натурфилософии, содержится всеобъемлющее мировоззрение, то есть метафизика, и это то, что объединяет указанные сочинения В. Оствальда и Э. Геккеля. Однако в «Натурфилософии» Оствальда мы имеем дело с метафизикой другого рода. Согласно своей классификации, Вундт относит метафизику В. Оствальда к диалектически-онтологической метафизике, так как все – природа, дух, человек и человечество – подчинены одному принципу энергии. Энергетический подход Оствальда стирает границу между естественными и гуманитарными науками и, «...переходя к идеям красоты, добра, человечества и его назначения, расширяется до энергетического мироотношения в самом широком смысле» (там же, с. 140). Это, по В. Вундту, соответствует аристотелевской разновидности диалектической метафизики.

Касаясь вопросов духовных (психических) явлений, Оствальд старается показать, что и в этой области природных явлений также действуют принципы энергетического подхода. В частности, в них также должен действовать закон превращения и сохранения энергии. Действие этого закона В. Оствальд видит в превращении химической энергии мозговых процессов в предполагаемую «духовную энергию», которая затем превращается в физическую энергию,

выраженную в виде усталости или напряжении мускулов. Отсюда делается вывод, что нет необходимости введения «духовной энергии», как новой формы энергии. То, что «духовная энергия» выступает, как промежуточный член в цепи превращений и не может быть непосредственно измерена, не может считаться противоречащим принципу превращения и сохранения энергии. Более того, В. Оствальд не исключает возможности существования и других неизвестных членов и даже энергии трансцендентного характера, «...в случае появления умозрительной необходимости в них» (там же, с. 141). Вместе с тем, подытоживая анализ сочинения В. Оствальда, В. Вундт отмечает, что, несмотря на свой всеобъемлющий охват, энергетический подход не может предвосхитить «положение вещей», происходящих в психических процессах.

Таким образом, В. Вундт относит Э. Геккеля к представителям поэтической или мифологической метафизики, а В. Оствальда – к представителям диалектической метафизики.

Соответственно последовательному развитию метафизики, в качестве третьего естествоиспытателя, В. Вундт рассматривает известного физика и философа Эрнста Маха, которого он относит к представителям критической метафизики. Автор «Метафизики» полагает, что метафизические рассуждения у Э. Маха проявляются тогда, когда он проводит критический анализ возможности познать природу.

Если для И. Канта, также являвшегося представителем критической метафизики, главное – это рассудочные (априористические) логические формы познания, то для Э. Маха – это «материя ощущений», и при этом он вполне может обойтись без основных рассудочных понятий. Они нужны лишь для того, чтобы связывать между собой разные ощущения. И так как это связывание имеет произвольный характер, то для науки очень важно осуществить это «связывание», используя

принцип «экономии мышления», то есть, когда данные ощущений связываются между собой простейшим образом, охватывая при этом возможно большое количество исследуемых явлений. Э. Мах всегда выступал против априоризма, однако при ближайшем рассмотрении «экономия мышления» оказывается априористическим принципом, так как невозможно допустить, что это найдено посредством опыта. Если все же сделать такое допущение, то в нем «...заклучалась бы предпосылка, что образец простейшего способа связи дан уже в самих вещах, и он, стало быть, не субъективный принцип описания, а объективный закон природы, что Э. Мах категорически отвергает, так как такой закон был бы метафизическим и его нахождение было бы «объяснением природы» в старом смысле» (там же, с. 143). Но если принцип экономии мышления субъективен, как это утверждает Э. Мах, то встает вопрос о том, как он возник? В этом контексте принцип экономии мышления является таким же априорным метафизическим понятием, как пространство, время, материя, душа, причинность и т.д. Таким образом, избежать метафизики не удалось и Э. Маху. Борьбу Э. Маха и его последователей против метафизики в физике можно расценивать как «расчищение» физики от старых метафизических парадигм для введения в нее новых, соответствующих тому духу физики, который привнес наступавший XX век.

Теперь рассмотрим использование метафизических представлений о мире в одной конкретной науке и покажем это на примере физики, которая всегда служила для психологии образцом и эталоном естественной науки. Для этого нам необходимо показать, как не философы, а физики рассуждали об основаниях бытия, которые в буквальном смысле лежат за пределами возможностей экспериментального доказательства, то есть выходят «за» пределы физики, но без которых физика не смогла бы стать наукой.

Пристальное внимание к метафизике в физике было обращено, когда в начале XX века появились квантовая механика, специальная и общая теории относительности. Фундаментальность этих физических теорий заключается в том, что изучаемые ими явления непосредственно относятся к основаниям устройства мироздания – от элементарных частиц (квантовая физика), до звезд и космологических явлений (общая теория относительности). Сложность объяснения этих явлений и особенно трудности в объединении квантовой механики и общей теории относительности для получения целостной физической картины мира побудили многих выдающихся физиков обратиться к философским размышлениям об основаниях своей науки и тем полностью неосознаваемым априорным постулатам, на которых, во все времена, они строили здание физики. В настоящее время со всей очевидностью стало понятно, что в качестве фундаментальной основы физики всегда принимались метафизические предпосылки, независимо от того, были ее создатели сторонниками или противниками метафизики.

И. Ньютон, как ученый-физик, не принимал метафизику. Общеизвестны его высказывания: «Гипотез не измышляю» и «Физика, бойся метафизики!». Однако, несмотря на свое научное кредо, всю свою физику И. Ньютон построил на метафизических, то есть априорных и эмпирически не проверяемых, предположениях. В.Д. Захаров (1999) выделяет четыре фундаментальных метафизических постулата, на которых основывается научная парадигма И. Ньютона: 1) мгновенное дальноедействие; 2) абсолютные пространство и время; 3) концепция материальной точки и 4) принцип инерции. Ни один из этих постулатов не может быть эмпирически доказан и, более того, попытка их научного осмысления приводит к противоречиям и парадоксам. Поясним это на примере принципа инерции. Принцип инерции

предполагает существование инерциальной системы отсчета, которая сохраняет состояние прямолинейного и равномерного движения, если сумма воздействующих на нее сил равна нулю (учтем и то, что движение происходит в однородном изотропном пространстве и однородном времени, которые также являются метафизическими предположениями). «Даже если бы мы могли наблюдать такое движение, — пишет В.Д. Захаров, — возник бы вопрос: относительно чего тело движется прямолинейно и равномерно? Ответ может быть только один: относительно... той же инерциальной системы отсчета. Система отсчета, таким образом, определяется через движение, которое в свою очередь определяемое через систему отсчета» [Захаров, 1999, с. 100]. Далее, если учесть, что сумма всех воздействующих на движущее тело сил при этом должна быть равна нулю, то об этом мы сможем узнать, только наблюдая его движущимся равномерно и прямолинейно в инерциальной системе отсчета. Таким образом, «...мы не только не вышли из порочного круга, но и увязли в нем окончательно» (там же). К таким же парадоксам и неопределенностям приводит анализ остальных метафизических постулатов И. Ньютона (там же, с. 100). Обобщая мысль В.Д. Захарова, отметим: если эти метафизические предпосылки считать пороками классической физики, то нужно иметь в виду, что без этих «пороков» она не возникла бы как наука (там же, с. 99). Уточним лишь, что в классической физике такими же неопределенными метафизическими понятиями являются фундаментальные понятия электричества, энергии, силы, энтропии, а в квантовой механике и в обеих теориях относительности А. Эйнштейна их число резко возрастает, вследствие чего водораздел между метафизикой и современной физикой начинает постепенно исчезать, чем и объясняется, начиная с 20-х годов прошлого столетия, необходимая потребность физиков в философской

рефлексии собственных открытий. Одним из ярких примеров подобной научной активности в этом направлении может служить книга известного современного российского физика, профессора МГУ, Ю.С. Владимирова, изданная сравнительно недавно под названием «Метафизика», и это несмотря на то, что книга посвящена рассмотрению фундаментальных проблем современной теоретической физики [Владимиров, 2009]. В ней Ю.С. Владимирова убедительно показывает влияние метафизики древней Греции на физиков всех времен, и на примере собственной физической концепции демонстрирует возможность и эффективность использования метафизических идей образца античных философов, но преобразованных, согласно логике развития современной физической науки.

Таким образом, анализ показал, что в основе науки лежат метафизические представления о мире и его устройстве, и именно из этих метафизических предпосылок затем выстраивается здание всей науки. Эти соображения дают нам право предположить, что в психологии, как естественной науке, возможно и необходимо использование метафизического подхода, как образа мышления, направленного на решение фундаментальных проблем психического отражения реальности. В следующем разделе мы сделаем первый шаг в этом направлении и обсудим метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия.

1.4. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия

Свою концепцию психического отражения А.И. Миракян назвал трансцендентальной психологией восприятия [Миракян, 1995]. И это было обусловлено тем, что проблеме поиска принципов порождающего процесса восприятия

невозможно было решить на основе данных, относящихся к реальности уже-отраженных продуктов восприятия. Для этого, как показал А.И. Миракян, необходима трансценденция от психической реальности продуктов восприятия [Миракян 1992, 1995, 1999, 2004]. Однако сложность определения особенностей области трансценденции в том, что она не дана нам в непосредственном опыте. Поэтому для решения этого вопроса, необходимо было обратиться к метафизическому подходу, позволяющему осуществить умозрительный переход в реальность до отражения, где еще нет продуктов восприятия, нет отражения как такового, но есть возможности его порождения. Естественно, этот переход к философскому (метафизическому) способу рассуждения о предпосылках процесса отражения был нужен для выявления тех природных принципов, действие которых обеспечивало образование возможностей порождения процесса психического отражения. Поэтому свои метафизические рассуждения А.И. Миракян начинает с понятия НИЧТО, которым обозначается само бытие как единое, включающее в себя бесчисленное многообразие материальных форм, не обладающих чем-то, что можно было определить, как «нечто», представленное нашему сознанию. Бесконечное множество материальных форм А.И. Миракян определяет, как глобальность (аналог античного хаоса). В диалоге с известным советским психологом В.В. Давыдовым, приведенным в монографии А.И. Миракяна «Контурсы трансцендентальной психологии» (1999), В.В. Давыдов спрашивает: «Что есть восприятие, как не придание форме хаоса формы порядка?». А.И. Миракян дополняет: «Это у нас называется движением от глобальности к упорядоченности». В.В. Давыдов вносит уточнение: «Да, но я бы обострил формулировку: от хаоса, тоже имеющего свою логику. Думать, что хаос – это абсолютный хаос, – наивно» [Миракян, 1999, с. 94]. И дей-

ствительно, в дальнейшем А.И. Миракян показывает, какова должна быть логика существования глобальности, чтобы возникла возможность порождения процесса восприятия (или по-другому – упорядочения глобальности). Уже из сказанного становится понятным, что А.И. Миракян использует тот способ мышления, который в философии принято называть метафизическим. Таким образом, в качестве средства исследования психического отражения А.И. Миракяном был избран метафизический подход, поскольку перед собой он поставил задачу поиска предельных первопричин возникновения психического. Это ставит вопрос о границах применимости психологических знаний для исследования психического. Перевод сферы исследования из реальности психических феноменов в реальность допсихического мира поднимает проблему необходимости введения нового (не психологического) метода для исследования возможностей возникновения психического. Философско-методологический анализ проблемы психического восприятия позволил А.И. Миракяну выявить два взаимодополняющих подхода. Первый касается афизикального подхода, отрицающего возможность применения «продуктных» понятий для реконструкции порождающего процесса, второй – об использовании метафизического образа мышления, который А.И. Миракян применил в качестве средства исследования при построении своей концепции. Заметим, однако, что последний упомянутый подход, как теоретический метафизический метод исследования первопричин психического, не был озвучен в концепции А.И. Миракяна. Поэтому возникает необходимость методологического анализа метафизического подхода (образа мышления) в том его ракурсе, который относится к исследованию возможностей возникновения психического отражения и создания соответствующей концепции.

Для корректности и однозначного понимания смысла понятия «метафизика» уточним, что мы понимаем ее не в новом смысле противопоставления диалектическому методу, что является распространенным в современной психологии, а в старом смысле – «...как совокупность утверждений (или теорию), учение обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» [Мамардашвили, 1996, с. 93].

Если обратимся к истории развития метафизики, то обнаружим, что близкие по духу мысли уже были высказаны метафизиками Древней Греции, и ближе всех среди философов доплатоновского времени, как мы предполагаем, был Парменид. Поэтому для прояснения особенностей метафизического подхода А.И. Миракяна проведем параллели между образом мышления его и Парменида, учитывая также ту оценку философии Парменида, которую дал Б. Рассел: «Историческое значение Парменида состояло в том, что он изобрел форму метафизической аргументации, которая в том или ином виде может быть обнаружена у большинства последующих метафизиков, включая Г. Гегеля. Часто говорят, что Парменид изобрел логику, но в действительности он изобрел метафизику, основанную на логике» [Рассел, 2010, с. 66].

В работе С.Н. Трубецкого (2003) находим достаточно полное изложение мировоззрения Парменида, поэтому дальнейшее изложение его рассуждений о бытии будет основываться именно на этой работе. Трубецкой начинается анализ философии (метафизики) Парменида с того же, что и Миракян перед ознакомлением со своей концепцией психического отражения, а именно: с анализа пути познания (образа мышления), что становится существенным в настоящее время, после выявления ограниченности эмпирического продуктного (традиционного) подхода к исследованию процесса психического отражения. Так, в своей поэме «О приро-

де» Парменид говорит о двух путях познания: пути истины, веры и божественного знания – есть то, что есть, и нет того, чего нет; и пути мнимого знания, пути обманчивого мнения смертных (то есть обычных людей, обладающих естественным эмпирическим образом мышления – Р.Н.) – есть то, чего нет. Поэтому в дальнейшем изложении, основываясь на этом разделении, Парменид развивает понятие истинно сущего и его отношения к эмпирической действительности (там же, с. 262). Истинно сущее, по Пармениду, есть вечное не происходящее, целокупленное, однородное, неизменное. Сущее не разделено на части - все равно себе самому. «Оно всецело полно бытия и простирается, как непрерывное «однородное» целое, ибо сущее нераздельно *примыкает к сущему* и ничем от сущего не отличается, так что все *одно*» (там же, с. 262). Сущее есть абсолютная полнота, оно неизменно и неподвижно, так как «...генезис и разрушение отступили далеко от него» (там же, с. 264). По мнению С.Н. Трубецкого, у Парменида имеет место непосредственное отождествление мыслимого и сущего: «...чистая мысль свободная от чувственных внешних аффектов и впечатлений и равна чистому бытию» (там же, с. 266). То есть бытие Парменида лишь умопостигаемое. Однако сущее не только чистая мысль, оно имеет также совершенно неделимую телесность, как полноту бытия, но такую телесность, в которой отрицаются последовательно все возможные эмпирические ограничения. Эта телесность неделима, непроницаема, неизменна, она находится не только вне времени, но и вне пространства. «Это вселенское тело *вездесущее*: оно пребывает «все вместе» в едином вечно-настоящем моменте и в каждой точке, будучи совершенно нераздельно и во всем равно себе» (там же, с. 267). Как видим, это очень похоже на описание Миракьяном глобальности, взятой отдельно от упорядоченности: глобальность едина, аморфна, однородна

(или гомогенна), в ней нет ни времени, ни пространства, ни движения в той форме, в какой мы их осознаем.

О способе познания сущего С.Н. Трубецкой пишет, «...что мы должны «постигать умом «отсутствующее как присутствующее» (надо полагать, что слова, взятые в кавычки, это уже слова самого Парменида – Р.Н.), не разделяя сущее от сущего как бы на отрезанные куски» (там же, с. 267). К сожалению, С.Н. Трубецкой не комментирует значение понятий «отсутствующее» и «присутствующее», употребляемые Парменидом, но из контекста можно предположить, что они совпадают по смыслу с понятиями «реальность отсутствующего» и «реальность присутствующего», употребляемые А.И. Миракьяном, где второе представляет собой упорядоченное множество феноменов психической реальности, выделенное из глобальности (реальности отсутствующего). Об особенностях отношения между реальностями отсутствующего и присутствующего А.И. Миракян пишет: «Мне кажется, что можно начать исследование психики с понятия «ничто», которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем.

Возможность понимания сущности «ничто», как реальности отсутствующего и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего, нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание), как уже существующие, принадлежат к реальности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, так как в реальности отсутствующего любое присутствующее отсутствует» [Миракян, 1999, с.10]. Понятием «ничто» обозначается не пустота, а «безобъектная» глобальность и бесконечное многообразие материальных форм, которые еще не выделены психическим отражением как «нечто». Это

реальность отсутствующего, в которой заложена возможность порождения психического отражения.

Существенное различие в понимании Парменидом и А.И. Миракяном истинно сущего или глобальности состоит в том, что, если для Парменида отсутствующее и присутствующее составляют разные, не пересекающиеся, стороны бытия, то у А.И. Миракяна глобальность через процесс упорядочивания и уже упорядоченное (реальность присутствующего) составляют единое целое, в котором процесс упорядочивания и его содержание включают в себя предпосылки возможности порождения психического отражения.

Таким образом, суть истинного бытия для Парменида в исключении из него всякого отрицания и ограничения; оно ограничено лишь самим собой.

Далее Парменид обращается к множеству чувственного явления. Каждую вещь Парменид представляет, как ограничение бытия и его полноты, тем самым она «с известных сторон» отрицает бытие и его неделимость [Трубецкой, 2003, с. 268]. А если к этому же присоединить и мысль Парменида о том, что чувственные явления есть ложное мнение о бытии, то увидим явные намеки на истоки представлений А.И. Миракяна об афизикальном подходе. Ведь необходимость в афизикальном подходе возникает в том случае, когда осознается, что чувственные явления, как продукты восприятия, не могут дать нам какого-либо представления о той реальности, которая порождает эти же явления. По Пармениду, каждая вещь и существование, как отрицание бытия, заключает в себе *небытие*, которое есть обман, пустая видимость. Рождение видимого мира, представляющего собой «калейдоскоп явлений, возникающих и уничтожающихся, изменяющихся и движущихся», Парменид представляет, как преломление в этой видимости чистого всеединого света бытия (там же, с. 268). То есть между реальностью

сущего и множеством чувственных явлений есть «видимость», что и порождает чувственные явления при взаимодействии с чистым светом всеединого бытия. Если продолжить эту мысль на современном языке, то для того, чтобы исследовать закономерности восприятия, нам необходимо исследовать то, что создает эту «видимость», то есть зрение или орган зрения. Таким же образом начинаются исследования в традиционной психологии восприятия.

Таким образом, миру воспринятых чувственных явлений предшествует бытие истинно сущего, которое можно постичь только умом. Отсюда вытекает, что логика образа мышления Парменида поднимает вопросы о двух реальностях (истинно сущее, реальность отсутствующего и реальность мира явлений), о причинной зависимости между первой и второй реальностями, а также о невозможности использования данных из мира явлений для познания мира, как истинно сущего, скрытого за этими ложными и мнимыми данностями. Нетрудно убедиться, что подобная логика рассуждений в разных модификациях действительно часто встречается в истории философии и психологии. В метафизике А.И. Миракяна мы видим эту же логику, естественно, в современной детализированной форме и с совершенно другим содержанием этой трехчастной логической структуры. Самым важным элементом этой структуры является «бытие», трансцендентное к реальности уже отраженного и анализируемое с метафизических позиций, потому что именно с этой позиции можно раскрыть сущность афизикальных принципов отражения и непрерывность перехода глобальности в множественный и расчлененный мир явлений.

Однако следует отметить, что для Парменида вопросы психологического характера о душе, ощущениях, восприятии, отражении не были основным предметом его фи-

лософской рефлексии. Его интересовал вопрос о том, как устроен мир, то есть онтология, метафизика бытия. Поэтому сам А.И. Миракян не обратился к Пармениду, так как он решал психологическую проблему, а не философскую. А мы избрали в качестве предмета анализа философию Парменида с той целью, чтобы показать некоторые совпадения особенностей рассуждений А.И. Миракяна с метафизическими рассуждениями Парменида о той реальности, которая предшествует миру чувственных явлений. Другими словами, если для А.И. Миракяна метафизический подход служил лишь средством исследования, для нас же он (метафизический подход) выступает как объект исследования, чтобы показать, что способ рассуждений А.И. Миракяна о возникновении психического отражения именно метафизический, а не какой-либо иной. Эта цель и объединяет все части этого раздела.

Античный философ Аристотель исследовал не только вопросы об устройстве бытия, но и дал основательные представления о душе, ощущениях, психическом отражении [Аристотель, 1976]. Аристотель был особенно интересным для А.И. Миракяна потому, что он – единственный из философов – пытался разрешить проблему психического, выйдя за пределы самого психического. Аристотель так же, как и Парменид, разделил бытие на две части, но с другим содержанием: «бытие в возможности» и «бытие в действительности». В отличие от однородного, неизменного и неподвижного бытия истинно сущего Парменида, аристотелевское «бытие в возможности» содержит в себе потенции, которые могли порождать то, что затем становилось явлением «бытия в действительности». Одним из важных понятий метафизики Аристотеля, относящимся к «бытию в возможности», является понятие энтелехии – свободной деятельности (действия или действительности), которая «име-

ет в себе цель и является реализацией этой цели» (Гегель).

Исходными и наиболее общими для концепции А.И. Миракяна являются именно эти метафизические положения Аристотеля. «В нашем понимании, - пишет А.И. Миракян, - отражение -это возможность, возникающая, как это полагал Аристотель, при пересечении материи, формы, действия и цели. При этом считаем, что материя имеет в себе возможность действия и изменения форм в разные моменты времени, т.е. материя в разные моменты имеет в себе действительность. Вот я и рассматриваю психическое отражение как возможность материи, которая при единстве материи, действия, формы и цели, т.е. энтелехии, воплотилась в такую форму психики, с которой мы сейчас имеем дело» [Миракян, 1999, с. 176]. Таким образом, автор подчеркивает, что он изучает не процесс психического отражения, а условия возможности порождения процесса психического отражения, которые заложены в «бытии в возможности» как энтелехия, чем и определяется его способ построения предмета исследования в трансцендентальной психологии восприятия. Однако, в отличие от обобщенного определения энтелехии, данного Аристотелем, А.И. Миракян придает ей более конкретное содержание – как способности материальных форм образовывать спонтанные анизотропные отношения, приводящие к саморазвитию и образованию нового.

Примерно так же рассуждал И. Кант. Он выделял реальность феноменов, данных нашего чувственного опыта, и реальность ноуменов, мира вещей-в-себе, являющихся причиной возникновения феноменов, при помощи которых, однако, невозможно познать вещи-в-себе. Поэтому знание, основанное лишь на эмпирических данных о природе (то есть феноменах), И. Кант не считает чистой наукой, так как они не обладают аподиктической достоверностью. Учение о природе тогда может называться наукой, когда законы

природы, лежащие в ее основе, познаются априори [Кант, 1966, с. 56]. Эту часть науки И. Кант называет чистой наукой, которая и является для него чистой философией или метафизикой (там же, с. 57). Свою концепцию А.И. Миракян последовательно строит по той же логической схеме, используя, в качестве основополагающих и определяющих весь ход его дальнейших экспериментальных исследований, априорные понятия, касающиеся характеристик бытия и возможностей порождения в нем нового. Проводя ту же параллель между И. Кантом и А.И. Миракяном, В.И. Панов пишет, что, подобно кантовским представлениям, «... афизика (т.е. концепция порождающего процесса восприятия), как трансцендентальная психология восприятия, не занимается изучением эмпирических феноменальных проявлений восприятия, а исходит из того «априорного факта», что существование таких явлений (трансцендентных, сверхчувственных, как вещи-в-себе, – Р.Н.) возможно, и изучает априорные условия такого существования» [Панов, 1996, с. 160].

Однако А.И. Миракян не останавливается на уровне общепhilософских (метафизических) рассуждений, ибо, как психолог, должен дать такую картину бытия, которая, в спонтанности своего существования, могла бы привести к порождению процесса отражения. Такая картина для своего построения требует двух вещей: сохранения метафизического способа мышления, потому что процесс отражения разворачивается «за занавесью» эмпирических данных, и конкретизации, детализации способа существования бытия в виде определенной структурно-процессуальной особенности, посредством априорно-теоретических представлений. Следует отметить, что здесь в своей концепции А.И. Миракян с общепhilософского (метафизического) уровня анализа переходит на уровень регионального анализа, ко-

торый можно назвать метафизической психологией, так как вводимые им представления и понятия, относящиеся конкретно к порождающему процессу восприятия, также априорны и не опираются на эмпирические данные.

Следуя логике своих рассуждений, А.И. Миракян вначале делает предположение о том, что возможность порождения живых и неживых форм природы и принципов их существования заложена в проявлениях закономерностей отсутствующего в виде стремления дискретных форм материи к дискретно-структурному саморазрушению и самосохранению [Миракян, 2004, с. 350]. Далее А.И. Миракян вводит понятие анизотропности, которую определяет (точнее, постулирует) как форму различия в едином, как «...объективную возможность формопорождения сущего и меру дискретности, порождающую единичное, противоположное объективной непрерывности материи» (там же, с.352). Это более глубокий взгляд на анизотропию, чем то, что принято в естествознании, а именно: как различие направлений в пространстве. Принципы Кюри, показывающие, например, как в физических телах возникают новые свойства при уменьшении степени симметричности их внешней и(или) внутренней структуры (то есть при диссимметризации, по П. Кюри), являются одним из частных случаев проявления анизотропности, описанной А.И. Миракяном как природной возможности материи создавать различие в едином и вычленять особенное, то есть новое, из общего. Поэтому именно анизотропию А.И. Миракян считает источником действительности в процессах восприятия живых организмов, проявляющуюся в форме анизотропности дискретно-отражательных структур. Этим А.И. Миракян еще раз подтверждает важность значения принципов симметрии для изучения психического, демонстрируя их глубинную онтологическую сущность. Далее А.И. Миракян гипотетически выде-

ляет три процессуальных условия, необходимые для понимания действительности воспринимающей системы:

- дискретизация форм пространственности и непрерывности времени;
- возможность фиксации отношений между дискретными элементами пространственной формы в определенном моменте времени;
- возможность образования отношений между разными моментами времени (там же, с. 354).

При этом структура отражательной системы должна обладать такой возможностью, чтобы обеспечивать дискретизацию и фиксацию образованных отношений, а также установление и сохранение различия и сходства. Развивая эти идеи, А.И. Миракян формулирует два принципа анизотропности отражательных систем, которые могут быть подвергнуты экспериментальной проверке, с чего и начинается научно-исследовательская часть его концепции. Первый – это принцип структурно-процессуальной анизотропности организации отражательной системы, который «...определяет то, что для реализации возможности отражения, как процесса формопорождения, необходима соответствующая отражательная система, обладающая анизотропной структурно-процессуальной организацией» (там же, с. 355). Второй – это принцип симметрично-двуединых отношений, который определяет элементарный механизм, являющийся универсальным для любого процесса формопорождения (там же, с. 356).

Экспериментально-теоретические исследования константности и полифункциональности восприятия афизикальных принципов отражения [Миракян, 1990, 1992, 1995, 1999, 2004], восприятия движения и стабильности объектов [Панов, 1993, 1996, 2010], формопорождения и непосредственно-чувственного восприятия времени [Козлов, 2005, 1992],

движения объекта в глубину [Андреев, 1992], восприятия ахроматического цвета объекта [Адамян, Руденко, 1992], теоретического исследования принципа сопредставленности [Кочурова, 1992], процесса осязания и упругости [Морина, 1978, 1992, 1995а, 1995б, 2010], осязательной протяженности [Погорельцова, 2000], слухового восприятия [Зальцман, 1980, 1992], процесса восприятия при усвоении геометрических понятий [Хананян, 1992], речи, пространственной протяженности [Шукова, 1992, 1995, 2000, 2010] и многие другие исследования показали, что в любой отражательной системе, независимо от модальности восприятия, элиминация (устранение) анизотропности ее структурной организации приводит к нарушению процесса восприятия. Эти эксперименты наглядно показывают универсальность афизикальных принципов психического отражения и особую роль структурно-процессуальной анизотропности в порождении функционально необходимых продуктов восприятия. Кроме того, эти исследования показывают, что во всех модальностях восприятия выбор объектов и процедур исследования, а также выбор способов анализа полученных результатов строятся на едином методологическом фундаменте. Такой вывод является одним из важных следствий применения метафизического (афизикального) подхода к изучению принципов психического отражения. В данном контексте понятия «метафизический» и «афизикальный» по смыслу совпадают. Но между ними есть и различие. Если понятие «афизикальный» означает «не-продуктивный», «не-результативный», «не-эмпирический», то понятие «метафизический», кроме этого, указывает еще и на глубину мышления и ту область априорного анализа бытия, в которой должны существовать наиболее общие (и далее не разложимые) первоосновы и принципы предмета исследования.

Анализ концепции психического отражения А.И. Миракяна показал, что научно-теоретическому и экспериментальному исследованию предшествует этап метафизического анализа. Причем можно выделить определенные стадии развития и развертывания концепции – от общих метафизических предпосылок, определяющих способ существования бытия в целом (единое, аморфное, глобальность, единство, материальные формы, самосохранение, саморазрушение и т.д.) к частно-метафизическим понятиям, определяющим возможность возникновения процесса отражения (различие, дискретизация, анизотропность, образование анизотропных отношений и т.д.). Эти понятия фундируют область метафизической психологии восприятия, в которой разрабатываются гипотетические понятия, описывающие конкретные закономерности, принципы и механизмы психического отражения. Эти же понятия используются для построения теории психического отражения, включающей в себя анализ действия ранее выявленных принципов в пространственно-временной структуре отражательных систем человека; ими же определяются объекты экспериментальных исследований.

Таким образом, результаты многочисленных, разносторонних теоретических и экспериментальных исследований показывают правомерность применения как гипотетически принятых А.И. Миракяном оснований концепции психического отражения, так и метафизического подхода, имеющего эвристическое и координирующее значение для построения трансцендентальной психологии восприятия.

Другим важным результатом применения А.И. Миракяном метафизического подхода является то, что свои исследования он начал с того уровня реальности, который одновременно является объектом исследования физических наук. И в этом смысле, реальность до отражения, до осоз-

нения продуктов восприятия, описанная А.И. Миракяном (1995, 1999, 2004), оказалась во многом похожей на реальность, описываемую физиками, исследующими основы, фундамент мироздания – мир квантовых явлений [Нагдян, 2010]. Таким образом, появляется возможность изучения материи и психики (или возможностей ее порождения) на общей метафизической основе – проблема, которая долгие годы была предметом обсуждения двух выдающихся ученых XX века В. Паули и К.Г. Юнга [Линдорф, [http...](#)].

Психология без своей метафизической части не может считаться полноценной естественной наукой (или, согласно И. Канту, – «чистой наукой»). Как показывают исследования в области философии науки (Вартофский, Захаров, Кун, Владимиров, Agassi и др.), все естественные науки, и физика в их числе, опираются на метафизические представления о мире, определяющие специфические для данной науки метафизические предпосылки, на которых затем возводится здание всей науки. Как раз по этой логике А.И. Миракяном построена концепция трансцендентальной психологии восприятия, и поэтому она является полноценной естественнонаучной концепцией, гармонично сочетающей в себе метафизические предпосылки, теорию, эксперимент и практику.

Из всего вышеизложенного следует, что истоки подхода (образа мышления) А.И. Миракяна, необходимого для построения концепции психического отражения, находятся в метафизике, за пределами реальности психических феноменов и вне сети психологических понятий. Именно метафизике соответствует подводная часть айсберга под названием «психология восприятия». Это означает, что психология восприятия для решения своих фундаментальных задач при поиске исходных для анализа данностей не может ограничиваться только областью феноменов и явлений, осоз-

наваемых испытуемым или психологом-исследователем, — необходимо проникновение в ее «подводную» часть путем использования метафизических рассуждений.

Вместе с тем, это позволяет высказать предположение о том, что решение проблемы возникновения психического и определение предмета психологии представляет собой не исключительно психологическую проблему, а скорее всего, междисциплинарную задачу, решение которой, однако, не следует смешивать с полиредукционистским подходом.

1.5. Метафизическая природа принципа симметрии и его значение для методологии трансцендентальной психологии

Проведенный в 1.4 анализ показал, что автор трансцендентальной психологии при построении ее методологии, в частности, пользуется понятиями близкими к понятиям симметрии и асимметрии (гомогенность, анизотропность, симметрично-двуединые отношения и т.д.). Учитывая особую важность такого подхода для методологии трансцендентальной психологии, рассмотрим его подробнее.

Принцип симметрии является одним из тех фундаментальных принципов природы и познания, которые используются почти во всех науках о неживой и живой природе. Удивительная «проницаемость» понятий симметрии и асимметрии почти во все сферы науки, подсказывает нам, что мы имеем дело с закономерностью природы, которая каждый раз проявляется по-новому, в зависимости от того, через призму какой науки мы смотрим на природу. То есть симметрия и асимметрия являются одними из немногих, наблюдаемых человеком, проявлений природы, которые позволяют понимать ее в онтологическом плане. Это означает, что симметрию, несмотря на ее очевидность, можно

отнести к метафизическим понятиям, подобно материи, пространству, времени, причине, силе и т.д. Называя симметрии правильностями, В.И. Вернадский пишет: «Эти правильности более глубоки, чем физические и химические явления, в которых они проявляются» [Вернадский, 1965, с. 36]. Тем самым В.И. Вернадский ясно указывает на метафизический характер понятия симметрии. Нам доступны лишь сами физические (и другие) явления, но за их пределами, недоступными нашему непосредственному наблюдению или исследованию, существует некая метафизическая сущность, проявляющаяся в природных явлениях в виде их внешних и внутренних свойств, наделенных разными формами симметрии.

Метафизическая природа симметрии состоит в том предположении, что она является неотъемлемым атрибутом бытия, проявляясь в свойствах материи, пространства, времени, в динамике взаимодействий и т.д., и поэтому может быть обнаружена в любом явлении и процессе природы. С точки зрения первоначал бытия, неизвестно и невозможно ответить на вопрос, что является причиной возникновения симметрии или симметричности Вселенной, почему Вселенная должна быть организована именно таким (симметричным) образом.

Для древних греков, в их метафизическом восприятии мира, симметрия, означающая гармонию, соразмерность, однородность и порядок, играла фундаментальную роль, считалась причиной возникновения многих вещей в природе и обоснованием особенностей ее организации. Как утверждали пифагорейцы, из куба возникла земля, из пирамиды – огонь, из октаэдра – воздух, из додекаэдра – сфера Вселенной. Парменид утверждал, что мир и Бог шарообразны, а Филолай считал, что Земля совершает кругообразные движения. А по Демокриту, атомы, из которых состоит все, что

есть в природе, – шарообразны. Эти метафизические обобщения древних греков, первоначально имевшие эмпирические основания в их быту, привели к формированию особого образа мышления, представляющего Вселенную (или Космос) симметричной (симметризированной), как в своей цельности, так и в частях, ее составляющих. Отметим, кстати, что Космос с древнегреческого переводится как «красота» и, следовательно, симметрия считалась также тем, что порождает или характеризует красоту. Этот образ мышления через мифы, мистику (например, вспомним об отношении пифагорейцев и их последователей к числам), через науку и искусство передавался из поколения в поколение и, в конечном счете, превратился, как мы предполагаем, в неосознаваемую основу европейского научного мышления. В.И. Вернадский пишет: «представление о симметрии слагалось в течение десятков, сотен, тысяч поколений. Правильность его проверена коллективным реальным опытом и наблюдением, бытом человечества в разнообразнейших природных земных условиях» (там же, с. 176-177).

М.К. Мамардашвили приводит одно из оригинальных объяснений того, почему соображения симметрии относятся к метафизическим. Показывая различие между онтологическим и научным, М.К. Мамардашвили приводит пример распространения луча света, которое, согласно оптическим исследованиям, является прямолинейным. «Это утверждение о мире, – пишет М.К. Мамардашвили, – не является онтологическим утверждением и, следовательно, не входит в философию. В число онтологических утверждений будет входить некая посылка о характере мира вообще, содержащаяся здесь. А именно, что в мире есть симметрия, что нет причин лучу идти ни вправо, ни влево... Онтологическими являются утверждения... такого рода, когда к заключению о том, что луч идет по прямой, я прихожу не на основе анали-

за физических явлений, не на основе обобщений и наблюдений, а по соображениям симметрии» [Мамардашвили, 1996, с. 54]. Эти соображения симметрии и являются метафизическими, которые имплицитно указывают на особенности мира, в котором мы существуем. М.К. Мамардашвили приводит еще один пример метафизического высказывания, основанного на соображениях симметрии – это рассуждения античного философа о том, что Земля занимает центральное место в мире, потому что нет никаких причин, чтобы она сместилась вправо или влево, вверх или вниз. В этом высказывании древнегреческого философа есть более общая посылка, а именно: мнение о том, что пространство, в котором существует все, однородно и изотропно, то есть симметрично. «Оба эти утверждения – о свете и о Земле – о двух совершенно разных предметах, но у них есть некоторое общее допущение о характере мира. Такие допущения и откапываются философией, извлекаются на свет божий, и о них рассуждают в разделе философии, называемой онтологией» (там же). Отметим также, что, согласно М.К. Мамардашвили, онтология, с одной стороны, относится к теории познания, точнее, к эпистемологии – научному познанию, а с другой, является производной от метафизических рассуждений.

Вероятно, этим метафизическим образом мышления («симметрия есть свойство всех вещей, проявляется везде и всюду»), направленным на поиск сходства, повторяемости, упорядоченности, соразмерности, гармонии и красоты, объясняется то, что симметрия и асимметрия обнаруживаются во многих явлениях природы, а сами принципы симметрии проявляют себя как наиболее глубокие и адекватные средства познания. Именно поэтому возникает уверенность в том, что в психических явлениях (и, в частности, в психическом отражении), как и в природных явлениях, также

должны проявляться соответствующие симметрии и асимметрии, а принципы симметрии позволят открыть новые горизонты в их изучении [Нагдян, 1985; 1988; 2005; 2017]. Отметим, что, кроме метафизической составляющей образа нашего мышления, основой этой уверенности является необыкновенно богатый теоретико-эмпирический материал о проявлениях симметрии и асимметрии, накопленный во всех областях естественнонаучного и гуманитарного знания.

Теоретико-познавательное значение принципа симметрии впервые было глубоко раскрыто П. Кюри, который осознал необходимость применения этого понятия в физике, подчеркивая при этом, что физики «...часто пользуются условиями симметрии, но обычно пренебрегают определением симметрии в тех или иных явлениях, потому что довольно часто условия симметрии в них просты и почти очевидны – а ргіогі» [Кюри, 1961, с. 106]. Эти слова П. Кюри как нельзя лучше подходят и некоторым современным психологам, которые, встречаясь с проявлениями симметрии, также пренебрегают определением симметрии при исследовании тех или иных психических явлений.

Основываясь на глубоком изучении групп симметрии, которые могут существовать в природе, П. Кюри показал, как можно использовать эти факты с геометрической и с физической точек зрения, чтобы предвидеть возможность появления нового явления в условиях опыта. «Принцип симметрии, так живо интересовавший ум П. Кюри, – писала М. Кюри, – является одним из тех немногочисленных великих принципов, которые господствуют в физических явлениях; исходя из понятий, вытекающих из опыта, они мало-помалу приобретают все более совершенную форму» [М. Кюри, 1961, с. 8].

П. Кюри придавал большое значение также диссим-

метрии – отсутствию некоторых элементов симметрии, и показал связь симметрии и диссимметрии в причинно-следственных отношениях физических явлений.

В многовековом опыте человечества понятие симметрии связывалось с устойчивостью тел и явлений, с сохранением определенных их свойств и отношений, с состоянием равновесия; асимметрия являлась причиной изменений, движения, характеризовала неустойчивость и переход в новое состояние.

Анализ истории рассмотрения природы с точки зрения симметрии и асимметрии показывает, что в неживой природе большое внимание уделялось симметрии, а в живой – асимметрии [Урманцев, 1974]. Односторонний подход оставлял в тени многие стороны изучаемых явлений, нарушая целостность исследования. Методологически правильным, как показала история развития научного знания, является принцип единства симметрии и асимметрии. При более широком рассмотрении принцип единства симметрии и асимметрии можно рассматривать как одну из форм проявления диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Таким образом, понятия симметрии и асимметрии на современном уровне развития наук рассматриваются как категории познания, основывающиеся на диалектическом соотношении тождества и различия, существующем «...как между атрибутами материи, так и между их состояниями и признаками» [Готт, Перетулин, 1967, с. 76]. Они нашли свое применение в настоящее время во многих науках. Однако в психологии они пока еще, по нашему мнению, не заняли положенного им места.

Для А.И. Миракяна, при создании его концепции психического отражения, принципы симметрии были одним из основополагающих принципов, и мы попытаемся показать, как он использует соображения и идеи, основанные на

принципе симметрии, и какое место они занимают в методологии трансцендентальной психологии.

Выше мы уже указали на то, что историко-методологический анализ изучения закономерностей психического отражения, проведенный А.И. Миракяном, начиная с античных времен до наших дней, в философии, психологии, психофизиологии и кибернетике показал, что во все времена образ мышления исследователей, приспособленный для изучения явлений внешнего мира, не позволял им проникнуть в сущность процесса психического отражения. Физикальный образ мышления, оперирующий продуктами (результатами) уже завершившегося процесса психического отражения, вполне приемлем для естественных наук. Но когда речь идет об изучении принципов и закономерностей самого процесса психического отражения, этот (продуктивный) способ мышления оказывается совершенно не действенным, т.к. если в качестве исходных данных исследования использовать результаты психического отражения, то затем, опираясь на них, нельзя вывести закономерности самого процесса отражения, приводящего к тем же результатам. Поэтому «в качестве исходных данных необходимо брать такие данности (понятия, принципы, закономерности, отношения и т.д.), которые индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения и связаны с природными закономерностями возможности порождения психического отражения, возникшего на определенной ступени развития материи и поэтому несущего в себе основные закономерности самой материи» [Миракян, 1992, с. 35].

Таким образом, психическое отражение рассматривается как природное явление, возникшее на определенной ступени развития материи, что, как нам кажется, влечет за собой несколько допущений. Так, если рассматривать при-

роду с позиций ее эволюционного развития, то, вероятно, можно сказать, что явления неживой и живой природы, трансформируясь в особые сложные структурно-процессуальные образования, переходят в психические через процесс психического отражения. А если рассмотреть процесс психического отражения как данность, существующую в настоящий момент, то можно предположить, что именно процесс психического отражения отделяет (является переходным) реальность до восприятия от той реальности, которая осознается человеком, являясь результатом восприятия. И, наконец, как это уже было отмечено А.И. Миракяном в вышеприведенной цитате, являясь звеном в неразрывной цепи развивающейся материи, процесс психического отражения должен нести в себе следы закономерностей, общих для всех явлений природы.

Поэтому А.И. Миракян обращается к исследованию таких фундаментальных принципов и закономерностей развертывания процессов отражения в живой и неживой природе, которые были бы проявлением соответствующих особенностей и закономерностей самодвижения материи. В качестве таковых А.И. Миракян использует принципы структурно-процессуальной анизотропности, а также принципы симметрии противоположностей, т.е. принципы антисимметрии. Принципы антисимметрии являются проявлениями совместно реализующихся двух законов диалектики – единства и борьбы противоположностей и связанного с ним закона единства тождества и различия. Поэтому уже само использование принципов антисимметрии вносит в метафизическое исследование элементы диалектики. При этом антисимметричными могут быть как объекты и явления, так и их свойства и отношения, переходящие друг в друга - при перемене знака, цвета, направления, состояния и т.д. - на противоположный. В качестве примеров анти-

симметрии можно привести противоположно электрически заряженные элементарные частицы, например, электрон и позитрон, позитив и негатив фотографии, бесконечно малые и бесконечно большие величины, мужчина и женщина, рождение и смерть, симметрия и асимметрия и т.д.

Теперь перейдем к анализу антисимметричных пар понятий (и соответствующих им явлений), используемых А.И. Миракяном в своей теоретической модели, описывающей возможность порождения психического отражения на основе независимых от данностей психической реальности исходных особенностей материи (или материального бытия). Поэтому при дальнейшем анализе следует учесть, что речь пойдет не о реальности, осознаваемой нами в результате нашего восприятия, а о реальности до восприятия, до отражения, когда еще нет вычлененных восприятием объектов, их свойств и отношений.

а) *Дискретное – единое.* Дискретность и единость в их диалектическом соотношении можно принять как исходные особенности материи (или материальности бытия). Диалектичность их взаимоотношения определяется тем, что, с одной стороны, материальность состоит из бесконечного многообразия пространственно-временных, энергетически дискретных форм, представляющих нерасчлененную единость, а с другой – каждая относительно дискретная форма включает в себе единое, как нерасчлененное многообразие составляющих ее элементов.

б) *Распадение – порождение, разрушение – самосохранение.* Дискретные формы распадаются и порождаются благодаря существованию двух диалектически противоположных тенденций – к самосохранению и разрушению, приводящему к единому. И именно в этом вечном и непрерывном процессе взаимопротивоположных изменений появляется возможность порождения многообразия форм живого, ко-

которые соответственно своей «природно заданной цели – самосохранения собственной формы в борьбе с тенденцией превращения в нерасчлененное единое – по необходимости приобретают новую возможность – возможность отражения предупреждающего воздействия окружающей среды» [Миракян, 1992, с. 37]. Отсюда вытекает, что функцией отражения является создание возможности самосохранения и адекватного функционирования в окружающей среде. Обращаясь к языку теории симметрии, можно сказать, что при изменении условий окружающей среды, отражение является условием превращения формы живого в саму себя. Поэтому самосохранение – это одно из проявлений динамической симметрии в природе, а отражение – в своем конечном результате – процессуальное преобразование симметрии, порождающее ту же форму. (Придавая процессу формопорождения более глубокий и общий смысл, с учетом возможности изменения новой формы вместе с сохранением ее дискретности, А.И. Миракян считает его сущностью психического отражения). Почему «в своем конечном результате»? Потому что в этом контексте речь не идет о внутреннем содержании процесса отражения: при рассмотрении отражения в качестве процессуального преобразования (операции) симметрии оно проявляется лишь как функция, приводящая к определенному *результату* – самосохранению, и, как покажет дальнейший анализ, как раз там, во внутреннем содержании процесса отражения, главная роль принадлежит асимметрии. Отметим также, что для осуществления процесса отражения между элементами формы живого должна образоваться система многообразных связей, обеспечивающих передачу и фиксацию воздействия.

в) *Образование отношений – разрушение отношений.* Особенностями проявлений законов физико-химических связей, существующих между элементами дискретной формы или

между самими дискретными формами, определяются возможности образования и разрушения отношений между ними. Это общая для форм живой и неживой природы структурно-процессуальная особенность материальности, которая проявляется в виде межэлементных или межформенных взаимодействий. Существенное отличие особенностей образования отношений в живой системе и в неживой А.И. Миракян видит в том, «что в ней соответственно природно заданной цели – самосохранение форм – имеется возможность структурно-процессуального составления и фиксации образовавшихся отношений и составления отношений между созданными отношениями, т.е. возможность образования информации в виде памяти, которая не разрушается при образовании новых отношений» [Миракян, 1992, с. 38]. Этот же процесс приводит к расчленению единости времени, ее дискретизации, порождая возможность отражения времени в виде предыдущего и последующего образования дискретных отношений.

г) *Анизотропность – гомогенность*. В качестве одной из объективных особенностей материи А.И. Миракян выделяет ее «пространственно-временную анизотропность и гомогенность, которые связаны с пространственно-временными свойствами материи и с сосуществованием дискретно-единичных распадающихся и порождающихся ее форм» (там же). Из этой цитаты видно, что А.И. Миракян изначально исходит из принципов симметрии, т.к. анизотропность (неравнозначность, неоднородность) и гомогенность (однородность) являются частными проявлениями фундаментальных свойств явлений природы – симметрии и асимметрии.

Под гомогенностью А.И. Миракян понимает пространственную однородность дискретных форм. Вместе с тем между находящимися в данный момент в определенных точках пространства дискретными формами, образующими гомо-

генную однородность, могут создаваться анизотропные отношения в любом направлении занимаемого ими пространства. Этим и определяется основная пространственно-гомогенно-анизотропная особенность материи.

Под временной гомогенно-анизотропной особенностью материи А.И. Миракян понимает то, что «при распадении и порождении форм материи внутри единого времени происходят изменения форм, которые относительно друг друга составляют анизотропные отношения в виде предыдущих и последующих форм, что приводит либо к гомогенной (в случае неизменности форм), либо к анизотропной (в случае различных форм) дискретизации единого времени» [Миракян, 1992, с. 39]. И так как отражение понимается как процесс формопорождения, то из вышеприведенного следует, что отражение «возможно при условии образования пространственно-временных анизотропных отношений между однородными дискретными формами, так как при образовании гомогенных пространственно-временных отношений возможность формопорождения отсутствует» (там же). Следовательно, любая отражательная система должна обладать определенной анизотропной материальной структурой.

Приведенная выше теоретическая модель порождения процесса психического отражения хорошо согласуется с принципом П. Кюри: «Диссимметрия творит явление», который оказался справедливым на всех уровнях развития материи. Рассмотрим более подробно принцип Кюри, который, как известно, был выведен им для описания взаимодействия физических объектов. Механические, электрические и магнитные свойства физических объектов (кристаллов) определяются симметрией этого объекта. При взаимодействии кристалла со средой или с другим объектом, обладающим другой симметрией, степень симметричности кристалла в новой системе уменьшается (т.е. увеличивается степень асимметричности), что приводит к появлению но-

вых свойств кристалла, благодаря изменению его механических и электромагнитных характеристик. Так, диссимметрия, т.е. уменьшение степени симметричности, приводит к появлению нового явления. Тот же самый процесс можно описать и в терминологии А.И. Миракяна: при *взаимодействии* двух объектов появление возможности образования анизотропных отношений (в данном случае различие объектов и их расположения в пространстве и есть анизотропность) приводит к разрушению в одном из объектов прежней его формы и порождению новой, что и влечет за собой появление нового явления, отражающего особенности взаимодействия с другим объектом.

Таким образом, любая отражательная система для осуществления возможности формопорождения должна обладать анизотропной материальной структурой (например, анизотропная структура сетчатки глаза, Кортиева органа уха, пальцев рук и т.д.). Наличие такой пространственно-временной анизотропности давало бы возможность порождать и фиксировать отражаемые формы объектов и их свойства.

д) *Различие – сходство (одинаковость)*. Необходимость в применении антисимметричных понятий «различие» и «сходство», которые, как известно, являются синонимами понятий *асимметричности* и *симметричности*, появляется тогда, когда речь идет о свойствах объекта, сопредставленных в подлежащей отражению реальности, т.е. в глобальности еще-не-отраженного. С одной стороны, многообразие этих свойств сопредставлены в глобальности в диалектическом соотношении дискретности и нерасчлененного единого, с другой – они выступают как различные в процессе зрительного восприятия. А это означает то, что анизотропность отражательной системы обладает важной характеристикой – возможностью выявления и фиксации различия и сходства.

Следовательно, именно между дискретными элементами *анизотропной* структуры возможно образование таких отношений, в которых посредством фиксации *различия* и *сходства* порождается сопредставленность отраженных форм.

Развивая в этом же направлении свои идеи, А.И. Миракян выявляет другой важный принцип психического отражения – *принцип образования анизотропных отношений*, а именно то, что анизотропность дает возможность образования отношений между дискретными элементами отражательной системы. При этом «важно то, что образование отношений, как и анизотропность, являются не только особенностью материальной природы, но и выступают как всеобщие принципы, также лежащие в основе психических процессов отражения» [Миракян, 1992, с. 40]. Причем в живой системе образование отношений может происходить лишь в определенной структуре, имеющей возможности фиксации образовавшихся отношений, которые и определяют разрешающую способность отражательной системы. Под фиксацией А.И. Миракян понимает «связь между двумя дискретными элементами (участниками отношений) в едином (третьем), обеспечивающем фиксацию их различия или сходства» (там же). Образование двуединых отношений в этом контексте рассматривается как элементарный механизм формопорождения, превращения гомогенности в анизотропность, как своеобразная «клеточка», реализующая возможность отражения.

Причем, по предположению А.И. Миракяна, элементы, в которых образуются двуединые отношения, могут быть *одинаковыми, однородными* в одном объективном качестве и одновременно *различными, анизотропными* – в другом качестве. Тем самым в данном конкретном случае А.И. Миракян демонстрирует одно из частных проявлений принципа единства симметрии и асимметрии. Как, напри-

мер, кристалл кварца, который неоднороден в отношении направления механического сжатия, одновременно обладает симметрией шара в случае распространения в нем тепла. Уточним, однако, что в живой системе в результате процесса отражения это объективное различие и одинаковость порождаются как отраженная форма и фиксируются (выявляются и сохраняются) как следствие образования двуединых отношений в соответствующем (двуедином) элементе отражательной системы.

Кроме того, естественная граница, отделяющая две одинаковые дискретности, по существу, является своеобразной осью симметрии, относительно которой проявляются их различие и сходство. А это означает наличие возможности появления симметричности при образовании отношения между двумя дискретными элементами отражательной системы, что позволяет конкретизировать двуединые отношения как симметрично-двуединые отношения. Поэтому «симметричность является имманентным свойством процесса образования двуединых отношений между двумя дискретными элементами относительно разделяющей их границы. В силу того, что в живом образовании отношений фиксируется в определенной анизотропной структуре отражательной системы, обеспечивающей возможность образования двуединых отношений, то можно предположить, что симметричность должна быть одной из структурообразующих основ отражающей системы» [Миракян, 1992, с. 42-43].

Таким образом, проведенный выше анализ показал, что соображения, идеи, понятия и принципы симметрии играют важную методологическую роль при описании принципов порождающего процесса восприятия в трансцендентальной психологии А.И. Миракяна.

Особенно важным нам кажется описание изменений особенностей проявлений симметрии и асимметрии при

переходе из реальности, подлежащей отражению, в реальность процесса психического отражения. Принципиальное значение описания этого перехода заключается в том, что вместо эволюционного подхода, который был бы проявлением обычного физикального образа мышления (т.к. в таком случае нужно было воспользоваться уже отраженными, т.е. имеющимися в науке представлениями об атомах, молекулах, клетках и т.д. и их свойствах), А.И. Миракян использовал афизикальную (трансцендентальную) парадигму, согласно которой для изучения процесса психического отражения необходимо брать данности, индифферентные по отношению к реальности психического, т.е. данности (принципов, закономерностей), лежащие в основе самодвижения материи. Симметрия, асимметрия и аналогичные им понятия – гомогенность, анизотропность, сходство, однородность, одинаковость, - вместе с совокупностью соответствующих симметрично противоположных пар понятий - оказались достаточно эффективными для построения априорной теоретической модели порождения процесса психического отражения. Экспериментальные исследования А.И. Миракяна, его учеников и последователей, а также конкретные практические разработки по моделированию процесса психического отражения, выполненные на основе этой теории, подтвердили ее действенность и право на существование.

И, наконец, хотим обратить внимание на то, что *парность* (или *бинарность*), которая в контексте данной теории выступает в качестве минимально необходимого условия для образования симметрично-двуединых отношений и фиксации, является не только основой для выделения объекта из нерасчлененной гомогенности (глобальности еще-не-отраженного), выявления сходства или различия или установления границ между объектами, но имеет так-

же особое значение для возникновения, существования и развития психического в целом. Об одной такой возможности сам А.И. Миракян пишет: «Косвенным доказательством, удостоверяющим правомерность постулирования образования именно двуединых отношений как исходного элементарного механизма, лежащего в основе процесса отражения является тот известный, но, в принципе, удивительный и до сих пор необъяснимый факт, что органы чувств живых существ представлены парами: два глаза, две руки, два уха и т.д.» [Миракян, 1992, с. 42]. А из этого факта, как известно, следует, что взаимодействие между органами восприятия, составляющими пару, приводит к порождению новых психических функций восприятия и появлению феноменов функциональной асимметрии.

ГЛАВА 2.

МЕТАФИЗИКА VERSUS ТРАДИЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

2.1. О значении метафизики в психологии

Во второй половине XX века исследователями в области философии науки было показано, что наука основывается на определенных метафизических предпосылках [Вартофский, 1978]; [Кун, 2009]; [Agassi, 1964]. Поэтому психология, как наука, также не может избежать метафизики – эта особенность становления науки в мышлении ученых, которая в научном исследовании всегда актуализируется в пределах и в понятиях определенной парадигмы. А научная парадигма, как показал Т. Кун, всегда предполагает наличие определенных метафизических предпосылок, лежащих в основании науки. Вопрос лишь в том, происходит ли обращение к метафизике осознанно или неосознанно. Отрицание метафизики как раз и эксплицирует тот случай, когда метафизические основания принимаются неосознанно, вследствие того, что личности свойственна, как показала С.Ф. Арутюнян, трансцендентность - как стремление к обладанию «запредельностью», которое позволяет человеку выйти за грань своих возможностей [Арутюнян, 2007, с. 251]. Но это приводит к тому, что становится невозможным анализ и отбор метафизических представлений и, следовательно, преобразование и развитие «вырастающей» из них науки.

Современная психология находится именно в таком состоянии: отказавшись от осознанного использования метафизики (метафизических идей), как способа философского

подхода к исследованию первопричин возникновения психических явлений, психологи «не замечают», что психология полна проблем, требующих для своего решения применения метафизического подхода.

Однако в начале XIX века отношение к метафизике среди психологов было другим. Так, в 1824 году И. Герbart публикует работу «Психология, как наука, вновь основанная на опыте, метафизике и математике» [Герbart, 2007], из которой становится ясным, что необходимость применения метафизики в психологии для И. Гербарта обусловлено тем, что «данное в опыте не может быть мыслимо без предположения скрытого. А так как науке не дано ничего другого, кроме опыта, то в нем она должна встретить и познать следы всего того, что движется и действует за занавесью» [Герbart, 2007, с. 67]. «Познать все то, что за занавесью» и есть задача метафизики, поэтому из приведенной цитаты видно, что для И. Гербарта метафизика является необходимой частью психологии. Даже В. Вундт, основоположник научной психологии, пишет философскую работу «Метафизика» [Вундт, 2006], в которой показывает неизбежность применения в науке метафизических идей даже в том случае, если ученые считают себя убежденными антиметафизиками как, например, физик и философ Э. Мах.

На необходимость применения в психологии метафизики указывал также У. Джеймс в конце XIX века. В эпилоге своего знаменитого учебника по психологии [Джеймс, 1991] У. Джеймс специально поднимает вопрос о значении метафизики для психологии, осознавая, что многие психические явления не могут быть изучены экспериментально, основываясь на принципе детерминизма, и должны быть включены в область метафизики. Окончательное решение на чисто психологической почве, например, такого вопроса, как человеческая воля и ее свобода, У. Джеймс счи-

тал преждевременным. Для У. Джеймса метафизика – это «упорное стремление к ясности и последовательности в мышлении» (там же, с. 356). Исходя из всего контекста эпилога, можно допустить, что У. Джеймс имеет в виду «упорное стремление» к первопричинам психических явлений, к исключению всех неясностей, перед которыми бессильны эмпирические методы, направленные на их исследование.

Кроме того, для У. Джеймса метафизика – эта та область знания, где производится взаимная проверка принципов, принимаемых на веру отдельными науками. Эти основополагающие принципы (метафизики), часто неясные и полные противоречий, обычно не имеют практического значения и могут быть оставлены для специальных исследований. «Этим определяется, – пишет У. Джеймс, – то презрительное отношение к метафизике, которое так часто можно наблюдать» (там же, с. 357). Так, например, для геолога не имеет никакого значения вопрос о том, что такое время? Какова его сущность? А «психологу нет времени задаваться вопросом, каким образом он и дух, объект его исследования, познают тот же внешний мир» (там же).

Кроме свободы воли человека и того, как человек и его дух познают внешний мир, У. Джеймс особо выделяет и анализирует четыре проблемы, попытка решения которых приводит к противоречиям: 1) отношение сознания к мозгу, 2) отношение состояний сознания к объектам, 3) выяснение изменчивого характера нашего сознания и 4) проблема существования состояний сознания. Анализ этих проблем подводит У. Джеймса к мысли, что их невозможно разрешить на основе существующих психологических теорий, потому что анализ, основанный на фундаментальных категориях этих теорий, приводит к противоречиям. Напомним, что фундаментальные категории существующих психологических теорий обозначают собой эмпирически выявлен-

ные элементарные единицы или события психической реальности. Все подобные проблемы, согласно Джеймсу, требуют для своего решения «тонкого метафизического анализа» (там же, с. 358).

Вслед за У. Джеймсом, феноменом свободной воли заинтересовался Карл Ясперс (1997), который считал, что именно этот феномен придает психике характер рационально непостижимой загадки. Осознав невозможность решения проблемы свободы воли на уровне эмпирических знаний из психологии и психопатологии, Ясперс обращается к философии и стремится «...выйти на более высокий, мета-научный уровень исследования и тем самым получить доступ к ресурсам метафизики, скрытым от позитивистски ориентированных психологов и психиатров» [Водолагин, 2008, с. 140].

В своей работе Ясперс (1997), не соглашаясь с представлениями Р. Декарта о душе, как вещи мыслящей, так характеризует психику: «Психическая субстанция или душа не есть вещь. Говорить о «душе» как об объекте – значит вводить в заблуждение. Во-первых, душа означает сознание, но, в той же мере, она означает бессознательное. Во-вторых, душа должна рассматриваться не как объект с устойчивыми свойствами, а как «бытие в собственном мире», как целое, охватывающее внутренний мир и окружающий мир. В-третьих, душа – это становление, развертывание, различение; в ней нет ничего окончательного, завершенного» [Ясперс, 1997, с. 34]. Как видим, К. Ясперс отходит от традиционной психологической трактовки психического, как совокупности психических явлений, отражающих действительность. Наоборот, душа (или психика – в данном контексте их смыслы совпадают) как становящееся и различающее, *должна привести к множественности психических явлений и их свойств*. Сама она безобъектна и внеобъектна, ли-

шена каких-либо свойств, поэтому о ней можно говорить лишь как о метафизическом «объекте», существующем как «бытие в собственном мире», а не в мире воспринимаемых объектов. Если теперь сопоставить приведенное К. Ясперсом определение психического с представлениями о порождающем процессе восприятия в сформировавшемся к концу XX века афизикальном подходе А.И. Миракяна (1995), то между ними можно заметить много общего, и надо полагать, что эти совпадения не случайны.

В конце XIX века интерес к метафизике возрастает и в России. В первую очередь, это было связано с работами В.С. Соловьева, направленными против позитивизма западной философии, среди которых особое место занимает «Кризис европейской философии» [Соловьев, 1990].

Основным вопросом метафизики В.С. Соловьев считает вопрос о том, что такое сущность мира, если его непосредственное представление нам ничего о нем не говорит? Этот же вопрос переносится в область метафизической психологии, но с целью исследования сущности психических явлений и феноменов, которые и определяются как представления о мире. В.С. Соловьев отмечает также те ограничения, которые возможны на пути метафизического познания мира: «Этот вопрос не может быть разрешен путем отвлеченно-логическим, познание метафизической сущности не может быть выведено из общих понятий, ибо эти последние не имеют в природе своей никакого самостоятельного, первичного значения, будучи лишь отвлечениями от данных непосредственного воззрения, внешнего или внутреннего» [Соловьев, 1990, с. 56]. Кроме того, В.С. Соловьев считал, что чем выше ступень развития, на которой находится явление, тем больше в нем метафизического. Поэтому в психике человека больше метафизического содержания, чем в любом другом эмпирически наблюдаемом явлении природы.

В это же время разные аспекты метафизики исследуются знаменитыми философами и психологами России. Образовалась целая плеяда русских метафизиков в лице Н. Бердяева, С. Франка, С. Трубецкого, Н. Грота, П. Флоренского, Г. Шпета, Г. Челпанова и др., которые разрабатывали вопросы, связанные со значением метафизики не только для философии, но и для психологии. Их общее мнение о взаимосвязи психологии и метафизики можно обобщить словами П. Флоренского: «В порядке онтологическом сказано было бы: метафизика производит психологию; в порядке психологическом, напротив: психология определяет наши метафизические построения. В порядке же символическом скажем, как сказали уже: метафизическое выражается в психологическом, психологическое выражает метафизику» [Флоренский, 2009, с. 20]. Другими словами, психические явления, изучаемые психологией, возникают из каких-то природных первоначал, а сами эти первоначала определяются психологом, как метафизическое знание.

Г.И. Челпанов, как сторонник метафизической психологии, считал себя идейным последователем С.Н. Трубецкого и вслед за ним осознавал необходимость применения метафизики для решения проблем психологии [Челпанов, 1907]. Эту необходимость Г.И. Челпанов показывает на примере работ И. Гербарта, из которых следовало, что «без философского (метафизического, в том числе – Р.Н.) учения о душе нельзя было приступить к объяснению законов душевных явлений. Законы же душевных явлений выводились дедуктивно из принципов, которые лежали в основе учений о душе» [Челпанов, 1907, с. 309]. Анализируя связь между психологией и философией, Г.И. Челпанов выделяет три типа отношений, в зависимости от способа определения философии: философия как метафизика, как теория познания и как метод обобщения данных психологии, результаты кото-

рых «...могут быть положены в основу *науки о духе*». Если под философией «...понимать прежде всего *метафизику*», тогда для понимания закономерностей душевной жизни необходимо построение метафизической теории о природе души, чтобы ответить на вопросы, «...существует ли душа, есть ли она что-либо материальное, есть ли она субстанция и т.п.» (там же, с. 313). Необходимость изучения души (или психики) при помощи метафизики Г.И. Челпанов аргументирует следующим образом: «Всякое описание необходимо предполагает *объяснение*. Для объяснения необходимо выходить за пределы того, что дано в непосредственном восприятии, т.е. при изучении психических явлений мы должны выходить за пределы непосредственно воспринимаемых психических процессов, а это, как мы увидим ниже, предполагает употребление каких-либо понятий философски обработанных» (там же, с. 314). Очевидно, что здесь Г.И. Челпанов имеет в виду выход в метафизическую область исследований. Как видно из приведенной цитаты, Г.И. Челпанов уже тогда говорил, выражаясь языком современной психологии, об ограниченности «продуктного» подхода для изучения принципов и закономерностей психического.

Таким образом, российская психология вступала в XX век с ясным пониманием необходимости применения метафизического подхода для исследования психики или души, готовая к его последовательному развитию.

Однако судьба метафизики в российской психологии, как одного из средств познания психического, окончательно была решена Л.С. Выготским при проведении им кардинальной перестройки методологических основ психологии для вывода ее из состояния кризиса [Выготский, 1982]. Не приняв результатов анализа причин кризиса, проведенного такими психологами, как Ф. Brentano, Н.Н. Ланге, К. Бюлер, и предложенных ими частных путей выхода из него, Л.С.

Выготский высказывает идею о возможности построения общепсихологической теории на основе принципиально новой методологии – марксистской. Этим и было предрешиено отрицательное отношение к метафизике, потому что марксизм, присвоивший многое из философии Г. Гегеля, также изменил истинное значение метафизики, пренебрежительно отнесся ее к не имеющим ничего общего с научным диалектическим методом примитивным формам мышления и, более того, к идеалистической философии. В то же время Л.С. Выготский критикует эмпиризм за непоследовательность в своем стремлении построить психологию без души [Ланге, 1914], психологию без всякой метафизики [Введенский, 1917], психологию, основанную на опыте [Геффдинг, 2010]. «На деле, – обобщает далее Л.С. Выготский, – нет ни одной эмпирической системы психологии, все переходят за грань эмпиризма... Все системы на деле переплескивали в своих выводах и уходили корнями в метафизику...» (там же, с. 378-379). Основную причину методологической «слабости» эмпиризма Л.С. Выготский видит в отсутствии философского принципа, в отказе «...выяснить свои конечные посылки, осознать собственную научную природу» (там же, с. 378).

Рассуждения Л.С. Выготского обращают наше внимание на вопросы, им не затронутые: что заставило таких, казалось бы, эмпириков, как Н.Н. Ланге, А.И. Введенский и Г. Геффдинг, при обобщении результатов своих исследований, обратиться к метафизике? Логика обоснования и обобщения научного исследования подсказывает, что это могло быть поиском объяснительных философских принципов, выяснением своих конечных посылок и желанием осознать собственную научную природу.

Метафизика также имеет свои философские принципы. Но в данном случае мы сталкиваемся с разными способами

понимания сути и назначения метафизики Л.С. Выготским, с одной стороны, и Н.Н. Ланге, А.И. Введенским, Г. Гефдинггом, Г.И. Челпановым и др., с другой. Л.С. Выготский отрицает связь метафизики с эмпирией, а другая сторона не только признает эту связь, но и видит в ней определенную логику. О Челпанове Л.С. Выготский пишет: «Челпанов находит, что она (психология – Р.Н.) должна иметь «надстройку» и «подстройку». Оказывается, есть философские понятия, которые нужно рассмотреть *до изучения психологии*, и исследование, предвещающее психологию, он называет подстройкой: только с ней можно построить эмпирическую психологию» (там же, с. 379). Подстройка, предвещающая психологию, и есть метафизика, сторонником которой всегда и был Г.И. Челпанов. А «философские понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии» (критика Выготского) для Г.И. Челпанова означало невозможность объяснить психическое, используя понятия, относящиеся к области непосредственно данных психических явлений (в противном случае, согласно современным представлениям, психолог оказывается в пределах «продуктной» парадигмы), применяя для этой цели «понятия, философски обработанные» (Челпанов), то есть метафизические, лишенные собственно психологического содержания.

Обсуждая научные приоритеты Г.И. Челпанова, Л.С. Выготский ссылается на его работу 1924 года [Челпанов, 1924], в которой Г.И. Челпанов пробует синтезировать противоречивые методологические позиции – марксизм и метафизику, что делало эту работу уязвимой для критики. Поэтому гораздо интереснее было бы узнать мнение Л.С. Выготского о работе Г.И. Челпанова 1907 года, которая была результатом его программного выступления, посвященного анализу места философии и метафизики в психологии, когда Г.И. Челпанов, независимый от норм и стереотипов какой-либо

идеологии, полностью, без искажений, изложил свои философско-психологические взгляды. Но, к сожалению, Л.С. Выготский этого не сделал.

В чем же состоит коренное отличие подходов (или образа мышления) Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского к изучению психического? Принятие Г.И. Челпановым метафизической парадигмы позволяет предположить, что он рассматривает психическое как порождающий процесс, а Л.С. Выготский, сторонник историзма, – как развивающийся процесс. Поэтому Г.И. Челпанов ищет причину порождения, а Л.С. Выготский – причины развития. Поэтому у Г.И. Челпанова философия (метафизика, природа) предшествует психологии, а у Л.С. Выготского, методология которого основана на историческом материализме, исследование начинается с уровня уже сформировавшихся психических феноменов, рассматриваемых через призму культурно-исторических условий развития. Следовательно, Г.И. Челпанов рассматривает онтологию психического, как «бытие в возможности», а Л.С. Выготский – как «бытие в действительности» (по Аристотелю). И если продолжить логику рассуждений Аристотеля, то следует дополнить, что «бытие в возможности» предшествует «бытию в действительности», поэтому Г.И. Челпанов видел возможность продолжения или перехода метафизики в эмпирию, а для Л.С. Выготского они были разобщенными и независимыми друг от друга областями знания.

Из контекста рассматриваемого нами сравнения следует также, что душа в метафизике русских психологов на рубеже XIX-XX вв. рассматривалась не как что-то данное Богом (мы не рассматриваем религиозный аспект души), а как метафора или символ причины порождения психического. Поэтому вполне понятно сожаление С. Франка, который писал: «Прекрасное обозначение «психология» – учение о

душе – было просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что когда теперь размышляешь о природе души, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение» [Франк, 1917, с. 3]. Под «иной научной областью» С. Франк, безусловно, имел в виду современную ему и нам психологию.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Л.С. Выготский придерживался продуктного подхода и считал ненаучным обращение к гипотетическим и эмпирически недоказуемым природным тенденциям и принципам метафизики, которая в приложении к психологии и должна быть направлена на выявление возможностей порождения психики.

В связи с анализом философско-методологической позиции Л.С. Выготского необходимо отметить, что он был прав, когда выступал против непосредственного применения диалектического материализма в психологии, потому что, действительно, нельзя смешивать философский (это касается также и метафизики) и психологический уровни анализа: «Диалектический материализм, – пишет Л.С. Выготский, – есть наука самая абстрактная. Непосредственное приложение диалектического материализма к биологическим наукам и психологии, как это сейчас делается, не идет дальше формально-логических, словесных подведений под общие, абстрактные, *универсальные* категории частных явлений, внутренний смысл и соотношение которых неизвестны. В *лучшем* случае это может привести к накоплению *примеров*, иллюстраций. Но не больше. Вода-пар-лед и натуральное хозяйство-феодализм-капитализм с точки зрения *диалектического материализма* – одно и то же, один и тот же процесс. Но для *исторического материализма* какое

качественное богатство пропадает при таком обобщении!» [Выготский, 1982, с. 420-421]. Однако уже из этой цитаты видно, что Л.С. Выготский, при выборе философских оснований методологии психологии, отдает предпочтение историческому материализму. Поэтому окончательный вывод Л.С. Выготского однозначен: брать из марксизма «...не диалектический материализм, а исторический материализм» (там же). Таким образом, отказавшись в разработке методологии психологии от диалектического материализма (но не диалектического образа мышления), автор еще больше отдаляется от изучения психического, как природного явления. То есть изначально перед новой научной психологией ставится задача изучать психику не как природное, а как историческое, общественное явление, в контексте человеческой истории, как продукт культурно-исторического развития. А это означает, что в дальнейшем такая методология приведет к исследованию развития или изменения психических функций, как определенных эмпирических данностей, совершенно игнорируя порождающие их процессы (единственное, что может быть общим для всех психических функций и феноменов во всем многообразии их проявлений), скрытые за этими данностями и не зависящие от особенностей культурно-исторических условий существования.

Таким образом, культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, несмотря на ее огромное значение не только для российской, но и для мировой психологии, была и остается теорией, исследующей лишь психические феномены и отношения между ними в своем специфическом культурно-историческом аспекте. Следовательно, исследование естественно-природной составляющей психического ограничивается не мыслительными возможностями психолога, а самой методологией концепции. Поэтому фундаментальная

попытка А.Н. Леонтьева по исследованию эволюции психики [Леонтьев, 1959] есть одновременно попытка выхода за пределы культурно-исторической парадигмы. Точкой отсчета для А.Н. Леонтьева в этом исследовании является предпсихическое свойство раздражимости живых организмов. Однако и в этом случае возникают вопросы: какой процесс приводит к возникновению самой раздражимости? какие процессы приводят к переходу от одной фиксируемой стадии развития психического к другой фиксируемой стадии развития? что помешало А.Н. Леонтьеву идти дальше вглубь материи или исследовать то, что происходит в «зазоре» (наименьшем промежутке) между двумя фиксированными стадиями развития?

Анализ отношения Д.Н. Узнадзе (2004) к проблеме души, как предполагаемому предмету научно-психологического исследования, позволяет пролить свет на эти вопросы. Наиболее характерной чертой современной науки Д.Н. Узнадзе считает то, что «...каждая наука изучает ту или иную сторону непосредственно данной действительности» [Узнадзе, 2004, с. 26]. Отсюда естественный вывод: чтобы признать душу предметом научного исследования, ее действительность должна быть дана непосредственно. Другими словами, так как душа не может быть подвергнута эмпирическому исследованию, то она не может быть предметом научного исследования. Очевидно, что психолог непосредственно может иметь дело лишь с проявлениями души, но не с самой душой. Поэтому вполне логично заключение Д.Н. Узнадзе: «Отсюда бесспорно, что душа может быть предметом исследования не подлинно научного, а лишь выходящего за пределы эмпирической действительности и стремящегося проникнуть в метафизическую сферу. Следовательно, рассмотрение души в качестве предмета психологии характерно для так называемой «метафизической», а не

научной психологии» (там же, с. 27). Таким образом, Д.Н. Узнадзе не только четко разделяет метафизическую и научную психологию, но и указывает на их несовместимость. Как видим, такой подход эксплицирует в качестве предмета научно-психологического исследования феноменологию психической реальности, а то, что порождает эти феномены (душа или еще что-то другое) – причины, непосредственно не наблюдаемые в эмпирическом исследовании психолога, – остается запретным «плодом» научно-психологического познания.

Из сказанного можно сделать вывод, что исследовательские возможности А.Н. Леонтьева ограничивала не методология, как это было у Л.С. Выготского, а *определение* науки, как средства познания того, что непосредственно дано в действительности. А если это условие нарушается, объект исследования оказывается «невидимым» для исследователя, тогда проблема становится ненаучной, потому что ее решение потребует создания гипотетических определений предмета и объекта исследования. Но от этого «невидимый объект» или соответствующая проблема не перестают существовать. Однако если метафизику включить в науку, как ее необходимую часть, что и сделала современная философия науки, то границы научного психологического познания намного расширятся, и психолог будет иметь *право* исследовать и то, что находится «за занавесью» психических феноменов или предпсихических свойств живых организмов. В этом случае фактором ограничения может оказаться глубоко эмпирическое мышление человека, именуемое в современной психологии «продуктным» подходом, не приспособленным для исследования того, что находится за пределами непосредственных данностей чувственного опыта. Все эти ограничения (идеологические, методологические, научные, а также эмпиричность мышле-

ния) способствовали утрате культуры метафизического образа мышления и, тем самым, ослаблению онтологической (в аристотелевском смысле) составляющей современной теоретической психологии.

Одна из попыток вновь обратиться к метафизике, чтобы вывести психологию из кризиса, была предпринята В.П. Зинченко (заметим, однако, что даже в этом случае им не было произнесено слово «метафизика!»). В своем выступлении на «Круглом столе», организованном журналом «Вопросы философии» в 1993 году, В.П. Зинченко, характеризуя состояние психологической науки, оценил его не как кризисное (как это принято говорить), а как катастрофическое [Зинченко, 1993]. Согласно В.П. Зинченко, российская психологическая наука отклонилась от пути своего естественного развития, постоянно приспособляясь к жестким ограничениям марксистской идеологии. Выход из тупика В.П. Зинченко видел в переосмыслении и восстановлении культурного поля первых десятилетий XX века, для которого было реальностью «полифоническое и диалогическое сознание».

Чтобы пояснить свою мысль, В.П. Зинченко приводит пример того, как идеи В.С. Соловьева о всеединстве человеческого знания, об Абсолюте оказали влияние на П.А. Флоренского, В.И. Вернадского, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Северцева и А.Г. Гуревича (о духосфере, ноосфере, биосфере, психике как факторе эволюции, биологическом поле – соответственно). Кроме того, В.П. Зинченко указывает на то влияние, которое оказали идеи П.А. Флоренского об органопроекциях на представления о функциональных органах индивидуальности А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна и А.Н. Леонтьева. Эти примеры научной преемственности и взаимовлияний В.П. Зинченко характеризует, как гармоничность многоголосного звучания, и отмечает это как особен-

ность феномена культуры, научно-философского сознания ученых той эпохи. Однако для нас важно добавить к словам В.П. Зинченко то, что идеи В.С. Соловьева и П.А. Флоренского о всеединстве человеческого знания, Абсолюте и органопроекциях – метафизические идеи, которые в современной психологии оцениваются как сомнительные, ненаучные, однобокие, одним словом, не достойные внимания. Но, как оказалось, именно метафизические идеи оказали большое влияние на формирование некоторых сторон научного мышления выдающихся ученых российской науки и, в частности, психологии того времени. Эта поразительная разница в образе мышления ученых начала XX века и настоящего времени объясняется просто: в современной психологии, по известным причинам, указанным В.П. Зинченко, **полностью** утрачена традиция, точнее, культура метафизического мышления. Это привело к тому, что, несмотря на большое количество методологических и теоретических работ, тем не менее, психология считается естественной наукой лишь потому, что в ней все начинается с экспериментально выявленного факта и заканчивается экспериментально доказуемым фактом (вслед за чем следуют методологические и теоретические обобщения). То есть ядром научно-психологического исследования становится позитивистский «принцип»: «от эксперимента – до эксперимента», и выходить за эти рамки в область возможных, но эмпирически недоказуемых, гипотез не положено.

Другая попытка изменения методологической «ситуации» относительно отношения психологии к метафизике была предпринята известными методологами российской психологической науки А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским в книге «Основы теоретической психологии» [Петровский, Ярошевский, 1998]. Согласно этим авторам, наиболее полное постижение и объяснение психической реальности

возможно тогда, когда одновременно с метапсихологическими категориями будут выделены соответствующие им онтологические модели. «На этом пути, – пишут А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, – открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития)» (там же, с. 31). То есть А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский считают необходимым для решения онтологических и концептуальных проблем теоретической психологии обращение к метафизическому способу теоретизирования. Относительно специфики выбора этого способа они пишут: «Между тем, этот плоский подход к пониманию метафизики, игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева» (там же). Таким образом, после почти векового игнорирования, при решении фундаментальных проблем психологии, вновь зазвучал призыв обращения к культуре метафизического образа мышления и, более конкретно, к традициям русской метафизической мысли. Вопрос лишь в том, готово ли современное сообщество психологов поддержать этот призыв?

Согласно авторам цитируемой работы, необходимость обращения к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева обусловлена их важнейшим значением «...для осмысления объяснительного принципа построения категориального строя в теоретической психологии» (там же). А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский безусловно правы, ука-

зывая на то, что объяснительные принципы должны быть обнаружены в области метафизического знания, при помощи метафизического способа рассуждений (как было показано выше, также рассуждал и Г.И. Челпанов), однако, как мы думаем, до обращения к особенностям построения категориального строя в теоретической психологии необходимо особое внимание обратить на решение онтологических проблем психологии, которые также являются предметом исследований теоретической психологии. И тогда, во-первых, восстанавливается единство онтологического и гносеологического в отношениях между непосредственно непознаваемым и познаваемым, между скрытой сущностью и непосредственно данным явлением, линия демаркации между которыми будет меняться вместе с развитием психологии; и, во-вторых, станет необходимостью обращение не только к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева и его последователей, но и ко всему богатству и разнообразию метафизических представлений в мировой философии и науке Запада и Востока.

Самая важная для нашего исследования мысль А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского заключается в том, что метафизика не чужда психологии, как научной дисциплине, и, более того, она необходима для построения ее онтологических и концептуальных моделей, составляющих фундамент здания психологической науки.

В качестве примера необходимости обращения к метафизике можно привести также замечание И.В. Имедадзе (2013), сделанное им по поводу возможностей интерпретации биосферной концепции Д.Н. Узнадзе. Рассуждая о путях преодоления Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и Д.Н. Узнадзе постулата непосредственности, И.В. Имедадзе приходит к выводу, что ни знак, ни деятельность не могут служить в качестве опосредствующего звена в дихотомии

среда-психика, так как знак можно включить в первый член этого соотношения, а деятельность – во второй. «Наиболее логичным решением – пишет далее И.В. Имедадзе, – представляется биосферная концепция. Вместе с тем, имея в виду ее некоторую метафизичность, последняя, по-видимому, нуждается в большей обоснованности. Тут можно обратиться и к новым квантовым, и к старым восточным представлениям» [Имедадзе, 2013, с. 271]. Интересно отметить, что, вместе с констатацией факта существования в психологии метафизического «объекта» исследования, И.В. Имедадзе не исключает возможности использования представлений о квантовых явлениях для объяснения метафизического характера биосферы в понимании Д.Н. Узнадзе (можно предположить, что И.В. Имедадзе имеет в виду философию квантовой физики, создающую новые представления об устройстве мира с неклассических позиций).

Однако, в связи с вышесказанным, следует отметить три факта, вызывающие чувство сожаления. Во-первых, ни В.П. Зинченко, ни А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский не взялись за разработку метафизического подхода в психологии, которая как региональная наука, должна обладать региональной (специфической) метафизикой. Во-вторых, ими остались незамеченными исследования А.И. Миракяна (1995) и В.М. Аллаhverдова (1994), применивших метафизический подход для экспликации онтологического статуса непосредственно-чувственного отражения и сознания соответственно. И, в-третьих, ни после выступления В.П. Зинченко, ни после выхода в свет обсуждаемой книги А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского отношение психологов к метафизике не изменилось – осталось отрицательным, и эта тема, разработка которой во многом могла бы способствовать построению общепсихологической теории, осталась неисследованной, неизученной. Исключение состав-

ляют лишь исследования А.И. Миракяна, последовательно, но имплицитно, применившего метафизический подход для решения проблем непосредственно-чувственного отражения, а также труды его последователей, продолжающих разрабатывать этот подход (С.Л. Артеменков, Г.С. Есаян, В.И. Козлов, Н.Л. Морина, Р.М. Нагдян, В.И. Панов, Р.А. Погосян, Г.В. Шукова, и др.).

Таким образом, анализ современного состояния отношения психологии к метафизике показал, что, несмотря на позитивный настрой некоторых ведущих методологов, в целом, это отношение остается отрицательным. Об этом свидетельствует хотя бы книга Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова «Методологические основы психологии» (2011). В этой работе, насыщенной анализом многих философских концепций, о метафизике упоминается лишь в связи с обзором методологических нововведений Л.С. Выготского, который иначе (ограниченно) воспринимал метафизику и отрицательно относился к ней. Кроме того, несмотря на то, что Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов неоднократно обращались к тексту цитируемой книги А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, метафизика, в предложенном ими аспекте, не обсуждалась, оказавшись вне поля внимания авторов «Методологических основ психологии». С другой стороны, данные философии науки и философский анализ корней возникновения естественных наук, проделанный самими естествоиспытателями (особенно физиками и математиками), указывают на необходимость метафизических предпосылок для построения основ здания науки. Это означает, что актуальность проблемы отношения психологии к метафизике возросла (исходя из специфики своего предмета, психологи должны были решить эту проблему раньше, чем это сделали физики) и требует *поиска путей* для своего положительного решения, и при этом выбор способа анализа и образа мыш-

ления являются главными факторами достижения успеха в этом направлении развития теоретической психологии.

Таким образом, была показана необходимость метафизического подхода для выявления природных предпосылок, порождающих психические явления, и, одновременно, были выявлены причины, ограничивающие возможности применения метафизического подхода в психологии.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что значение эксперимента в определении статуса научной психологии отнюдь не умаляется - именно экспериментом проверяется истинность (в философском смысле) и эффективность (в практическом смысле) выбранных метафизических предпосылок. Меняются лишь акценты: метафизика направляет и определяет характер экспериментальных исследований психических явлений, чем и создается возможность принятия или опровержения выбранных метафизических предположений. Этим мы еще раз хотим подчеркнуть связь между метафизикой и эмпирией, которая была столь естественна и необходима для психологов-метафизиков Серебряного века России.

В заключении еще раз отметим, что, несмотря на тотальную, «само собой разумеющуюся», антиметафизичность психологов (за исключением вышеназванных), тем не менее, А.И. Миракяном и В.М. Аллахвердовым были проведены теоретические исследования фундаментальных проблем психологии с использованием метафизического подхода, которые остались вне поля научно-психологической рефлексии. Анализу и обсуждению этих работ посвящены следующие разделы нашего исследования.

2.2. Метафизический подход В.М. Аллахвердова к проблеме сознания

Анализ теоретических разработок В.М. Аллахвердова (1993, 2003) относительно проблемы онтологического статуса сознания представляет особый интерес для нашего исследования, потому что В.М. Аллахвердов явно озвучивает и демонстрирует наглядный пример применения метафизического подхода для решения одной из фундаментальных проблем психологии. Несмотря на то, что В.М. Аллахвердов считает этот подход сомнительным (уточним: ненаучным – Р.Н.), тем не менее, он полагает, что эту возможность «...все же нельзя исключить» [Аллахвердов, 2003, с. 218]. Для этого, считает В.М. Аллахвердов, сознанию изначально необходимо приписать особую физическую онтологию, которая, предупреждает он, обычно имеет мифологическую конструкцию (вспомним поэтико-мифологическую стадию развития метафизики по В. Вундту). Однако поиск этих начал, по В.М. Аллахвердову, требует определенной конкретности относительно исследуемого свойства сознания. Для этого необходимо сформулировать физическую гипотезу о некоем процессе, напрямую связанном с деятельностью сознания, «...ибо только тогда можно надеяться, что сознание окажется онтологически связанным с физической природой этого процесса» (там же). Эту конкретность В.М. Аллахвердов вводит через свойство сознания придавать случайным событиям статус закономерных, принимая их за детерминированные, а затем доказывать «закономерность» этого события. Поэтому возникает вопрос: как нечто подобное возможно в природе? То есть В.М. Аллахвердов ставит перед собой задачу «...придумать физический процесс (используя метод метафизических рассуждений – Р.Н.), который делает при-

мерно то же, что и, по ранее высказанной гипотезе, делает сознание» (там же).

В качестве исходной теоретической базы В.М. Аллахвердов выбирает концепцию предрасположенностей К. Поппера (2000). Как известно, основные положения этой концепции о возникновении и развитии мира не выводятся дедуктивным методом из эмпирического опыта. Поэтому эта концепция, построенная на основе априорного знания, лишь косвенно подтверждаемого опытом, является метафизической.

С самого начала В.М. Аллахвердов акцентирует внимание на том, что вероятность реализации той или иной истории мира определяется некоторым исходным распределением возможностей, которые являются физической реальностью. Тем самым уже вводится идея случайного. Однако, несмотря на это, «...распределение возможностей вполне может трактоваться как реальное основание бытия» [Аллахвердов, 2000, с. 219] и реализуется, соответственно, в возможных пространстве и времени, определяя, в том числе, и геометрию мира.

Свое метафизическое предположение В.М. Аллахвердов формулирует следующим образом: «Любое происшедшее случайное событие во Вселенной влияет на возможность осуществления последующих событий и, тем самым, детерминирует эти события» (там же, с. 219). Это означает, что случайное событие в конкретной эмпирической ситуации будет восприниматься как причина последующих событий. Таким образом, исходное распределение вероятностей меняется самой историей развития бытия в сторону выбранных на предшествующих уровнях альтернативах. Вышеприведенную формулировку метафизического предположения В.М. Аллахвердов называет «метафизическим предчувствием физической гипотезы». Физиче-

ская гипотеза, в отличие от метафизической, должна быть экспериментально проверяемой и согласованной с наличным знанием. И все же, считает В.М. Аллахвердов, если это метафизическое предположение верно, «...оно может иметь важное значение для понимания онтологии сознания» (там же, с. 219). Таким образом, автор ясно указывает на связь метафизических предпосылок с научным исследованием сознания. При этом четко обозначается важная роль выбранного метафизического подхода, потому что в дальнейшем именно «метафизическим предчувствием» определяется содержание физической гипотезы, к которому при этом предъявляются два дополнительных условия: возможность экспериментальной проверки и согласованность с наличным знанием.

Рассмотрение В.М. Аллахвердовым метафизического предположения с физической точки зрения приводит к следующим выводам.

Во-первых, за случай (случайностью) признается онтологический статус. То есть в вечно меняющемся мире, где на ситуацию (или событие) действуют не только наличествующие, но и неожиданные и непредсказуемые силы, превалирует индетерминизм, а детерминизм является всего лишь одним частным случаем индетерминизма, когда вероятность появления события равна единице. И, если продолжить мысль В.М. Аллахвердова, так как сказанное относится к сознанию, как к природному (физическому) явлению, следовательно, необходимо коренное изменение взгляда на природу сознания и на его изучение с учетом нового подхода к проблеме детерминизма.

Во-вторых, несмотря на вероятностный характер происходящих в мире событий, по мнению В.М. Аллахверова, «...сделанное метафизическое предположение говорит о движении к порядку» (там же, с. 220). Это мнение явно про-

тиворечит законам термодинамики (и здравому смыслу), но после работ И. Пригожина о возможности перехода хаоса в порядок (то есть перехода из более вероятного состояния в менее вероятное состояние – противоположно закону термодинамики) это кажется не столь странным. Эту же мысль подчеркивает А.П. Назаретян: «...на протяжении 15-17 млрд. лет мир становится все более «странным» (чтобы не сказать: все менее естественным с энтропийной точки зрения)» [Назаретян, 2001, с. 158].

В-третьих, принимая вслед за К. Поппером идею о том, что возможности возникновения существуют еще до самого возникновения, что создает соответствующие предрасположенности, В.М. Аллахвердов, в качестве подтверждения, указывает на уже существующие в квантовой физике подобные идеи, появившиеся при интерпретации результатов некоторых исследований «поведения» элементарных частиц. Так, например, в представлении Р. Фейнмана, а затем и С. Хокинга, история жизни каждой элементарной частицы имеет некоторую вероятность и является суммой всех ее возможных предысторий в некотором виртуальном времени [Хокинг, 2001, с. 104-105]. В.М. Аллахвердов обращается также к «многомировой» интерпретации квантовой механики Х. Эверетта [Everett, 1957], согласно которой реальность состоит из множества миров, в каждом из которых реализуется одно возможное состояние частицы. Однако, как нам кажется, главной особенностью интерпретации Х. Эверетта является то, что он показал возможность распространения представлений квантовой механики о микромире на макромир. Именно поэтому стало возможным сформулировать концепцию сосуществования многих классических миров, в совокупности составляющих единый квантовый мир. Мы, как макрообъекты, а также наблюдаемые нами элементарные частицы, находимся в одном из возможных миров, а

остальные нам принципиально не доступны, хотя сосуществовали вместе с «нашим» миром, как реально возможные. А выбор или, как говорят физики, разделение альтернатив – из множества классических эвереттовских миров или проекций единого квантового мира – осуществляет сознание. Таким образом, Х. Эверетт вводит в квантовую механику понятие сознания, без которого, как считают многие физики, она осталась бы неполной.

Однако В.М. Аллахвердов утверждает, что всерьез обсуждать проблему онтологического статуса сознания можно только тогда, когда физики обнаружат «сознаниеподобный физический процесс». А о возможном направлении развития своего метафизического подхода В.М. Аллахвердов пишет: «Здесь важно признать: гипотезы о физической природе сознания, наверное, возможны, но они должны опираться на родство физического процесса и процессов, протекающих в сознании. Но об этом имеет смысл говорить только после того, как сформулирована гипотеза о том, что реально сознание делает» [Аллахвердов, 2003, с.220].

Рассуждения В.М. Аллахвердова находят свое подтверждение в дальнейшем развитии «многомировой» интерпретации квантовой механики Х. Эверетта, осуществленной М.Б. Менским (2005, 2011).

Исследования М.Б. Менского привели к идеям очень близким к предположениям В.М. Аллахвердова о метафизической возможности определения онтологического статуса сознания. (В.М. Аллахвердов не мог знать о теоретических исследованиях М.Б. Менского в этом направлении, так как цитируемые фрагменты были изложены в автореферате докторской диссертации В.М. Аллахвердова в 1994 году, а статьи М.Б. Менского начали публиковаться с 2000 года в самом авторитетном журнале по физике России «Успехи физических наук»). Вместо того,

чтобы рассматривать по отдельности сознание и разделение альтернатив реальности, как это делает Х. Эверетт, М.Б. Менский предлагает отождествить сознание и разделение альтернатив, то есть считать, что сознание и есть разделение альтернатив или разделение альтернатив и есть сознание, или, по-другому, под сознанием нужно понимать разделение альтернатив. Это очень напоминает «сознание-подобный физический процесс», предсказанный В.М. Аллахвердовым, в формулировке которого уже звучит идея нерасчлененной слитности психического и физического, с подчиненной ролью физического (физическое, как психическое). Причем необходимо сделать существенное уточнение, что, согласно М.Б. Менскому, речь идет не обо всей сфере сознания, а о самом глубоком или примитивном пласте сознания. «Это пласт сознания, лежащий как будто «на границе сознания» и тесно связанный с осознанием, т.е. с переходом от состояния, когда нечто не осознано, к состоянию, когда оно осознано» [Менский, 2011, с. 110]. Таким образом, гипотеза отождествления приводит к тому, что сознание оказывается общим элементом квантовой физики и психологии. Теперь становится понятным, почему объяснение каждого из этих феноменов в отдельности было неудовлетворительным. По мнению М.Б. Менского, это происходило потому, что «...каждый из этих феноменов анализировался в рамках только одной сферы знания (либо в сфере естественных наук, либо в сфере гуманитарных наук), в то время как важный аспект, лежащий в другой сфере, игнорировался» (там же).

Свою концепцию М.Б. Менский назвал Квантовой Концепцией Сознания (ККС). Кратко приведем основные предположения, принятые в ККС:

1. Вселенная (реальность) – это квантовый мир, представляющий собой суперпозицию сосуществующих

классических миров или альтернатив (метафизическая предпосылка, лежащая в основе всех остальных предположений).

2. Сознание разделяет единственный квантовый мир на классические альтернативные миры.
3. Сознание и есть разделение альтернатив (гипотеза отождествления – онтология сознания).
4. Сознание может влиять на то, какая из всех возможных альтернатив будет переживаться субъективно.
5. Выключение сознания (переход в состояния, близкие к бессознательному) означает доступ ко всем возможным классическим мирам или альтернативам и к той информации, которая в них содержится.

Все приведенные выше предположения – метафизические, так как не подлежат эмпирической верификации. И к тому же следует учесть, что основные понятия, включенные в эти предположения, не совсем точны и требуется дальнейшая их разработка. Об этом говорит и сам М.Б. Менский: «В любой науке первичные понятия остаются нечеткими, пока не выясняется, как эти понятия работают и как все понятия, возникающие в этой теории, связаны друг с другом» (там же, с.174). Но надо полагать, что это есть особенность всех метафизических понятий, обозначающих первоначала или первоосновы имплицитной возможности существования каких-либо явлений в «бытии в возможности» (Аристотель). Таковы, например, метафизические понятия силы, действия, энергии, энтропии, электричества, составляющие основания физических теорий. И, несмотря на то, что нам не ясна сущность явлений, скрытых за этими понятиями, даже такими как энергия и электричество, построенные на этих понятиях физические теории поражают воображение возможностями их практического применения.

Таким образом, метафизический подход В.М. Аллахвердова к выяснению онтологического статуса сознания имеет свое продолжение, и даже подтверждение, в квантовой концепции сознания М.Б. Менского. И так как в цитируемой работе М.Б. Менского указывается и на объяснительные возможности его концепции в психологии и парапсихологии, то надо полагать, что метафизический подход может служить эффективным и эвристическим средством изучения фундаментальных проблем психологии в той мере, в какой это возможно сделать на современном уровне развития знания.

Теперь мы имеем возможность сравнить три современные метафизические концепции относительно природы психического – А.И. Миракяна, В.М. Аллахвердова и М.Б. Менского. Логическая структура сравнительного анализа для всех одинакова – описание исходных данностей, служащих основаниями для их теорий, и создание представлений о реальности (Вселенной) со своими особенностями (принципами существования, структурой, отношением к причинности и т.д.).

Исходные данности:

1. При построении своей концепции психического отражения А.И. Миракян основывался на критике «продуктного» подхода, господствующего в современной психологии [Миракян, 1990]. Многими психологами осознан тот факт, что за уже отраженными и осознанными явлениями или феноменами психического остаются скрытыми и непознанными процессы, к ним приводящие. Тем не менее, «продуктный» подход стоит на том, что, несмотря на осознание и констатацию этого факта и вопреки логике, для исследования принципов процесса, порождающего психические феномены, в качестве исходных предпосылок используются понятия, относящиеся к этим же феноменам, и в результате исследователи не получают удовлетворительных

и общих теорий. Приведем пример подобной констатации, высказанной В.А. Мазиловым: «...в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправданно редукционистское сведение психэ к *ее конкретному проявлению*. Действительно, психэ может проявиться и в самосознании, и в поведении... Ликов у психэ много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это правильно – психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природная сущность» [Мазилов, 1998, с. 66]. Однако дальше констатации этого факта дело не продвинулось. Поэтому, при осуществлении своего афизикального подхода, для построения (описания) реальности (метафизическая задача), в которой могут существовать возможности, приводящие к возникновению процесса психического отражения, А.И. Миракян использует, в качестве исходных, понятия индифферентные, независимые относительно реальности психических феноменов, а также принципы и закономерности, относящиеся к саморазвитию материи, но такие, в которых, по его гипотезе, заложены возможности порождения психического отражения. И уже после становления афизикального подхода стало возможным ответить на вопросы, поставленные В.А. Мазиловым, что и было осуществлено в более широкой, по охвату вопросов, и аналитической, по форме, работе В.И. Панова (2011).

2. Исходной данностью или предпосылкой рассуждений В.М. Аллахвердова является выделение из полифункциональной сферы сознания одного из его свойств – придавать случайным событиям статус закономерных, для чего затем нужно было «придумать» физический процесс, который делает «примерно то же» (поскольку речь идет о природе в целом, то это и есть метафизическая задача В.М. Алла-

хвердова – Р.Н.). Как видим, несмотря на то, что В.М. Аллахвердов, как и А.И. Миракян, полагает, что первично не психическое, и переводит для решения своей метафизической задачи сферу исследований в природу, в реальность до отражения (или осознания), он, в отличие от А.И. Миракяна, использует «продуктный» подход. То есть в природных физических процессах ищет нечто «родственное» тому, что уже является результатом или продуктом деятельности сознания. Поэтому, если бы В.М. Аллахвердов продолжил развивать свою теорию (но он не ставил перед собой такой задачи), это привело бы к выявлению принципов и закономерностей именно этого «сознаниеподобного физического процесса», которые были бы приспособлены для объяснения особенностей функционирования только того свойства сознания, с которого В.М. Аллахвердов начал свои рассуждения. А описание принципов порождения всего богатства проявлений свойств сознания, его полифункциональность остались бы вне области возможностей этой теории.

3. Для М.Б. Менского исходными были представления Х. Эверетта о суперпозиционном (квантовом) устройстве Вселенной, разделение которой на отдельные классические миры осуществляется сознанием. Как видим, в отличие от А.И. Миракяна и В.М. Аллахвердова, исходные предпосылки М.Б. Менского не психологические, а физические, поэтому движение его мысли направлено от физического к психологическому. Причем в этой исходной позиции размышлений М.Б. Менского сознание и разделение альтернатив реальности противопоставлялись друг другу, что приводило к появлению квантово-механических парадоксов, требующих не только физического, но и психологического разрешения, так как сознание, как оказалось, составляет неотъемлемую часть квантово-механической системы (в данном случае – Вселенной).

Представления о реальности:

1. А.И. Миракян говорит о реальности до отражения (или природе, какова она есть до или без человека), как о «ничто» или как о реальности отсутствующего, потому что она не проявляется в феноменах восприятия и сознания. Эта реальность, в представлении А.И. Миракяна, обладает рядом особенностей: она состоит из бесконечного многообразия форм, которые образуют пространственно-временные, энергетически-дискретные формы, представляющие, вместе с этим, нерасчлененное единство – единство в абсолютном общем и в каждой отдельной дискретной форме (это нерасчлененное единство А.И. Миракян также называет глобальностью, чтобы указать на ограниченность психического отражения); в мире существуют две противоположные тенденции – к самосохранению и к саморазрушению, что приводит к порождению и распаду материальных форм; в природе заложены структурно-процессуальные возможности образования и разрушения отношений между дискретными формами материи или гомогенными формами внутри более общей формы; природа обладает пространственно-временной анизотропностью и гомогенностью, причем гомогенность А.И. Миракян рассматривает как объективную возможность единого, а анизотропность как форму различия в едином и объективную возможность формопорождения сущего [Миракян, 1992].

2. В.М. Аллахвердов выводит представление о реальности из своих собственных предпосылок о свойстве сознания. Для этого исходное представление о сознании (точнее, о его свойстве) В.М. Аллахвердов переносит на мир, так как считает, что «...только тогда можно надеяться, что сознание окажется онтологически связанным с физической природой этого процесса» [Аллахвердов, 2003, с. 219]. Именно поэтому наиболее удобной для этой цели оказалась концепция

предрасположенностей К. Поппера (2000), представленная им как «мир предрасположенностей», так как она основана на вероятностных соображениях, как и свойство сознания, выбранное В.М. Аллахвердовым в качестве исходной предпосылки. В результате свое представление о мире, о реальности В.М. Аллахвердов формулирует в такой метафизической гипотезе: «любое происшедшее случайное событие во Вселенной влияет на возможность осуществления последующих событий и, тем самым, отчасти детерминирует это событие» (там же, с. 219). То есть это мир сложнейших взаимодействий, которые имеют вероятностный характер, так как определяются совокупностью предрасположенностей, влияние которых не может приводить к образованию однозначных причинно-следственных связей, и, одновременно, это мир, где возможно движение и развитие от хаоса к порядку.

3. Исходные предпосылки М.Б. Менского уже основывались на определенном представлении об устройстве мира, предложенном Х. Эвереттом. От классического, привычного для нас ньютоновского мира, Вселенная Эверетта отличается тем, что, во-первых, она представляет собой суперпозицию независимых друг от друга одновременно сосуществующих миров, и, во-вторых, сознание и Вселенная образуют единую систему, и у людей создается иллюзия существования только в одном-единственном классическом мире, так как именно сознание делает выбор одного из альтернативных миров, составляющих Вселенную. В эту (квантовую, эвереттовскую) картину Вселенной М.Б. Менский вносит существенную поправку – вводит гипотезу идентификации или отождествления, о чем уже говорилось выше, согласно которой сознание есть разделение альтернатив. То есть, если в интерпретации Эверетта сознанию не дается никакого онтологического смысла, и оно рассматривается

как отдельно существующее от разделения альтернатив (Эверетт отвечает на вопрос, что делает сознание в этой системе?), то в определении М.Б. Менского сознание и разделение альтернатив рассматриваются как одно и то же (тем самым М.Б. Менский предлагает свое понимание «корневой» сущности сознания). Таким образом, строится новая картина квантовой Вселенной, в которой невозможно существование какого-либо классического мира без компоненты сознания (каждой классической реальности соответствует своя компонента сознания), потому что появление данного классического мира и есть соответствующая компонента сознания. Таким образом, в реальности Менского появляется нечто новое, которое имеет физическую и психическую природу одновременно, становясь объектом исследования одновременно физики и психологии. Как показывают дальнейшие исследования М.Б. Менского, эта непривычная и трудно воспринимаемая метафизическая сущность (новое представление о сознании) имеет право на существование, так как дает хотя бы теоретическое объяснение многим, ранее необъяснимым, психическим феноменам. Несмотря на некоторые неясные моменты концепции М.Б. Менского, как бы то ни было, необходимо использовать ее и все возможные подходы для приближения времени решения фундаментальных онтологических проблем психологии. «Я убежден, – пишет В.М. Аллахвердов, – что отсутствие хоть какого-нибудь приемлемого решения этих проблем тормозит становление психологии как теоретической науки и лишает психологов твердой почвы под ногами» [Аллахвердов, 2003, с. 3].

К сказанному выше необходимо дать некоторые комментарии. В методологических подходах А.И. Миракяна и В.М. Аллахвердова есть принципиальные различия, и для их лучшего освещения приведем цитату из работы

А.И. Миракяна «Основания трансцендентальной психологии восприятия»: «В истории материалистической философии были попытки поиска сущности явления психического отражения в истоках самой материи, но при этом материя и ее закономерности анализировались только через присутствующее (через уже отраженные и осознанные продукты восприятия – Р.Н.), которое не содержит в себе основных проявлений отсутствующего (реальности или мира до отражения – Р.Н.). Поэтому процесс психического отражения представлялся исследователями на основании данных продуктов этого процесса и феноменов; и объектом исследования ими был выбран человек с его природно-общественной историей..., а не принципы-закономерности порождения природных форм непосредственно-психического отражения, которые материя имеет в себе как возможность и только опираясь на которые можно создавать гипотезы об условиях порождения психического отражения в недрах материи, гипотезы о принципах и закономерностях его структурно-процессуального функционирования» [Миракян, 1995, с. 71)].

В.М. Аллахвердов шел прямо противоположным путем: от того, что «реально делает сознание», к умозрительному физическому процессу (как природному метафизическому явлению), который делает «примерно то же». Поэтому, если все сказанное рассмотреть с гносеологической стороны, то рассуждения В.М. Аллахвердова направлены от психологии к метафизике, а А.И. Миракяна – от метафизики к психологии. К подобным дискуссионным ситуациям хорошо подходят слова И.Ф. Гербарта, который писал: «Кроме правильного отношения психологии к общей метафизике, должно быть принято во внимание и мнимое, именно то, которое послужило поводом к попытке дать метафизике психологическое основание» [Гербарт, 2007, с. 70].

М.Б. Менский в этом вопросе, по нашему мнению, занимает среднее положение: отождествляя сознание (психическое) с разделением альтернатив реальности (физическое), он создал тем самым совершенно новую, претендующую на научность, перспективу разрешения вечной проблемы соотношения психического и физического, требующую неторопливого, вдумчивого и разностороннего обсуждения.

Одним из философских обобщений, вытекающих из подхода М.Б. Менского, является снятие проблемы первичности бытия и сознания. Это означает, что если мы говорим о реальности, то это одновременно означает, что мы говорим о каком-то состоянии или компоненте сознания; и, наоборот, состоянием сознания определяется существование определенной реальности. Однако эти рассуждения приводят (с обыденной точки зрения) к парадоксу, потому что снимается вопрос об эволюции психического или сознания, так как эволюция может произойти только в классической реальности, а существование классической реальности уже предполагает существование сознания. То есть о реальности мы имеем право говорить только в том случае, когда имеем в виду и отражающего его субъекта. Следовательно, в этом случае ставится вопрос не о возникновении или порождении психического, а о его наличном существовании, о его развитии и трансформации в другие формы психического. Однако не следует торопиться с окончательными выводами по этим вопросам, так как для их решения необходима соответствующая компетентность в понимании особенностей нелокальной природы квантового мира и обладание метафизическим образом мышления тех гениальных физиков-философов, которым удалось создать хорошо «работающую» теорию квантовых явлений и с ее помощью – новое представление о Вселенной и о роли сознания в ней, труднодоступное для понимания неспециалистов в этой области.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, впервые в постсоветской российской психологии В.М. Аллахвердовым была явным образом высказана и продемонстрирована возможность применения метафизического подхода. Это был достаточно смелый и рискованный шаг, ввиду опасности оказаться непонятым и подвергнуться суровой критике, учитывая тот факт, что, начиная с 20-х годов прошлого столетия, метафизика была изгнана из психологии, как совершенно недееспособная и неприемлемая для научных поисков область знания, и с тех пор в научном сообществе способность к метафизическому образу мышления была утрачена (и не только в психологии, но и во всех областях науки). Однако, ради научно-исторической справедливости, следует отметить, что до В.М. Аллахвердова метафизический подход более глубоко и последовательно применил А.И. Миракян при исследовании принципов и закономерностей психического отражения, но, как таковой, этот подход им не был обозначен.

Во-вторых, метафизический подход может внести существенный вклад в решение фундаментальных проблем психологии. Без метафизики психология не в состоянии исследовать те природные условия, недоступные непосредственному наблюдению или измерению, которыми определяются возможности возникновения психического, потому что изначально они принадлежат допсихической реальности.

В-третьих, метафизический подход неизбежно ведет к необходимости построения соответствующей картины мира или реальности. А это требует обращения, кроме собственно психологических, и к другим (непсихологическим) областям знания, в особенности, к физике и

философии. При решении фундаментальных глубинных проблем психологии неизбежным становится обращение к метафизике, как области знания, объединяющей психологию, философию и философию физики в одно слитное единство. Именно поэтому этот подход нельзя назвать редуccionистским или полиредуccionистским. И если учесть к тому же, что эта «слитная» метафизическая область знания относится к гуманитарной области знания, то психологию в целом можно рассматривать не только как естественнонаучную, но и как гуманитарную дисциплину одновременно.

В-четвертых, возможны разные метафизические подходы для решения одной и той же проблемы, что дает возможность их сравнительного анализа и выбора того подхода, который обладает наиболее широкими объяснительными и эвристическими возможностями для создания научной теории и решения практических задач.

В заключение отметим, что проведенный сравнительный анализ метафизических концепций опять подводит нас к вечному вопросу психологии о том, что необходимо «...вновь определить, что мы понимаем под «психической реальностью» и какова природа психического? Это принципиально важно, ибо современная психологическая наука зашла в теоретический тупик, и психологи разных школ плохо понимают друг друга» [Волков, 1996, с. 7]. Основываясь на вышесказанном, можно предположить, что метафизический подход окажется наиболее адекватным и эффективным средством для решения этой главной проблемы теоретической психологии.

2.3. За пределами онтологической парадигмы восприятия

В последние десятилетия в методологии психологии восприятия возникло новое направление, названное онтологическим, претендующее на замену существующего гносеологического подхода [Барабанщиков, 2009]. Как известно, гносеологический подход осуществлялся в рамках соотношения «объект-субъект», где в конкретно-психологических исследованиях изучался не сам объект, а одно из его свойств (величина, форма, цвет, объем, удаленность, движение и т.д.), а место субъекта, отражающего это свойство, занимал образ. То есть, с одной стороны, брался «одномерный» объект и «за скобки» выводились его целостность и взаимосвязи с другими объектами, а, с другой стороны, не учитывались личностные качества субъекта восприятия, как носителя многообразия психических состояний, эмоциональных переживаний, ценностных ориентаций, стереотипов мышления и т.д.

Другой аспект ограниченности гносеологического подхода состоит в том, что вне внимания исследователей оставался процесс порождения, трансформирующий объект в образ, а вместо этого исследовались соотношения между изменениями количественных характеристик исследуемого свойства объекта или условий восприятия и изменениями его образа. Соответственно этой методологии и выбирались методы экспериментального исследования и анализа полученных результатов. Таким образом, ограничения гносеологического подхода проявлялись: в выборе «одномерного» объекта исследования, в отрыве от многообразия внешних условий, в пассивности («зеркальности») субъекта отражения без учета многообразия его внутреннего мира, и, наконец, в том, что не ставился вопрос о процессе порождения образа.

На эти ограничения и обратили внимание сторонники онтологического подхода, признанным лидером которого (как методолог, теоретик и экспериментатор) является В.А. Барабанщиков.

Так как методологической основой становления и развития онтологического подхода являются философско-психологические воззрения С.Л. Рубинштейна, то анализ онтологической концепции восприятия будет проведен в контексте двух его работ: «Бытие и сознание» и «Человек и мир».

В онтологическом подходе, согласно В.А. Барабанщикову, «восприятие рассматривается не просто как образ действительности в его отношении к самой действительности (гносеологический подход), а как порождение образа, протекающее в единстве внешних и внутренних условий его существования» (там же, с. 81). Соответственно этой методологической установке, исходным пунктом анализа восприятия для В.А. Барабанщикова оказывается не отображение объекта, т.е. образ, «а взаимоотношение человека, с миром, субъекта с объектом» (там же, с. 88). Причем в этом новом понимании соотношения «субъект-объект» происходит смещение феномена восприятия на его субъект, который выступает как многомерное целое со своими задатками, способностями восприятия, направленностью личности и черт характера и т.п. (там же, с. 89). Все это, согласно В.А. Барабанщикову, обуславливает потенциальный план восприятия и определяет онтологическое содержание и понятие субъекта. Такое понимание субъекта приводит, соответственно, к новому пониманию объекта. Традиционное понятие объекта-вещи (или элемента среды) сменяется понятием объекта-ситуации, в котором «ситуация характеризует способ объединения разнонаправленных «сил» и потенций в некоторое целое, в котором це-

ментирующая роль и инициатива принадлежит человеку» (там же, с. 91). Здесь же В.А. Барабанщиков делает дополнение, которое эксплицирует сущность его теоретической позиции: «Это – *ego* ситуация (мир), а не ситуация (мир) вообще» (там же). «*Ego* ситуация» – то есть уже воспринятая ситуация (которую еще предстоит воспринять? Этот парадокс характерен и для гносеологического подхода, где исследуются закономерности «отражения» уже отраженного объекта; в обоих случаях исследуется не порождение перцептивного образа, а рефлексия уже отраженного объекта или ситуации, для чего, однако, необходимо ввести еще и понятие сознания).

Обращением к философскому определению ситуации, данному С.Л. Рубинштейном, уточним смысл нововведения В.А. Барабанщикова: «Всякая ситуация по самому существу своему проблема. Отсюда – постоянный выход человека за пределы ситуации, и сама ситуация есть становление. Становление или становящееся соотносено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим и выводящим за ее пределы; это внешнее по отношению к ситуации связано с внутренним по отношению к человеку» [Рубинштейн, 1976, с. 338]. Кроме того, «онтологичность» объекта-ситуации, по В.А. Барабанщикову, определяется тем, что в лабораторных исследованиях должны быть учтены не только физические и экологические, но и социальные, и культурные условия, обуславливающие реальные способы жизни и деятельности человека [Барабанщиков, 2009, с. 92]. В отличие от объекта-вещи, объект-ситуация, выступает как система детерминант в виде констелляций разнородных событий, обладает динамикой и продолжает разворачиваться и формироваться перед воспринимающим в ходе восприятия, «поэтому до завершения перцептивного про-

цесса определить объект-ситуацию в полном объеме невозможно» (там же, с. 91). С другой стороны, так как разворачивание и формирование объекта-ситуации происходит не само по себе, а под влиянием и в соответствии с внутренними условиями субъекта, то получается, что «субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему» (там же). При таком подходе объект и субъект не разобщены, не противопоставлены, что характерно для классических теорий восприятия, а представляют собой противоположные полюса одного целого. Возможно, именно это имеет в виду В.А. Барабанщиков, когда пишет: «*Объект и его образ* оказываются полярностями одного и того же целого, а процесс восприятия открывается не только как отражение бытия, но и как его *порождение*» (там же, с. 97). Таким образом, все составляющие перцептивного явления объединяются в одно системное целое. Это позволило В.А. Барабанщикову всю совокупность предпосылок и детерминант, причин и следствий, взаимовлияний и воздействий, относящихся к процессу восприятия и определяющих его в акте бытия, сконцентрировать в центральном понятии онтологической концепции – перцептивном событии.

Однако, несмотря на тщательную теоретическую проработку понятий онтологической концепции восприятия и большой массив экспериментальных данных, полученных в русле этого подхода, тем не менее, в концепции есть слабые стороны, нуждающиеся в дополнительном изучении, на что указывает и сам В.А. Барабанщиков: «Онтологический аспект перцептивного образа наименее изучен и нуждается в глубокой проработке, но именно он представляет наибольший интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения» (там же, с. 98). Откуда возникает проблема перцептивного образа? Какие особенности теоретического анализа приводят к ее появлению?

Раскрывая содержание предмета онтологического подхода, В.А. Барабанщиков указывает на «взаимопроникновение субъекта и объекта восприятия, способы порождения и существования чувственного образа и его обусловленность системой внешних и внутренних детерминант» (там же, с. 87). Особенность приведенного ряда компонент и детерминант процесса восприятия заключается в том, что их некорректно рассматривать в одной теоретической плоскости, так как порождение образа принадлежит неосознаваемой и непосредственно ненаблюдаемой области бытия, а все остальные – области наличного бытия, доступные для непосредственных эмпирических исследований. И действительно, порождение образа В.А. Барабанщиков понимает, как переход вещей и событий от бытия «в себе» к бытию для субъекта (там же, с. 98). Таким образом, В.А. Барабанщиков говорит о двух видах бытия, которым должны соответствовать разные онтологии. Однако специального анализа способов (или принципов) порождения перцептивного образа в цитируемой статье не проводится. Вместо этого В.А. Барабанщиков большое внимание уделяет анализу перцептивного образа, его зависимости от перцептивных потребностей, внешних и внутренних условий и т.д. Однако отметим, что сам перцептивный образ, потребности и разного рода детерминанты, определяющие и обуславливающие характер чувственного образа, относятся к наличному бытию и составляют содержание сознания человека, являясь продуктами процесса отражения. С одной стороны, это дает возможность эмпирической проверки теоретических положений онтологической концепции восприятия и ее эффективного практического применения. Но, с другой стороны, остается не решенным вопрос о порождении образа, сложность изучения которого в том, что порождение происходит таким образом, что остается за пределами на-

шего чувственного опыта, то есть непосредственно не дано никому – ни исследователю, ни исследуемому. Именно поэтому определение содержания перцептивного события останется неполным до тех пор, пока не будет заполнен этот пробел. Кроме того, по словам С.Л. Рубинштейна, «на чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем» [Рубинштейн, 1976, с. 305], так что становится понятным, что «глубинные процессы в сущем», ответственные за порождение перцептивного образа, предполагают другой способ существования, определяющий (по С.Л. Рубинштейну) другой уровень бытия и, следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события, которые существуют в наличном бытии. Поэтому «язык» описания перцептивного события в своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия.

Выявленная выше познавательная неоднородность не нова и уже встречалась в истории науки. В физике она выступала как противоречие, возникающее при переходе к изучению явлений более глубокой, непосредственно не наблюдаемой, реальности явлений микромира. В. Гейзенберг писал: «копенгагенская интерпретация квантовой теории начинается с парадокса. Она исходит, с одной стороны, из положения, что мы должны описывать эксперимент в понятиях классической физики, а с другой – из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе (свойствам элементарных частиц – Р.Н.). Противоречивость этих ис-

ходных положений обуславливает статистический характер квантовой теории» [Гейзенберг, 1963, с.35]. Как видим, «физическое событие», в ситуации экспериментального исследования квантовых явлений, элементарных частиц и их свойств, точно так же неоднородно в языковом аспекте, как и перцептивное событие в ситуации исследования процесса порождения перцептивного образа. Однако необходимо отметить, что сравниваемые события в физике и в психологии принципиально отличаются друг от друга тем, что квантовое явление находится вне наблюдателя и может быть изучено им как и остальные явления природы (однако и здесь есть свои специфические особенности), а психический процесс порождения имплицитно протекает внутри исследователя, за пределами осознания, не попадая тем самым в сферу эмпирических исследований как центральная и главная часть перцептивного события, и изучается большинством психологов через его же продукты, составляющие эксплицитно данные компоненты перцептивного события. А это уже другой парадокс, характерный для продуктного подхода, потому что редукция или объяснение процесса порождения через его же продукт невозможно. И это, несмотря на то, что психический процесс и его продукт, являясь противоположностями, находящимися в отношении отрицания друг друга (в процессе еще нет продукта, а в продукте процесс уже завершен), составляют части единого целого.

Вышесказанное порождает необходимость внесения дополнительных, в том числе и методологических, уточнений в теоретическую конструкцию онтологической концепции восприятия.

Что же ограничивает возможности психологов в изучении процесса порождения перцептивного образа? Каким образом исследовать особенности (принципы, закономер-

ности) порождения? Как описать то, что приводит к порождению, – порождающее? Так как порождение происходит в «глубинных процессах в сущем» (по Рубинштейну), то для ответа на эти вопросы, очевидно, необходимо составить представление об этом сущем, о бытии, точнее, о бытии как вещи для себя.

Согласно философским воззрениям С.Л. Рубинштейна, «бытие», как термин, «пытается определить нечто по тому, что оно *есть* (выделено нами – Р.Н.), но при этом неизвестным остается, *что* оно есть (выделено нами – Р.Н.)» [Рубинштейн, 2012, с. 84]. Если продолжить эту мысль, то можно сказать, что нечто в бытии наполняется содержанием лишь после появления субъекта, и тогда вещь для себя становится вещью для нас, как объект познания (в частном случае – как объект восприятия): «Для сознания субъекта бытие всегда выступает как противостоящая ему объективная реальность» (там же). Таким образом, С.Л. Рубинштейн различает понятия объекта и бытия, объективной реальности и бытия и выступает против их отождествления, потому что такое отождествление приводит к субъективному идеализму, отрицающему существование независимого от человека бытия. «Сознание – пишет С.Л. Рубинштейн – невозможно без отношения к бытию как объективной реальности, однако бытие, мир может существовать и не становясь объектом для субъекта, для его сознания, может существовать и не выступая в этом качестве» (там же). Итак, в бытии нет объектов, пока нет субъекта, но в нем есть независимое от субъекта нечто, которое неизвестно, *что* оно есть. Под объектом или объективной реальностью подразумевается уже отраженная, воспринятая реальность, находящаяся в процессе познания: «Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект вступает в связь с вещью, и она выступает в процес-

се познания и действия как вещь для нас» (там же, с. 85). Следовательно, подчеркнем еще раз, С.Л. Рубинштейн различает независимо от субъекта существующее бытие, вещь, нечто, существование которого не в состоянии определить его сущности – с одной стороны, и переход этого нечто, через субъект, в объект, в объективную реальность – с другой.

Такое определение объективной реальности, включающее в себя переход от бытия, как вещи в себе, к бытию, как вещи для нас, по мнению Рубинштейна, с необходимостью поднимает вопросы о соотношении трансцендентного и имманентного, имплицитного и эксплицитного.

При рассмотрении соотношения имплицитного и эксплицитного С.Л. Рубинштейн основывается на том, что исходной предпосылкой марксистской философии является независимое от познания существование познаваемого бытия. Причем, основным инструментом, посредством которого она, эта предпосылка, реализуется – это понятие трансцендентного, как имплицитно данного [Рубинштейн, 1976, с. 320-321]. С.Л. Рубинштейн рассматривает два понятия трансцендентного: «1) трансцендентное как обособленное сущее, отделенное hiatus-ом (зиянием), такое, к которому нет путей от имманентного, 2) трансцендентное как выходящее за пределы того, чем оно задается, – выход объекта мысли за пределы мысли об объекте» (там же, с. 321). В процессе познания имманентное и трансцендентное неразрывно связаны между собой, и, в то же время, при решении проблемы соотношения явления и сущности, они выступают в виде соотношения непосредственно познаваемого (данного) и познаваемого опосредствованно, через непосредственно данное выявляемого (там же, с. 322). Процесс познания, согласно Рубинштейну, начинается с эксплицитно данных познания, которые влекут за собой «как имплицитное, содержание объекта (сущего)» (там же).

Могут ли приведенные выше особенности познания помочь нам в понимании психического процесса порождения, который так же относится к области трансцендентного?

Следует отметить, что при переходе от философских рассуждений Рубинштейна о взаимоотношениях бытия и сознания, человека и мира к решению конкретно психологических проблем, необходимо проявить определенную осторожность. Она обусловлена тем, что при разработке вопросов решения человеком онтологических и гносеологических проблем, Рубинштейн рассуждает о познании в целом, без особого выделения особенностей познания психического, как порождающего процесса, превращающего бытие в объективную реальность для субъекта, а большей частью рассматривает психическое как способ отражения, действительности и ее познания через продукты процессов непосредственно-чувственного отражения, восприятия, мышления и т.д. Методологической основой для привнесения продуктного образа мышления в психологию является продуктный подход, характерный для гносеологии марксистской философии, рассматривающей познание как отношение между субъектом (с уже принадлежащей ему психикой) и существующим независимо от него бытием. Однако, продуктный подход, возможно, адекватный для решения задач материалистической философии, оказался ограничивающим фактором при решении фундаментальных проблем психологии, касающихся вопросов порождения психических явлений, например, перцептивного образа.

Ограниченность продуктного подхода в психологии впервые с разных сторон была исследована в докторской диссертации А.И. Миракяна [Миракян, 1995]. В этой работе было показано, что независимо от науки, изучающей закономерности психического отражения – философии, психологии, психофизиологии, кибернетики – эти законо-

мерности изучались через продукты завершеного процесса отражения и выражались через те логические отношения между ними, которые характерны для данной науки и эмпирического образа мышления исследователя, но не самого процесса порождения. Но самое главное, что характеризует продуктивный подход - это то, что исследователи не замечали, что при исследовании процесса отражения какого-либо свойства объекта (величина, форма, скорость и т.д., а в общем случае, если сюда же включить внешние и внутренние условия, то – объект-ситуация онтологической концепции восприятия) в качестве исходных данных брались эти же, уже отраженные, свойства объекта, что не позволяло затем проникнуть в процесс их порождения.

Трансцендентность порождающего процесса восприятия не вызывает сомнений – он непосредственно не представлен в нашем чувственном опыте, но как тогда представить эту трансцендентность и что из этого следует? Вновь обращаясь к философской концепции Рубинштейна, отметим, что трансцендентность порождающего процесса может быть понята в двух вышеприведенных смыслах одновременно. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, процесс порождения, оставаясь трансцендентным, задается перцептивным образом (если есть образ, то должен быть и процесс, к нему приводящий), с другой стороны, процесс порождения, являясь трансцендентным по отношению к действительности эксплицитно данных – перцептивного образа, предпосылок и детерминант процесса – не может быть изучен посредством этих же продуктов восприятия и таким образом остается непознаваемым. То есть, то, чем задается трансцендентное, оно же, как уже воспринятое чувственно данное, ограничивает возможности его познания. Поэтому необходимо признать уникальность психического процесса порождения, как объекта познания, среди прочих

объектов познания, особенно тех, которые материальны. Об этой уникальности Г.В. Шукова пишет, как об «абсолютной особости экспликации психики в качестве объекта исследования». И далее уточняет: «Если психика есть форма материальности, потенциально существующая вне ее опредмеченности, то она никак не может исследоваться только на уровне своей атрибутивности – как свойство человека, как непосредственно данная в виде образа, процесса, явления и т.п. психическая реальность» [Шукова, 2013, с. 111]. Эволюция подготовляла человека для функционирования в материальной среде. Поэтому все познавательные способности человека приспособлены для отражения материальных вещей и отношений между ними, по причине чего у человека формируется эмпирический образ мышления, предназначенный для «работы», в первую очередь, с перцептивными образами этих вещей или с понятиями им соответствующими, то есть с продуктами психического отражения, но не с процессом их порождающим.

Выбирая в качестве предмета познания или исследования психический процесс отражения, а точнее – психический процесс порождения, тем самым мы создаем парадокс, который состоит в том, что для исследования порождающего процесса ученый должен «иметь» как эксплицитно данное перцептивный образ порождающего процесса. И тут мы приходим к противоречию, потому что процесс не может воссоздать себя в форме перцептивного образа, поскольку изначально он предназначен для преобразования другого, внешнего, находящегося за его пределами, взаимодействующего с ним. Порождающий процесс не может воздействовать сам на себя, а потому воспроизвести, выявить и познать самого себя - он предназначен для выявления и познания «другого». Поэтому порождающий процесс не может быть вновь порожденным в качестве перцептивного

образа самого себя, не может быть явлением, феноменом восприятия, предметом эмпирического (непосредственного) исследования, потому что научный путь исследования от явления к сущности в этом случае прерывается. Мы не можем говорить ни о явлении, ни о сущности порождающего процесса, а можем говорить лишь о его существовании. Поэтому полиредукционистский подход к изучению психического, также основанный на продуктном подходе, будет эффективен лишь в практике, потому что этот подход выявляет и учитывает многообразие всевозможных *условий существования* того, данного лишь имплицитно, что обозначено как «психическое», но не в состоянии определить концепт и исследовать само психическое, как нечто, имплицитно существующее в бытии, независимо от эксплицитно данных условий существования.

Таким образом, перцептивный образ – это не явление порождающего процесса, а это «явление» того трансцендентного и имплицитного нечего, которое существует в независимом от человека бытии, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта. Перцептивный образ – это свидетельство существования порождающего процесса: «Существование, бытие сущего, – пишет Рубинштейн, – заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и ... скрываться» [Рубинштейн, 1976, с. 305].

Исследование процесса порождения через психическое, через рефлексированные продукты психической деятельности не может привести к его пониманию. И, оказывается, что никакой редукцией к какой-либо научной области знания невозможно объяснить процесс порождения психического. Остается сделать вывод, что о порождении мы не можем говорить, как о явлении, что «процесс порождения психического» или, в частном случае, «процесс порождения перцептивного образа» это – *априорное понятие*, сте-

реотип нашего мышления. Ведь из опыта нам известно: то, что непосредственно дано – рождается, развивается и умирает, переходя в новое качество. А, в случае перцептивного образа, если полагать, что он каким-то образом «получается», то это рождение с научной точки зрения представляется как процесс, а не как внезапное появление образа (но, может быть, и этот вариант достоин внимания ученого?). Если под понятием «психический процесс» подразумевать не последовательность или череду отдельно зафиксированных психических актов, а нечто непрерывно протекающее внутри этих актов и в промежутках между ними и, следовательно, обозначающее сверхчувственное, сверхопытное, то для исследования такого процесса потребуется применение априорных понятий.

А вся совокупность этих особенностей порождающего процесса восприятия – трансцендентность, сверхчувственность, невозможность непосредственного эмпирического исследования, необходимость применения априорных понятий – указывает на необходимость обращения к новому для современной психологии («хорошо» забытому старому) метафизическому методу, как возможному способу исследования закономерностей именно такой, «запредельной», реальности, такого уровня имплицитного бытия, которая содержит в себе возможности порождения всего сущего и психического отражения, осуществляющегося, в том числе, как порождающий процесс.

Тем не менее, речь идет не об идеализме, к которому причислял метафизику С.Л. Рубинштейн, чем и было обусловлено его отрицательное к ней отношение. Ход рассуждений Рубинштейна такой: понятие, которое раньше обозначало некоторую определенность, вещь, имело двойное значение – как существование, в качестве субъекта, и сущность, в качестве предиката. Но с осознанием понятия как идеи (Со-

крат), и с «отрывом» понятия от вещи, как самостоятельно существующей идеи, понятие превратилось в субъект, а обозначенное им существование вещи, в предикат. «С этого ведет свое начало идеализм, – пишет Рубинштейн, – и вместе с тем эволюция онтологических понятий, приводящая в тупик, в который уперлась затем метафизика. С этого начинается и оформляется противоположность материализма и идеализма» [Рубинштейн, 1976, с. 294]. Но так ли это?

Сомнения по этому поводу возникают уже потому, что, анализируя философию наивного материализма древнегреческих атомистов (Левкипп, Демокрит), С.Н. Трубецкой убедительно показывает, что она целиком построена на метафизических предпосылках [Трубецкой, 2003, с. 322-328]. И, отсюда можно сделать вывод, что метафизика имеет отношение не только к идеализму, но и к материализму, к тем предполагаемым первоосновам бытия (атомы и их свойства), из которых затем строится материалистическая и, в частности, научная картина мира. То есть метафизика характеризует не направление в философии, а образ мышления о бытии в целом, предмет которого может относиться как к материализму, так и к идеализму (бытие, материя, атомы, Бог, понятие, душа и т.д.). В подтверждение того, что метафизика относится и к материализму, можно сослаться на физику Ньютона, которая признана как олицетворение научно-материалистического подхода к изучению природы. И, действительно, оказывается, что многие ее основополагающие, фундаментальные понятия – абсолютное пространство, абсолютное время, инерция, сила, энергия, электричество – являются метафизическими сущностями, непосредственное изучение которых не представляется возможным, хотя и предполагается их имплицитное существование как особенностей реальности или событий, существующих в ней [Захаров, 1999].

Важный вклад в понимание сущности познавательных возможностей метафизики, как это ни удивительно, делает основатель научной (экспериментальной) психологии В. Вундт. В своей философской работе «Метафизика» В. Вундт в истории философии выделяет три стадии развития метафизики, характеризующие разные формы метафизического мышления – поэтико-мифологическую, диалектическую и критическую. Но, кроме этого, Вундт показывает метафизику с неожиданной для философов стороны, определив ее психологически – как «неискоренимый умозрительный инстинкт человеческого духа» [Вундт, 2006]. Для доказательства этого положения Вундт применяет оригинальный метод анализа мировоззренческих концепций трех естествоиспытателей – Э. Геккеля, В. Оствальда и Э. Маха, которые, несмотря на то, что относили себя к убежденным антиметафизикам, но, все равно, не смогли избежать применения метафизических предпосылок, положенных в основание их представлений о мире и его познании. Это положение Вундта свидетельствует о том, что в каждом человеке, независимо от его мировоззрения, живет метафизик, который особенно часто пробуждается в те моменты, когда человеку приходится сталкиваться с желанием или необходимостью выхода в непроявленный мир первопричин сущности явлений; но каждый делает это по-своему, по своему разумению, в контексте своей методологии познания и исследования того мира, который еще предстоит сделать «своим».

В разделе 2.1. мы подробно обсудили отношение психологии к метафизике и показали истоки возникновения отрицательного отношения к метафизике, которое было связано с изменением в 20-х годах прошлого столетия философско-методологического базиса психологии с антипозитивистски метафизического (не отрицающего, однако, эмпирию), развиваемого русскими философами и психологами, на марк-

систский исторический материализм. Как следствие этого, постепенно была утрачена традиция и культура метафизического образа мышления – слово «метафизика» стало запретным, а потом и ненужным словом в советской и постсоветской психологии.

Однако онтология – учение о бытии – не была запретным словом, так как вместе с гносеологией составляла часть марксистской философии. А так как метафизика и онтология – близкие по смыслу понятия, то метафизика была полностью заменена онтологией, но такой, в которой не использовались эмпирически недоказуемые предположения и гипотезы о трансцендентных первопричинах порождения явлений и о соответствующем устройстве мира, скрытого за этими явлениями. Очевидно, это была другая, не метафизическая, онтология.

Учение о бытии (в современном понимании – онтология) в явной своей форме было представлено в «первой философии» Аристотеля, то есть была частью метафизики. Другими словами, по Аристотелю, метафизика («первая философия») была способом рассуждения о «бытии в возможности» и не была предназначена для познания «бытия в действительности», которая изучалась физикой и другими науками. То есть областью познания метафизики было умозрительное постижение первопричин и начал всего (бытия, бога, души, движения и т.д.), которые были сверхчувственны и находились «по ту сторону физики». Поэтому онтологию называли еще и метафизикой бытия, но под бытием подразумевалось не наличное бытие, а «бытие в возможности» или, используя терминологию С.Л. Рубинштейна, бытие, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта.

Исчезновение метафизики с горизонта психологической науки было следствием принятия, понимания и определения

бытия как существующей независимо от субъекта *познаваемой* реальности, познание которой направлено от эксплицитно данного имманентного к трансцендентному. При таком определении бытия и его познания метафизика теряет свое значение, потому что она предназначена для познания того трансцендентного, которое задается имманентным, но не определяется им. А онтология в этом случае меняет свой смысл, превращаясь в учение об универсальных закономерностях всей той действительности, которая окружает человека, которую можно наблюдать и подвергнуть количественному и качественному анализу. Именно такое понимание онтологии и онтологического подхода используется в современной психологии. Но в таком понимании нет ничего метафизического, и поэтому такой способ познания входит в противоречие с возможностями исследования предмета нашего анализа – порождающего процесса восприятия, потому что, как выше было показано, психический порождающий процесс не может быть исследован (по крайней мере, в настоящее время) научными методами, то есть от эксплицитно данных в восприятии к имплицитным и трансцендентным возможностям их порождения.

Отчуждение от метафизики в современной психологии настолько сильно, что от нее отказываются, заменяя ее онтологией, даже тогда, когда в ее применении есть прямая необходимость. Так, например, Ш.Р. Хисамбеев, проводя историко-психологический анализ «Монадологии» Лейбница, называет ее «онтологической концепцией» [Хисамбеев, 2013]. Это уже настораживает, потому что Лейбниц о своей «Монадологии» никогда не говорил, как об онтологической концепции. Вместо этого Лейбниц много писал о метафизике и принимал ее как особый метод познания, и его «Монадология» была ярким примером применения метафизического подхода к пониманию устройства и организации бытия. Авторы од-

ного из учебников философии пишут: «Г.В. Лейбниц развивает плюралистическое учение о множественности субстанций, лежащих в основе мира. Это особые духовные единицы, или точки, они просты, лишены частей, непространственны. Лейбниц называет их «монады», а свою метафизику – монадологией» (там же, с. 154). Метафизика включает в себя онтологию (Лейбниц), но не всякая онтология возникает из метафизики (Барабанщиков). Поэтому формальное совпадение двух названий – «онтологическая концепция Лейбница» и «онтологическая концепция восприятия» – может вызвать ошибочное представление о тождественности философско-методологических оснований этих двух онтологических концепций. Однако это совершенно разные онтологические концепции, относящиеся к разным уровням бытия: к «бытию в возможности» (Лейбниц) и к «бытию в действительности» (Барабанщиков).

Как видим, в данном случае - в статье Ш.Р. Хисамбева - метафизика замещается онтологией и опять выпадает из пространства методологических понятий современной психологии. Но это приводит к тому, что мышление исследователей, осознанно или не осознанно, остается ориентированным лишь на «бытии в действительности», и они продолжают свои поиски решения проблем порождающего процесса восприятия не там, где было «потеряно» – имплицитная область трансцендентного «бытия в возможности», – а там, где светло и знакомо.

Есть основания полагать, что метафизический подход, на сегодняшний день, является одним из возможных подходов к изучению порождающего процесса восприятия, который может быть совмещен с научным методом (подобно тому, как это произошло и продолжает происходить с физикой).

Доказательство выдвинутого нами предположения было представлено намного раньше в трансцендентальной психо-

логии восприятия [Миракян, 1987, 1995]. В разделе 1.4 нами было показано, что автором этой концепции восприятия, московским психологом А.И. Миракяном, был использован именно метафизический подход к изучению порождающего процесса восприятия, несмотря на то, что сам А.И. Миракян не использовал термин «метафизика», называя свой подход афизикальным, потому что в сообществе психологов и философов того времени было принято мнение, что метафизика и материализм - это противоположные по смыслу понятия. (Заметим, что из-за этого противопоставления мало кто воспринимает Демокрита как метафизика, хотя, на самом деле, он метафизик-материалист, а Лейбниц – метафизик-идеалист, потому что его монады к тому же наделены душой. Тем не менее, оба философа были метафизиками, потому что давали картину бытия – онтологию – как «бытие в возможности»). Поэтому наиболее приемлемым для А.И. Миракяна термином, обозначающим принципиально новую концепцию восприятия, претендующую на статус новой парадигмы в психологии (сравнительный анализ современных парадигм восприятия проведен в цитируемой работе Г.В. Шуковой), оказалось понятие «трансцендентальное», которым указывается область существования объекта познания, но не точно определяется метод его исследования, так как трансцендентное можно исследовать как метафизическими, так и научными методами. Первый путь познания – это путь от глубин мироздания, с заложенными в них возможностями порождения, от картины мира, каков он есть до человека, к его восприятию, от общего и целостного к порождению явления, тому единичному и конкретному, данному в восприятии человека; в этом случае направление движения мысли исследователя совпадает с направлением развития эволюции и генеза процесса восприятия. Второй, научный, путь познания неизвестного и трансцендентного

начинается с конкретного объекта познания и условий его существования, данных сознанию как продукты восприятия, и направлено в сторону более глубоких уровней бытия. Однако этот путь предназначен для исследования всех тех событий, которые существуют в мире и могут быть отражены в виде перцептивных образов, кроме психического порождающего процесса, который сам по себе, непосредственно не может быть представлен нашему сознанию в виде эксплицитно данного перцептивного образа; научными методами можно исследовать только осознаваемые продукты психической деятельности и все многообразие взаимоотношений между ними.

Осознание всего вышесказанного и побудило А.И. Миракяна к решению метафизической задачи, а именно к описанию такого устройства бытия, которое заключало бы в себе возможности порождения нового. Интересно отметить, что при решении этой задачи А.И. Миракян не идет по пути субстанционального способа описания бытия по образцу Демокрита или Лейбница, и в качестве фундаментальной особенности реальности принимает не существование в ней материальных форм, а спонтанную возможность образования отношений между ними. Материальные формы бытия в концепции Миракяна совершенно безликие и эта характеристика сущего употребляется им вполне осознанно, потому что придание материальным формам каких-либо свойств, как это мы видим в случае атомов Демокрита и монад Лейбница, означало бы привнесение продуктного подхода в метафизическую конструкцию онтологической концепции. Чтобы избежать кажущейся игры слов, поясним это соотношение между метафизикой и онтологией на примере соотношения формы и содержания мышления: в онтологических концепциях, относящихся к «бытию в возможности», метафизика – это форма мышления о трансцендентном, а

онтология – его содержание. Таким образом, хотим еще раз подчеркнуть, что трансцендентальная психология А.И. Миракяна это метафизическая по форме и онтологическая по содержанию концепция восприятия. Поэтому мы солидарны с предложением В.И. Панова о том, что онтологии, относящиеся к «бытию в действительности», развиваемые, как указывает В.И. Панов, например, в концепциях В.А. Барабанщикова и Ж. Пиаже, обозначить как «эпистемологическая онтология» [Панов, 1996]. Поэтому можно различать метафизическую онтологию Миракяна и эпистемологическую онтологию Барабанщикова.

Поскольку категория отношения становится центральной в образе мышления Миракяна, то его концепция порождающей реальности оказывается построенной, в основном, на «процессуальных» понятиях, характеризующих возможность или не возможность образования отношений. Это позволило Миракяну освободиться от продуктных оснований анализа, приводящих в тупик при поиске принципов порождающего процесса восприятия в гносеологической парадигме. Такими основополагающими априорными понятиями в трансцендентальной психологии восприятия являются понятия самодвижения, самосохранения, саморазрушения, отношения единости и различия, гомогенности, анизотропности, дискретизации, фиксации и т.д. Используя эти понятия, А.И. Миракян формулирует гипотетические принципы порождающего процесса, как существующие в бытии саморазвивающиеся тенденции. Следы этих тенденций должны проявляться и проявляются в «бытии в действительности», например, в структурно-процессуальной анизотропности органов восприятия живых существ и парно-симметричной организации их тел. А это уже дает возможность экспериментальной проверки изначально принятых метафизических предположений, чем и обеспечива-

ется переход от метафизических рассуждений к научным эмпирическим исследованиям.

Таким образом, за пределами наличного бытия существует другое, более глубокое, бытие, обозначенное как «бытие в возможности» (Аристотель), бытие, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта (Рубинштейн), бытие «в себе» (Барабанщиков), ничто или реальность отсутствующего (Миракян) - этот тезис принимается многими психологами. Далее, из этого следует, что существуют разные уровни бытия, которым соответствуют разные онтологии и описывающие их «языки». Это важный момент в исследовании порождающего процесса восприятия, так как возникают вопросы: на каком уровне бытия следует искать принципы порождающего процесса восприятия, на какую онтологию опираться, и, если это окажется более глубокий уровень бытия (Рубинштейн, Миракян), то какой метод окажется возможным и адекватным для создания онтологии этого уровня бытия? Для Барабанщикова, насколько нам известно, такой дилеммы не существовало. Хотя он и критиковал продуктивный подход и отмечал ограниченность его возможностей, но, тем не менее, в своих теоретических рассуждениях опирается на онтологию наличного бытия, то есть, как показал анализ В.И. Панова, на совокупность уже отраженных внешних и внутренних условий восприятия [Панов, 1996].

Трансцендентальная психология восприятия, предложенная А.И. Миракяном, раскрывающая возможности порождения психического на более глубоком уровне бытия, является прелюдией к новой философии и методологии психологии, построенной не на фундаменте психических феноменов и психологических метафор, а на онтологии глубинных уровней природы. А, как видно из данных современной философии науки, именно это и характерно для становления и развития естественной науки.

2.4. Эмпирическая психология и метафизика

Выше были показаны значение и роль метафизических идей в психологии. Главный итог этих исследований состоит в том, что несмотря на то, что метафизика в современной психологии не является предметом методологических обсуждений и, тем более, не воспринимается большинством психологов как средство методологического анализа, метафизика не чужда психологии и способна дать новые эвристические импульсы для углубления и расширения взгляда на природу психики.

Однако принципиально важным становится вопрос о соотношении метафизического и эмпирического в психологической науке, потому что они, на первый взгляд, кажутся несовместимыми.

В философии относительно наук о природе этот вопрос И. Кантом был решен следующим образом. Рациональное учение о природе, согласно И. Канту, может называться наукой лишь в том случае, если законы, лежащие в основе природы, познаются а priori и не представляют собой лишь эмпирические законы. Поэтому различаются две разновидности познания природы: познание природы первого рода – чистое познание, второго рода – прикладное познание разумом. А так как наука предполагает понятие о законах, то есть необходимой совокупности всех форм существования определений вещи (что невозможно получить эмпирическим путем), то наука может называться таковой лишь благодаря чистой своей части, включающей в себя априорные принципы всех прочих объяснений природы.

Для дальнейшего нашего анализа важно также мнение И. Канта о методологической важности выделения чистой, метафизической, части науки: «Всякая наука о природе в собственном смысле нуждается, следовательно, в чистой

части, чтобы на ней могла основываться аподиктическая достоверность, которую ищет в науке разум; и так как в этой части принципы совершенно иного рода, чем чисто эмпирические, то будет также чрезвычайно полезно, более того, по существу дела в методологическом отношении совершенно обязательно излагать эту часть отдельно, вовсе не вдаваясь в другую, и притом по возможности излагать во всей ее полноте, дабы можно было совершенно точно определить, что же разум способен дать сам по себе и где способность его начинает нуждаться в помощи эмпирических принципов. Чистое познание разумом из одних лишь понятий называется чистой философией или метафизикой» [Кант, 1966, с.56]. Здесь И. Кант явно указывает, во-первых, на то, что метафизические принципы совершенно иного рода, чем эмпирические закономерности, что требует дальнейшей конкретизации, во-вторых, невозможно метафизическими принципами решать эмпирические задачи, и, в третьих, Кант указывает на необходимость обращения к эмпирическим принципам в случае неполноты метафизических рассуждений. А это означает, что не только выбором метафизических оснований определяется организация будущих эмпирических исследований (выбор методологии, предмета, метода и т.д.), но, в свою очередь, эмпирические данные, расширяющие возможности нашего мышления, могут служить предпосылкой для «коррекции» и дополнения этих же метафизических оснований науки. А так как изменение метафизических оснований науки может привести к формированию новой картины мира, то, согласно современной терминологии, это означает переход к формированию новой научной парадигмы.

В современной психологии вопрос о соотношении метафизического и эмпирического в психологии подробно исследован в работах известного психолога Л.Я. Дорфмана,

поэтому наш дальнейший анализ основан на результатах исследований этого автора.

В ряде своих работ Л.Я. Дорфман делает попытку осмыслить достижения эмпирической психологии «как пути познания в *методологическом* смысле», обозначить роль и место мышления в ней, а также показать возможность и необходимость введения эмпирической психологии в самостоятельную область психологии. При этом особое внимание Л.Я. Дорфман обращает на «многовековые оппозиции эмпирического и априорного знания в контексте философской эпистемологии» [Дорфман, 2008, с. 8], которые в современной психологии привели к оппозиции эмпирической и априорной психологий.

Одним из проводников априорного знания (кроме рационализма, иррационализма, эссенциализма и т.д.) является метафизика, определяемая Л.Я. Дорфманом как «учение о сверхчувственных основах и принципах бытия, предельной реальности, сущностях и первых принципах, универсалиях» (там же, с. 8). В силу особенностей априорного знания метафизическое знание является необходимым, универсальным и определенным.

В соответствии с особенностями проявлений априорного и эмпирического знания в психологии, Л.Я. Дорфман различает априорную и эмпирическую психологию [Дорфман, 2003, 2008], понимая под априорной психологией теоретическую психологию, которая по своему характеру рационалистическая и, в то же время, метафизическая. Она «ориентируется на те или иные философские картины мира, опирается на законы логики и претендует на познание предельной реальности в тех или иных аспектах» [Дорфман, 2008, с. 15-16].

В отличие от априорной психологии, эмпирическая психология претендует на познание лишь фрагмента реальности,

доступного внешнему и внутреннему чувственному опыту. Вместе с тем, Л.Я. Дорфман отмечает, что эмпирическая психология является рационалистической, так как «оперирует мышлением, применяет процедуры рассуждения, ... ориентируется на теории и создает теории, ... производит обобщения и пользуется абстракциями» (там же, с. 16). То есть априорные понятия могут быть использованы и в эмпирической психологии, например, как результаты обобщений и абстракций, имеющих отношение к эмпирическому материалу. Поэтому основанные на подобных обобщениях теоретические знания нельзя назвать метафизическими. Все зависит от задачи, решаемой исследователем: если его мышление направлено на определение особенностей предельной реальности или первых принципов, только в этих случаях полученное априорное знание можно отнести к метафизике. То есть априорность сама по себе не может служить водоразделом, линией демаркации, между метафизикой и эмпирической психологией. М.К. Мамардашвили приводит наглядный пример разграничения метафизических и научных (эмпирических) понятий. Он указывает на то, что, например, прямолинейность распространения света может быть подтверждена экспериментально, то есть прямолинейность распространения света не была принята априори и поэтому не есть метафизическое качество природы. Но, когда на этом основании исследователь делает вывод о том, что у луча света нет причин отклониться в какую-либо сторону, потому что пространство однородно и изотропно, то в этом случае исследователь делает метафизическое заключение об онтологии бытия [Мамардашвили, 1996], о симметричности мира в целом, что, конечно, не подлежит верификации или фальсификации (поэтому можно полагать, что в античной философии симметрия первоначально играла роль метафизического принципа устройства бытия, природы)

Вся классическая физика И. Ньютона основана на метафизических предпосылках – абсолютном пространстве, абсолютном времени, инерции, силе, причинности и т.д. Необходимо отметить, что выбор И. Ньютоном этих предпосылок не был осознанным. Эти предпосылки соответствовали особенностям мировосприятия его времени и составляли основу классической, как мы теперь называем, ньютоново-картезианской парадигмы. В то же время, выбор метафизических предпосылок науки может быть и вполне осознанным. В качестве примера можно привести работу современного физика, профессора МГУ, Ю.С. Владимирова, который здание всей теоретической физики построил на специально выбранных метафизических предпосылках [Владимиров, 2009]. А чтобы подчеркнуть особую значимость этих предпосылок для физики, свой капитальный труд он назвал не курсом теоретической физики, а – «Метафизика».

Л.Я. Дорфман указывает на три вида различий между эмпирическими и априорными (метафизическими) теориями. Во-первых, они расходятся по предмету своих исследований, то есть «в то время как метафизические теории пытаются объяснить сущности (за пределами явлений), эмпирические теории пытаются объяснить явления (в поисках сущности в них)» [Дорфман, 2008, с. 22]. Во-вторых, метафизические теории являются более абстрактными и менее конкретными, чем эмпирические теории. И, в-третьих, по аналогии с эмпирическими и теоретическими понятиями, Л.Я. Дорфман полагает, что эмпирические теории имеют более конкретное (богатое) содержание и меньший объем, чем априорные (метафизические) теории (там же).

Вопрос о характере границы между эмпиризмом и априоризмом приводит Л.Я. Дорфмана к необходимости описания ряда версий эмпиризма, отличающихся разными степенями наличия в них априорных идей – абсолютно-

го, субстантного и неполного [Дорфман, 2008, с. 17]. Для нас особый интерес представляет версия неполного эмпиризма. В этом случае, как указывает Л.Я. Дорфман, «есть информативные предложения о реальности, которые в то же время не являются эмпирическими. Положения трансцендентной, или кантианской, метафизики, общие научные принципы сохранения и каузальности... являются априорными. Они устанавливаются исключительно в результате рассуждений без обращения к опыту. Тем не менее, остается большое количество собственно эмпирических понятий, предложений, теорий, которые образуют отдельную и самостоятельную область исследований и отличаются от априорных идей» (там же, с. 18). То есть, согласно этой версии, эмпирическое исследование может содержать и вполне определенную априорную (метафизическую) часть. Это согласуется не только с определением науки о природе, предложенным И. Кантом, но и с появившимися во второй половине XX века данными философии науки о соотношении метафизики и науки. Так, например, сказанное о версии неполного эмпиризма созвучно с мнением философа М. Вартофского (о чем ранее говорилось в разделе 1.2). Как правило, метафизические рассуждения и предпосылки относятся к фундаментальной части науки и представляются в виде имплицитных или полужексплицитных постулатов. Психология как наука не может избежать этого в силу того, что привнесение метафизических идей на начальном этапе становления и развития науки является следствием проявления особенности образа мышления ученого, осознанно или не осознанно исходящего из определенной картины мира, истинность которой не требует доказательств и принимается априори.

В психологической науке глубокий анализ основополагающих постулатов разных систем психологии был прове-

ден Н. Смитом (2003), причем большинство этих постулатов, были выведены автором логическим путем при анализе системы психологического знания конкретного психолога. Совокупность постулатов, лежащих в основании какой-либо из систем психологии, Н. Смит разделил на три категории: протопостулаты – общие руководящие положения, относящиеся к науке в целом; метапостулаты – поддерживающие допущения для конкретной науки, одной из систем психологии; постулаты – допущения, касающиеся предмета исследования. Ниже приведем выборку постулатов (разных категорий) из множества, выделенных Н. Смитом, которые, по нашему мнению, имеют наиболее выраженный метафизический характер.

В этом контексте, например, в когнитивной психологии, согласно Н. Смицу, можно выделить следующие имплицитные постулаты: *метапостулаты* – «биологическое предполагает дуалистическую роль биологических функций и психологических функций», здесь же – «психологические события обусловлены функционированием отдельных биологических тканей и не требуют участия всего организма»; *постулат* – «опыт есть результат деятельности души (mind) конкретного человека. *Следствие*: душа (mind) есть причина самой себя (selfcausative)»; «причина линейна: входные сигналы обрабатываются в последовательности операций кодирования, сохранения и реконструкции» [Смит, 2003, с. 348]. Полуэксплицитные постулаты в психоанализе: *протопостулат* – «реальность образуют не только физические, химические и биологические события, но и смыслы вещей (thethemaining softthings) для людей («психическая реальность»)»; *метапостулат* – «люди сознательно реализуют право выбора и тем самым определяют собственную судьбу»; *постулат* – «эротические и агрессивные действия и конфликты свойственны исключительно детству

и влияют на последующее поведение» (там же, с. 351). Им-плицитные постулаты феноменологической психологии: *протопостулат* – «природа не представляет собой тотальной взаимозависимости всего, при которой не существует никаких различий; в то же время она не складывается из изолированных процессов. Природа состоит из структур, включенных в непрерывные отношения, являющиеся свойствами целостностей»; *метапостулат* – «наряду с физическими характеристиками мир обладает смыслами. Именно эти смыслы представляют главный интерес для психологии» (там же, с. 355).

Приведенные выше постулаты демонстрируют факт того, что созданию психологической теории или организации эксперимента и интерпретации ее результатов предшествует, как и в физике, осознанное или неосознанное принятие исследователем определенных метафизических постулатов.

В истории психологии можно выделить также концепции, которые первоначально были метафизическими. К таким теориям можно отнести, к примеру, психоанализ. Однако со временем многие положения психоанализа получили свое эмпирическое подтверждение. «В частности, подтверждены (а) существование бессознательных когнитивных, аффективных и мотивационных процессов, (б) амбивалентность аффективной и мотивационной динамики и их функционирование в параллельном режиме, (в) происхождение многих личностных и социальных диспозиций в детстве, (г) ментальные репрезентации «Я» и «Других» и их взаимоотношений, (д) динамика развития» (цитата по: Дорфман, 2003, с. 46). В этом же контексте Л.Я. Дорфман указывает и на гуманистическую психологию А. Маслоу, которая также подвергалась резкой критике за ее априорность и метафизичность. Но в конце прошлого столетия

появляется новое течение в эмпирической психологии – позитивная психология – наука о позитивном субъективном опыте, позитивных индивидуальных чертах и позитивных нововведениях. В результате такие феномены как надежда, здравый смысл, креативность, духовность, ответственность и другие позитивные феномены стали предметом изучения эмпирической психологии (там же). Поэтому как психоанализ, так и гуманистическая психология, сохранив свои базовые метафизические положения, «приобрели» эмпирическую составляющую, что позволяет причислить их к группе «нормальных» наук.

Примерно такова же была судьба концепции метаиндивидуального мира Л.Я. Дорфмана (1993), которая, по утверждению самого автора, первоначально была «явно метафизической». Метафизическим было само понятие «метаиндивидуального мира», потому что оно включает в себя все то, что конкретная индивидуальность считает своим: других субъектов, «вещи и предметы; дом, двор, улицу; места работы и досуга, домашних животных и растения, объекты неживой природы, произведения искусства и массовую культуру» и т.д. [Дорфман, 1993, с. 67]. Ясно, что приведенный выше список можно увеличить до бесконечности. Это – одна из причин «неуловимости» мира индивидуальности. Двумя другими причинами являются: а) то, что проблема мира индивидуальности не укладывается в рамки социальной психологии, психологии среды, психологии деятельности, психологии личности, дифференциальной психологии, психологии собственно индивидуальности и других областей психологии; и б) потому что при попытке изучения метаиндивидуального мира «всякий раз он как бы наряжает на себя чужие одежды, скрывая свою собственную сущность и особенности своего существования» (там же). Перечисленные аспекты метаиндивидуального мира

и указывают на его априорный (теоретический) метафизический характер, на невозможность его непосредственного экспериментального исследования, как психического явления, в своей целостности.

На метафизичность психики в имплицитной форме указывает и В.А. Мазиллов, рассуждая о предмете психологии: «В истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправдано редуционистское сведение психе к ее конкретному проявлению. Действительно, психе может проявиться и в самосознании, и в поведении... Ликов у психе много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это правильно – психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природа и сущность?» [Мазиллов, 1998, с. 66]. В.А. Мазиллов явно указывает на три качества психики: во-первых, в акте исследования ученый всегда имеет дело с одним из многочисленных ликов психики, во-вторых, психика обладает потенциальными возможностями проявляться в бесконечном многообразии ликов и, в-третьих, проявления психики не совпадают с сущностью самой психики. Хотя автор утверждает, что он всего лишь ставит «риторические» вопросы, однако уже сама постановка этих вопросов имеет важное методологическое значение, так как указывает на пределы научной психологии, требующие для их преодоления новых методологических подходов к исследованию психики и определению предмета психологии.

Такова и методологическая позиция, которую занимает В.И. Панов, также ищущий пути изучения психики для объяснения с единых методологических позиций причин проявлений разных психических феноменов. «Надо признать, – пишет он, – что в научной психологии мы изучаем не психи-

ку в непосредственной форме ее существования, а именно разнообразные ее проявления (частичные феномены), в которые она «облачена» в зависимости от способа полагания, присущего тому или иному способу исследовательского мышления (как модница облакает себя всякий раз в разные одежды). И в зависимости от особенностей исследовательского мышления мы будем фиксировать психику (в качестве объекта и предмета исследования), «облаченную в одежду» тех или иных своих феноменальных проявлений, но не собственно психику как таковую, которая, проявляясь в каждом из своих феноменов, тем не менее не сводится ни к одному из них. Вследствие этого традиционным предметом изучения психологии выступают психические процессы, психические состояния, индивидуальное и групповое сознание и т.п. психические феномены, логически обособленные друг от друга и подменяющие собой психику как единое по своей природе явление» [Панов, 2011, с. 52]. Таким образом, все три методолога (Дорфман, Мазиллов, Панов) рисуют одну и ту же картину: за пределами нашего восприятия и пространства его феноменов, для обозначения которых были использованы метафоры многообразия «лик» и «одежд», существует неуловимая и неосознаваемая причина их порождения (порождающий процесс, психика или метаиндивидуальный мир) – метафизическая сущность, неподдающаяся непосредственному экспериментальному исследованию, обладающая собственными закономерностями, не выводимыми из закономерностей порожденных ею же феноменов.

Так как проблема исследования принципов порождения психического и их отношения к метафизике не разработана в должной мере, она требует дополнительного анализа, что мы и попытаемся сделать ниже.

Вопрос о порождении феноменальных проявлений психики всегда был актуален. Однако для подавляющего

большинства психологов, как методологов-теоретиков, так и экспериментаторов, решение этого вопроса остается на уровне деклараций и пожеланий. Причины такого положения дел понятны. Они обусловлены в основном двумя факторами: во-первых, тем, что процесс порождения не осознаваем, во-вторых, по причине того, что в психологии восприятия объект исследования (порождающий процесс) и средство его изучения совпадают, поэтому существенным ограничивающим фактором становится продуктность (предметность) исследования, как следствие глубоко эмпирического, функционально необходимого, образа мышления человека. И действительно, объект предстает перед исследователем в совокупности своих, уже отраженных, свойств и качеств, поэтому, опираясь на них, невозможно «проникнуть» в процесс, приводящий к порождению этих же свойств и качеств. Поэтому появляется необходимость в поиске нового исследовательского проекта, позволяющего преодолеть ограничения продуктного подхода.

Такой исследовательский проект уже в 1987 г. был предложен А.И. Миракяном в его докторской диссертации [Миракян, 1987], защита которой состоялась в Психологическом институте РАО, где он руководил лабораторией моделирования психических процессов. В своем подходе А.И. Миракян при поиске принципов порождения психического отражения отказывается от понятий, описывающих феноменологию психических явлений, и сосредотачивает свое внимание на изучении природных принципов порождения, существующих в развивающейся материи. Предположение о существовании системы таких принципов позволило А.И. Миракяну создать концепцию трансцендентальной психологии восприятия, в русле которой его последователями были проведены многочисленные теоретические и экспериментальные исследования (диссертационные в том

числе). Нами было показано, что образ мышления и метод теоретического анализа автора трансцендентального подхода соответствует философским метафизическим рассуждениям, имея в виду метафизику в аристотелевском смысле [Нагдян, 2014, 2015].

Из вышеизложенного следует, что трансцендентальный (метафизический) подход радикально отличается от всех ныне существующих подходов к изучению психики человека и поэтому вписывается в рамки методологического плюрализма, имеющего своих сторонников среди методологов психологической науки. Однако до сих пор концепция трансцендентальной психологии восприятия остается вне поля внимания методологов.

В.А. Мазиллов, анализируя состояние методологии в современной психологии, выделяет четыре класса психологических проблем: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические [Мазиллов, 2007, с. 6]. Полностью соглашаясь с приведенной классификацией, отметим, однако, что упущен из виду еще один, важный для психологии, класс проблем. Это проблемы, связанные с вопросом о порождении психического. А.В. Карпов также указывает на важность этой проблемы: «Естественно, – пишет он, – что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, как именно это происходит, как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной, реальностью? По существу, это и есть *основной вопрос* психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако *сам факт* порождения и, соответственно, – существования субъективной реальности именно как своего рода «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений» [Карпов, 2007, с. 19]. Оценивая явление порождения как фундаментальный факт, А.В.

Карпов отмечает, что этот факт, тем не менее, часто принимается просто как данность и «не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач» (там же). Естественно, о порождении (процессе порождения, порождающем процессе) говорили многие психологи – это тема отдельного исследования. Однако в научной литературе можно встретить лишь указания на существование этого процесса. Причем, следует обратить внимание на то, что никто из исследователей не указывает на то, что «процесс порождения» это всего лишь гипотетическое предположение, не поддающееся непосредственной экспериментальной проверке.

Далее В. А. Мазиллов справедливо замечает в цитируемой работе: «Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями» (там же), в таком случае получается, что изучение процесса порождения выходит за пределы научного исследования.

Однако, существует и другое понимание естественной науки, позволяющее подойти к решению проблемы исследования принципов процесса порождения. Мы имеем в виду вышеприведенное мнение И. Канта и данные философии науки второй половины XX века о том, какой должна быть наука, из чего следует, что наука состоит не только из эмпирической, но и из метафизической части, которая относится, скорее всего, к ее мировоззренческому аспекту. В то же время, очевидно, что этот «мировоззренческий аспект» также требует вдумчивого отношения и глубокой разработки. Поэтому психологию можно представить состоящей из двух частей. Первую, глубинную, часть А.И. Миракян обозначил как «наука психики» (по аналогии с гегелевской «наукой логики»), и она должна была заниматься изучением принципов и закономерностей процесса порождения психических феноменов – метафизическая часть познания

психического. Другая часть психологического знания – «наука о психике» или собственно «психология» – занимается изучением принципов и закономерностей изменений, преобразований, развития и образования отношений между непосредственно доступными наблюдению психическими феноменами. Приведенная выше структура психологического знания очень созвучна с рассуждениями В.И. Слободчикова: «Лет 20 тому назад я предложил свое различие, по крайней мере, двух систем психологического знания – «психология психики» и «психология человека». Первая, как я уже говорил, это наука о естественном, органическом процессе в живой природе, но главное – это наука о **процессе становления** той или иной психической формы. Вторая – это наука об уже **ставших**, случившихся, уже присутствующих психических формах в нашем сознании и «живущих по своим законам». И потому эта наука – наука психологии оформилась и существует как феноменология, как логос о феноменах психического» [Слободчиков, 2014, с. 224]. Однако, еще раз отметим, что традиционная психология для выявления универсальных принципов порождения и функционирования психического исходит из уже ставшей (по терминологии В.И. Слободчикова) феноменологии, что неизбежно приводит к ограничениям продуктного подхода.

«Наука психики» изначально строится теоретически. Это видно и на примере трансцендентальной психологии восприятия: интуитивно выбранные гипотетические метафизические постулаты служили платформой для создания теории, которая давала возможность опосредованной экспериментальной проверки ее положений и, следовательно, исходных постулатов.

Похожим, но все же несколько иным образом, была создана Л.Я. Дорфманом концепция метаиндивидуального мира, о которой говорилось выше. Автор указывает на то,

что его концепция первоначально была «явно метафизической», однако последующие эмпирические исследования в области эмоциональных стилей и полимодального «Я» создали определенный эмпирический базис, благодаря чему априорная (метафизическая) концепция приобрела статус «нормальной» науки. Точнее – появилась линия демаркации, отделяющая метафизическую часть концепции от эмпирической.

Несмотря на различия в объекте и предмете, между трансцендентальной психологией восприятия и концепцией метаиндивидуального мира, есть некоторое сходство. Во-первых, в качестве объектов исследования были выбраны «невидимые» реальности, принципиально не поддающиеся эмпирическому исследованию. Эмпирически можно исследовать лишь их отдельные проявления в виде психических феноменов, в которых, однако, уже отсутствовали имманентные этим реальностям особенности и характеристики. Во-вторых, для описания этих реальностей применялся метафизический способ рассуждений. В-третьих, оба исследователя - и Л.Я. Дорфман, и А.И. Миракян - искали и находили методы эмпирических доказательств правомерности своих концепций.

Таким образом, из вышесказанного следует, что исследование процесса порождения психического не только возможно, но и имеет свою специфическую методологию. Однако в современной психологической науке отсутствуют систематические теоретические исследования, посвященные этой проблеме (за исключением работ последователей А.И. Миракяна), что приводит к появлению вопросов: почему психологи-методологи не обсуждают эту проблему? почему методологи не выдвигают проблему порождения психического в виде исследовательского проекта или программы?

В трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна сделана первая попытка глубокого анализа проблемы порождения и предложен один из возможных вариантов ее решения. Но до сих пор она не получила соответствующей оценки психологического сообщества – ни положительной, ни отрицательной. Даже в последнем издании учебника «Методологические основы психологии» [Корнилова, Смирнов, 2011], к сожалению, не упоминается о концепции трансцендентальной психологии, в которой предлагается новый методологический подход к изучению проблемы порождения психического. И это несмотря на то, что после смерти А.И. Миракяна прошло более 20 лет, а теоретические и экспериментальные исследования в этом направлении продолжают, защищаются диссертации, выпущено 12 монографий и сборников и в их числе два тома книги А.И. Миракяна «Контурсы трансцендентальной психологии», изданные в 1999 и 2004 гг. издательством Института психологии РАН, а в 2010 году в Психологическом институте РАО состоялась международная конференция «А.И. Миракян и современная психология восприятия» [А.И. Миракян..., 2010].

Сложность или необычность сложившейся методологической ситуации, помимо прочего, состоит в том, что, как было показано нами [Нагдян, 2014], начальные этапы исследования принципов порождения психического связаны с необходимостью перехода из области психологии в область философии, а именно: в области (философской) метафизики и философии физики. А это вызывает «справедливое» возражение у многих психологов: это не наше дело, пусть думают философы. Однако совершенно ясно, что лучше самих психологов никто не решит проблем трансцендентальной психологии.

Хочется надеяться, что последовательные попытки решения этого вопроса приведут к открытию новой главы в

такой области теоретической психологии, какой является философия психологии. А в классификации семи базовых парадигм в понимании предмета психологии, предложенной В.В. Козловым [Козлов, 2007], появится еще одна – «трансцендентальная», то есть парадигма новой области знания, выходящая за пределы известных волн психологии, в которой описывается такая реальность, где существуют возможности порождения не только психического, но, может быть, и всего сущего.

Если говорить о возможной связи трансцендентальной психологии с остальными областями психологического знания, то среди семи волн психологии можно выделить трансперсональную. Дело в том, что при создании трансцендентальной психологии встала проблема преодоления ограничений продуктного подхода. Сутью этих ограничений было то, что исследователь принципов порождающего психические феномены процесса не мог использовать для изучения этих принципов понятия, относящиеся к этим феноменам. И тогда возникает сложная проблема: каким образом нужно мыслить, чтобы избежать употребления понятий, относящихся к реальности феноменов. Поэтому в работах, посвященных трансцендентальной психологии, часто указывается на специфический, особый образ мышления, необходимый для решения задач трансцендентальной психологии [Артеменков, 2010]. Но как преодолеть этот продуктивный (предметный) образ мышления, если это результат длительной эволюции, необходимый для эффективного функционирования человека в окружающей его предметной среде? Ответ на этот вопрос дает трансперсональная психология. Вспомним, что предпосылки порождения психического А.И. Миракян искал вне человека, вне его истории и культуры – в бытии, в закономерностях развивающейся материи. Теперь обратимся к определе-

нию трансперсональной психологии В.В. Козлова: «Пятая волна психологии выделила в качестве предмета психологии области за пределами общепринятого, персонального, индивидуального уровня *переживания, в которых чувство самотождественности выходит за пределы индивидуальной, или личной, самости, охватывая человечество в целом, жизнь, Дух и космос*» [Козлов, 2007, с. 23-24]. Как видим, в обоих случаях совпадает сам подход к выделению предмета исследования – он вне самости человека. Но гораздо важнее другое. Из этого сравнения неявным образом вытекает, что решение задач трансцендентальной психологии должно сопровождаться трансперсональным переживанием. А это означает необходимость перехода из обычного состояния в другое, измененное состояние сознания, где реализуется другой образ мышления в соответствующей ему логике. Или, если поставить знак равенства между обычным состоянием сознания и Эго, то сам переход в новое измененное состояние сознания, согласно В.В. Козлову, совершается по схеме: «сначала дифференциация, независимость функционирующего Эго и затем трансцендирование привязанности к этому Эго» (там же). Таким образом, соответствующий трансперсональный опыт становится необходимым импульсом и условием развития трансцендентальной психологии.

К тем же теоретическим результатам можно прийти и другим путем. По словам С.Л. Рубинштейна, «на чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем» [Рубинштейн, 1976, с. 312]. Отсюда становится понятным, что «глубинные процессы в сущем», ответственные за порождение перцептивного образа или другого психического феномена, предполагают другой способ существования, определяющий (по С.Л. Рубинштейну) другой уровень бытия и,

следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события, которые существуют в наличном бытии. Поэтому «язык» описания перцептивного события (В.А. Барабанщиков) в своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия. Поэтому, для достижения этих целей, очевидным становится необходимость применения разных «языков» описания. В то же время, согласно исследованиям по лингвистике измененных состояний сознания Д.Л. Спивака (2000), известно, что каждому измененному состоянию сознания соответствует «свой язык» со своей грамматикой и логикой. В нашей работе также подчеркивалось то, что психологической причиной появления разных направлений в философии является наличие у философов разных состояний сознания [Нагдян, 2009]. Из вышесказанного следует, что переход на новый, афизикальный, язык для описания реальности трансцендентальных событий возможен при соответствующем изменении состояния сознания. А это может быть осуществлено лишь при наличии трансперсонального переживания. То есть в данном случае трансперсональное переживание используется как одно из средств и условий создания концепции трансцендентальной психологии.

Однако нет лучшего способа доказать справедливость приведенных выше рассуждений, чем обращение к фактам самой жизни. Во время одной из встреч автора этих строк с Аршаком Израеловичем Миракяном в его московской квартире произошло следующее. Аршак (Аршак Израело-

вич всегда просил, чтоб его называли по имени) хотел показать мне одну из множества магнитофонных записей своих бесед с известными психологами и философами. Во время этих поисков вдруг я услышал тихий голос Аршака на фоне классической музыки. Несмотря на то, что запись звучала всего 6-7 секунд, но не узнать эту музыку, просто, было невозможно: звучал финал Шестой симфонии П.И. Чайковского. Думаю, излишне говорить о силе эмоционального воздействия именно этой части Шестой симфонии – не хватит эпитетов. Случайно сложившаяся ситуация? Случайное совпадение? Конечно, нет! Аршак говорил медленно и вдумчиво, в такт музыке, его голос и музыка слились в одно полифоническое целое. Можно с уверенностью предположить, что для Аршака это служило *способом* создания другого, более глубокого, состояния сознания, в котором, возможно, ему открывались совершенно иные реальности. А новый поток сознания давал начало новому образу мышления и новой логике.

Обобщая возможности и итоги развития трансперсональной психологии, В.В. Козлов пишет: «Собственно, предел предмета психологии достигнут» [Козлов, 2010, с. 25]. Можно согласиться с этим выводом В.В. Козлова, но только наполовину, потому что совершенно справедливо указывается лишь «верхний» предел. Но ведь существует и «нижний» предел, ограниченный предметом трансцендентальной психологии, а именно поиском принципов и закономерностей процесса порождения психического. Общее в этих двух психологиях то, что их предметы находятся вне пределов персонального, индивидуального опыта. Но, несмотря на это, они «занимают» противоположные пределы всего пространства психической реальности и соответствующего ей психологического знания: от возможностей порождения и возникновения психического и до ощущения реальности,

выходящей за пределы «объективной реальности» и переживания всего того, что называется трансперсональным опытом.

Поэтому, из вышесказанного следует, что трансцендентальная психология может быть включена в систему интегративной психологии как ее необходимая часть, в результате чего вся система приобретет целостность и окончательную завершенность, потому что за «нижним» пределом следует Ничто, а за «верхним» – бесконечность многообразия трансперсонального опыта, охватывающего «человечество в целом, жизнь, Дух и космос».

2.5. О проблеме предмета психологии

Рассуждения о проблеме предмета психологии, изложенные в этом разделе в метафизическом контексте, основаны на анализе книги профессора В.А. Мазилова «Стены и мосты: методология психологической науки» (2015). Хотя большинство статей, включенных в книгу, написаны автором в течении последних 20 лет, но проблемы, обсуждаемые в них, не зависят от времени - вечные и волнующие. По замыслу В.А. Мазилова, его книга не только научный труд, со своими абстракциями и обобщениями, но к тому же – «пойетическая»² работа. А в подобном жанре, как известно, сливаются в одно целое поэзия текста, романтизм ученого и процесс созидания им научной «симфонии», где все должно быть строго упорядочено и подчинено законам гармонии. Но эти законы в «пойетической» работе не исключают возможностей вариаций, необходимых реприз и изящных пассажей, употребления образных метафор и свободных ассоциаций.

---

² От греческого слова Poiesis, означающего творчество, творение, созидание делание, построение, сочинение стихотворений.

Научная работа начинается с методологической позиции исследователя, указывающей дорогу, в данном случае, к возможностям изучения психики. В работе она сформулирована следующим образом: «Наша позиция состоит в том, — пишет В.А. Мазилев, — что исследовать психическое можно по-разному, на разных уровнях. Исследование психофизики, к примеру, может не предполагать трансперсональной трактовки психического. Но для изучения каких-то иных вопросов это просто необходимо. Поэтому бессмысленно спорить, какой из подходов более правильный. Необходимы все, но важно иметь общее понимание психического, в рамках которого нашлось бы место для этих различных уровней. Выработать это общее понимание должна методология психологии» [Мазилев, 2015, с. 12]. Итак, цель работы — «выработать общее понимание психического». Но... сначала бывает мотив, потом возникает цель. Каков же мотив автора? Это беспокойство и размышления о судьбе психологической науки. А «судьба науки предопределяется пониманием предмета науки и ее метода» (там же). Поэтому нужна глубокая методологическая проработка проблемы психического. А приблизиться к цели можно разными путями и одним из них является «пойетический»: сочетание поэзии, романтизма, образных метафор, символики, созидательного творчества и... «синхронистичности» (по К.Г. Юнгу). В.А. Мазилев выделяет одну из примечательных черт «пойетической» работы, когда психика человека обнаруживает совершенно неожиданные совпадения сходных событий, спонтанная очередность появления которых в разных контекстах жизни недоступно нашему пониманию. В подтверждение этому автор приводит цитату из работы В.М. Аллахвердова: «Мы не умеем осознавать процесс создания создаваемого; то, что мы осознаем (мысли, чувства и пр.), всегда присутствует в нашем сознании уже в готовом виде.

Человек способен дать себе отчет лишь в том, что именно он осознает, но не может объяснить переход от одних своих мыслей к другим» [Аллахвердов, 2003, с. 18], и далее, в качестве доказательства, Аллахвердов приводит слова Бальзака, Моцарта и Бродского. Однако, уточним, что нам непонятно не только то, как человек от одной мысли переходит к другой, но даже то, как возникает сама мысль. Этой цитатой В.А. Мазиллов хотел передать самую суть психологического исследования, приближающего нас к одной из тайн природы. Как исследовать процесс создания сознаваемого, что из себя представляет этот процесс? Ведь всегда человек имеет дело с продуктом, с результатом этого процесса, присутствующем в нашем сознании «уже в готовом виде». Однако... сначала бывает процесс, потом возникает результат, но человек осознает только результат, подобно тому, как мы видим фрукт на дереве, но совершенно не замечаем процесс, приводящий к его созреванию. Если продолжить эту аналогию, то можно сказать, что психолог всегда имеет дело только с «фруктами» (образы, представления, мысли, чувства и пр.). А когда он хочет проникнуть в тайну того – как возникают эти «фрукты», то, используя сами «фрукты», увы, он сделать это не сможет. Представьте себе биолога, который для понимания процесса, приводящего к созреванию фруктов, имеет возможность исследовать только сами фрукты. Но как бы он не изучал форму, цвет, запах, вкус и даже химический состав фруктов, все равно, имея **только** эти данные, он никогда не проникнет в тайну процесса, например, фотосинтеза, столь необходимого для появления плода. Для этого нужно выйти за пределы фрукта. Для этого нужно знать, что исследовать и как это делать, то есть опять мы пришли к проблеме предмета науки и ее метода. Эта главная тема научной «симфонии» автора всплывает затем в других местах работы, в неожиданных контекстах,

напоминая явления синхронистичности, которые впервые в психологии были изучены К.Г. Юнгом.

Одна из главных тем научного творчества В.А. Мазилова возникает из анализа методологической позиции Карла Густава Юнга. Огромную заслугу Юнга автор видит в том, что он не ограничивается констатацией факта непостижимости природы психического, «а ищет пути исследования того, что постичь можно, – психической реальности» [Мазиллов, 2015, с. 20]. В контексте этого анализа В.А. Мазиллов указывает на вопрос, который часто возникает в современном науковедении: почему психологи, в отличие от представителей других дисциплин, так озабочены размышлениями о предмете собственной науки, «тогда как это вовсе не обязательно, и в этих других дисциплинах... такими спекуляциями вовсе не занимаются» (там же). Ответ В.А. Мазилова имеет большое значение для правильной постановки вопроса о предмете психологии: «Возразить в данном случае очень легко. В некоторых науках, в частности, в психологии предмет «двойной» – основу составляет базовое, фундаментальное представление о «психе» (впрочем, часто неосознаваемое исследователем, поэтому остающееся латентным, несмотря на, казалось бы, обязательную профессиональную рефлексию), а над ним располагается реальный предмет исследования. Вряд ли нужно специально пояснять, что это базовое представление о предмете (даже если природу его постичь нельзя) определяет очень многое в стратегии психологического исследования, и, в частности, диапазоны возможных пространств психической реальности» (там же, с. 20-21). Итак, повторим, предмет психологии «двойной», причем основу составляет «базовое, фундаментальное представление о «психе»». Обсуждается ли эта двойственность психики и, в особенности, ее базовая составляющая, в психологической методологической литературе? Как это

ни парадоксально, но ответ – отрицательный: большинство методологов предпочитают не обсуждать фундаментальную проблему двойственности психики. Лишь у отдельных психологов можно встретить краткие замечания по этому поводу. Так, например, А.И. Миракян говорит о «науке психики», имея в виду фундаментальную, непосредственно недоступную сознанию, часть психики, и о «науке о психике» (или собственно «психологии»), изучающей проявления психических феноменов в «поверхностной» части психики [Миракян, 1999]. Похожее разделение делает и В.И. Слободчиков (кстати, ссылаясь на А.И. Миракяна) различая «психологию психики» и «психологию человека» [Слободчиков, 2014]. Обратим также внимание и на то, что В.А. Мазиллов говорит о «психе» в юнговском понимании, как о недоступной сознанию исследователя (недифференцированной, целостной) психической реальности. Ни одна традиционная (классическая или не-классическая) психологическая теория не касается этого вопроса. Особо хотим отметить, что речь идет не об отдельных исследователях, – они, конечно, есть и делают попытки заглянуть за пределы осознаваемого, туда, где существует базовая, фундаментальная часть психики. А речь идет о психологическом сообществе, которое остается равнодушным к подобным попыткам: они не отражены в учебниках по психологии, им не посвящаются конференции, отсутствуют методологические дискуссии для ответа на вопрос: «Что мешает психологам исследовать эту, неосознаваемую, часть психики, которая является причиной порождения психических феноменов?».

Самый глубокий и «весомый», с научной точки зрения, ответ на этот вопрос был дан московским психологом профессором А.И. Миракяном [Миракян, 1987, 1999, 2004]. Автор трансцендентальной психологии убедительно показал, что причиной, не позволяющей психологам

исследовать глубинную порождающую часть психики, является продуктивный подход, которым определяется одна из неосознаваемых частей общечеловеческого метода познания и психологов в том числе. В чем суть продуктивного подхода? Если вернуться к метафоре фруктового дерева, то можно сказать: исследованием фрукта невозможно познать процесс «возникновения» и созревания фрукта. Между тем, психологи именно так и поступают. Если, например, необходимо изучить закономерности психического восприятия величины предмета, то в качестве исходной данности для экспериментального и теоретического исследования берется сама, уже отраженная, величина предмета. Ясно, что такой подход не приведет к раскрытию единых принципов порождения не только величины предмета, но и всех других феноменов психического.

Тогда чем же занимаются психологи? Что они изучают? Снова приведем слова В.А. Мазилова о «двойной» структуре предмета психологии: «...в психологии предмет «двойной» – основу составляет базовое, фундаментальное представление о «психе»..., а над ним располагается реальный предмет исследования. Другими словами, научная психология изучает особенности проявлений психических феноменов и взаимоотношений между ними. А то, что порождает эти феномены, не только не исследуется, но и не обсуждается.

Что можно ожидать от изучения базовой, фундаментальной составляющей психики? Согласно В.А. Мазилу, это повлияет на определение стратегии психологического исследования, и, в частности, на «диапазоны возможных пространств психической реальности» (там же, с. 20). Действительно, нам известно множество разных психологических пространств: сенсорные, эмоциональные, мыслительные, смысловые, психосемантические и другие, но что

нас ожидает в глубинах психического? Это пространство, согласно нашим представлениям, не должно быть ни сенсорным, ни эмоциональным, ни мыслительным и т.д., так как все перечисленное относится к пространствам осознаваемого поверхностного слоя психики, верхушке айсберга, порожденного неизвестным нам пространством глубокой «психической» реальности. С другой стороны, как это показано в вышеупомянутых работах А.И. Миракяна, обращение к до-продуктной реальности позволяет выявить единые, универсальные принципы порождения психических феноменов всех модальностей (в широком смысле). Не вдаваясь в подробности этой уникальной (единственной в своем роде) концепции трансцендентальной психологии, отметим лишь, что одним из ее универсальных принципов порождения является принцип образования анизотропных отношений, содержание которого не описывается психологическими понятиями.

Однако вернемся к К.Г. Юнгу и оценке его методологической позиции В.А. Мазилковым. Важность «возвращения» К.Г. Юнга в Россию В.А. Мазилков видит в том, что «Карл Юнг является носителем одной из альтернативных методологий психологической науки» (там же, с. 24). Значение этой альтернативной методологии в том, что она «позволяет работать в условиях «двойного» предмета психологии, осуществляя адекватные переходы внутри него, что создает возможность для реального изучения психического» (там же).

Хотим отметить, что К.Г. Юнг был одним из основоположников не только трансперсональной психологии, но и, возникшей совсем недавно, квантовой психологии, которая также пока не вписывается в рамки академической психологии. Дружба К.Г. Юнга с одним из основателей квантовой механики В. Паули, очевидно, способствовала выявле-

нию сходных черт в поведении квантовых частиц и психики человека. Он писал: «эта необычайная встреча атомной физики с психологией имеет для последней неопределимое преимущество, потому что она доносит до нас предчувствие возможности какой-то архимедовой точки для психологии. Ведь микрофизический мир атома обнаруживает черты, чье родство с психическим бросается в глаза даже физику. Здесь выявляется, очевидно, по крайней мере, в виде намека, возможность «реконструкции» психического процесса в совершенно другой среде, а именно в среде микрофизики материала» [Юнг, 1998, с. 300].

Таким образом, объединяются два класса явлений, считавшиеся несовместимыми противоположностями, – физические и психические, и в нашем представлении о Вселенной восстанавливается целостность и неразрывное единство всех существующих в ней явлений. Вероятно, настанет время, когда у психолога и физика будет один и тот же объект исследования, и понятие «психофизика», введенное в психологию в XIX веке Г. Фехнером, наконец-то приобретет свое естественное и истинное значение – как науки, исследующей психические проявления глубинных природных (физических) явлений.

Одним из последствий того, что внимание исследователей сосредотачивается на поверхностном феноменологическом слое психики является то, что возникают разные психологии, каждая из которых определяется своим предметом исследования. Что же получается, когда появляются разные предметы психологии? Тогда возникают территории разнородных знаний и стены, их разделяющие. Есть стены, возведенные для разделения, а есть стены для защиты... Стены непонимания, непризнания и разобщения... И тогда становится необходимостью «наведение мостов» между ними – нахождение точек соприкосновений. Метафоры В.А. Мазилова

очень наглядно и точно описывают состояние современной психологии. С одной стороны – существование разных психологий, приводящее к методологическому плюрализму, с другой – отрицательное отношение академической психологии к психологиям нетрадиционных и альтернативных направлений. В частности, подход К.Г. Юнга к исследованию психического был далек от естественнонаучного, поэтому в советские времена он попал в разряд нетрадиционных и был чужд советской психологии. Однако можно привести примеры подобных запретов, относящихся и к нашему времени. В недавнем прошлом научная психология делала вид, что «никакой трансперсональной психологии попросту нет (или полагала про себя, во внутренней речи, что последняя, может быть, и есть, но представляет собой разновидность либо мистики, либо «паранауку», а потому «высокая наука» для сохранения реноме должна держаться подальше)» (там же, с. 28). То же самое можно сказать и о трансцендентальной психологии, которая появилась в России более тридцати лет назад, но академическая психология до сих пор никак не отреагировала на это событие, также делая вид, будто никакой трансцендентальной психологии попросту нет. «И разобщенность между этими течениями, явная стена, мешающая интеграции, является фактором, негативно влияющим на развитие психологической науки в целом» (там же, с. 29). В этом нельзя не согласиться с В.А. Мазилковым. А в качестве временного средства, для осуществления интеграции, автор предлагает «наведение мостов», которые бывают не только над реками, но и над стенами. «И название такого моста – виадук (*via* – путь, *ducere* – вести) представляется глубоко символичным» (там же, с. 29).

О каких же мостах говорит В.А. Мазилков? Известно, что мосты бывают разные. Они разные и в психологии.

Мосты нужны в самой психологии между разными

направлениями и подходами, так как известно, что существует много теорий личности, памяти, мышления и т.д. И настало время понять, подчеркивает автор, что прошли те времена, когда можно было признавать одну теорию «правильной», а другую «неправильной», так как «ясно, что многообразие подходов - это результат столкновения с чем-то действительно многоликим, единым» (там же, с. 36).

В.А. Мазиллов считает также необходимым «построение» мостов между разными психологиями (донаучной, философской и собственно научной); между научной психологией и практической психологией.

Важнейшими видами мостов, приближающими психологию к ее целостной форме, являются мосты между традиционной психологией и новыми альтернативными направлениями, и, в качестве примера, можно обратиться к направлениям, продолжающим юнговские традиции. Этот вид мостов необходим также и для трансцендентальной психологии А.И. Миракяна (1999, 2004), и для метафизического подхода к изучению принципов порождения психического, разрабатываемого нами [Нагдян, 2014].

Мосты необходимы и между психологией и другими науками о психике, а также между психологией и другими научными дисциплинами.

А для осуществления всего этого грандиозного «строительства» нужна, по замыслу В.А. Мазилова, специально предназначенная для этой цели коммуникативная методология.

Что же является предпосылкой для осуществления интеграции посредством «наведения мостов»? Автор предлагает следующее: «Мне кажется, академическая российская психология должна сделать первый шаг. И этот шаг должен состоять в критическом взгляде на собственный предмет. И в признании того, что, возможно, трактовка психического как

отражения уже выполнила свою функцию, позволив раскрыть динамику психических процессов. Более нейтральная характеристика психического – скажем, как психической активности, позволяет найти точки соприкосновения, «навести мосты» между научной психологией и современными нетрадиционными направлениями в психологии» [Мазилов, 2015, с. 29]. Данная методологическая позиция, которая оформляется автором как коммуникативная методология, действительно, непосредственно связана с новым определением предмета психологии. Весь вопрос в том: можно ли «создать» определение предмета психологии соответствующего объема? На это указывает и сам автор: «Необходимо широкое понимание предмета, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях» (там же, с. 54). Однако мы полагаем, что возможна и иная постановка вопроса о предмете психологии: необходимо определить те природные принципы психе, которые заключали бы в себе возможность порождения психической реальности во всех ее проявлениях (на решение этого вопроса претендует трансцендентальная психология). И второй, важный, по нашему мнению, момент: как добиться того, чтобы новый предмет психологии был определен не логически, через исследование отношений между феноменами - тогда мы вновь окажемся в тупике, - а онтологически. И, наконец, третье: чтобы предмет психологии определить онтологически, мы должны помнить о двойной структуре психики и создать методы теоретического изучения ее базовой, фундаментальной части.

На вопрос о том, как определить природные принципы, в которых заложены возможности порождения психической реальности во всех ее проявлениях, должна ответить новая методология (это один из основных тезисов В.А. Мазилова; «предмет психологии может быть определен с помощью

новой методологии», с чем мы полностью согласны). О том, какой может быть новая методология, можно предположить из слов великого классика психологии У. Джеймса: «Когда в психологии явится свой Галилей или Лавуазье, то это, наверное, будет величайший гений; можно надеяться, что настанет время, когда такой гений явится и в психологии, если только на основании прошлого науки можно делать догадки о ее будущем. Такой гений по необходимости будет «метафизиком». А для того, чтобы ускорить его появление, мы должны сознавать, какой мрак облекает область душевных явлений, и никогда не забывать, что принятые нами на веру положения, на которые опирается все естественноисторическое исследование психических явлений, имеют временное, условное значение и требуют критической проверки» [Джеймс, 1991, с. 361]. К сказанному У. Джеймсом сделаем небольшое дополнение, а именно то, что метафизика, в философском смысле, уже сама по себе является методологией. На необходимость объединения психологии и философии указывает и поздний В. Вундт. Без метафизики, утверждает Вундт, психология превратится в «ремесленничество». В своей книге В.А. Мазиллов приводит очень интересную цитату из работы В. Вундта 1913 года, которая адресована, в первую очередь, психологам: «...более общие и наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения, скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее

основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии» [Вундт, 1913, с. 117; цит. по: Мазилев, 2015, с. 108]. Хотим обратить внимание читателей на то обстоятельство, что и Джеймс, и Вундт говорят не о философии в целом, а о ее конкретном разделе, о ее центральной части – метафизике.

О необходимости обращения к метафизике, при решении методологических проблем психологии, говорили и мэтры российской психологии. Этот вопрос был подробно рассмотрен нами в разделе 2.1., поэтому приведем отсюда лишь некоторые выдержки.

Согласно В.П. Зинченко, российская психологическая наука отклонилась от пути своего естественного развития, постоянно приспособляясь к жестким ограничениям марксистской идеологии. Выход из тупика В.П. Зинченко видел в переосмыслении и восстановлении культурного поля первых десятилетий XX века, для которого было реальностью «полифоническое и диалогическое сознание», и, в частности, в обращении к идеям В.С. Соловьева о всеединстве человеческого знания, об Абсолюте [Зинченко, 1993].

Другая попытка изменения методологической «ситуации» в контексте отношения психологии к метафизике была предпринята известными методологами российской психологической науки А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским в книге «Основы теоретической психологии» [Петровский, Ярошевский, 1998]. Согласно этим авторам, наиболее полное постижение и объяснение психической реальности возможно тогда, когда одновременно с метапсихологическими категориями будут выделены им соответствующие онтологические модели. «На этом пути, – пишут А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, – открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дис-

циплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития)» (там же, с. 31). То есть А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский считают необходимым обращение к метафизическому способу теоретизирования для решения онтологических и концептуальных проблем теоретической психологии. Относительно специфики выбора этого способа они пишут: «Между тем, этот плоский подход к пониманию метафизики, игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева» (там же). Таким образом, после почти векового игнорирования, вновь, при решении фундаментальных проблем психологии, зазвучал призыв обращения к культуре метафизического образа мышления и, более конкретно, к традициям русской метафизической мысли.

Согласно авторам цитируемой работы, необходимость обращения к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева обусловлена их важнейшим значением «...для осмысления объяснительного принципа построения категориального строя в теоретической психологии» (там же). А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, безусловно, правы, указывая на то, что объяснительные принципы должны быть обнаружены в области метафизического знания, при помощи метафизического способа рассуждений. Однако, как мы думаем, до обращения к особенностям построения категориального строя в теоретической психологии, необходимо особое внимание обратить на решение онтологических проблем психологии, которые также являются предметом исследований

теоретической психологии в русле метафизического подхода. И тогда, во-первых, восстанавливается единство онтологического и гносеологического в отношениях между непосредственно не познаваемым и познаваемым, между скрытой сущностью и непосредственно данным явлением, линия демаркации между которыми будет меняться вместе с развитием психологии; и, во-вторых, станет необходимостью обращение не только к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева и его последователей, но и ко всему богатству и разнообразию метафизических представлений в мировой философии и науке Запада и Востока.

Самая важная для нашего исследования мысль А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского заключается в том, что метафизика не чужда психологии, как научной дисциплины, и, более того, она необходима для построения ее онтологических и концептуальных моделей, составляющих фундамент здания психологии. Поэтому возникает вопрос: «Не пора ли призадуматься над словами выдающихся психологов о значении метафизики для психологии? Не пора ли разрушить стену между современной академической психологией и древней метафизикой?». Видимо, действительно, настала пора для «наведения мостов» между психологией и метафизикой, что будет одной из форм реализации коммуникативной методологии В.А. Мазилова. Однако, чтобы мосты были «надежными», психолог, по мнению В. Вундта, должен обладать «...более или менее основательным философским образованием», чтобы с новых позиций взглянуть на метафизику и правильно оценить значение метафизического подхода для решения методологических проблем психологии.

Одним из негативных последствий «избавления» психологии от метафизики (в годы появления позитивизма), согласно В.А. Мазилкову, является то, что «психологи отка-

зались от теоретических методов исследования собственного предмета, полагая, что он «раскроется» в процессе эмпирического исследования. Этого не произошло, да, собственно, и не могло произойти. Как в свое время остроумно заметил Огюст Конт, интроспекция, будучи деятельностью души, будет всегда находить душу, занятую интроспекцией» [Мазилов, 2015, с. 50]. Конечно, теоретический метод исследования предмета психологии по важности не уступает эмпирическому, и, надо полагать, что он более адекватен (в данном контексте необходимо добавить, что метафизический метод исследования также является теоретическим).

Современная психология стоит перед сложными методологическими проблемами. Но, несмотря на эти сложности, для разрешения которых потребуются немалые интеллектуальные усилия и время, автор настроен оптимистически: «...Стены вечны. Но иногда какая-то разрушается... Или разрушается в течение веков, под действием Вечных сил, или же рушится искусственно, направленно, целеустремленно. Пейзаж, возникающий при ломке стен, вовсе не идилличен, как это прекрасно показал в своем замечательном фильме Алан Паркер. Впрочем, во имя возможности познания временно с этим можно смириться... Тем более, что копий никто уже не держит, да и охрана давно разбежалась... И, может быть, в порядке исключения не «огораживать» разрушаемую стену забором, чтобы ненароком не возникла новая Стена... И представляется, что стены уже нет... И можно разгуливать и за стеной, и там, где она некогда была: «walkupanddownoutsidethewall» (PinkFloyd..., 1994)» (там же, с. 29-30).

Придет и это время, а пока, как говорит автор, ...движение вперед требует построения мостов.

Почему возникают Стены? Что мешает психологам исследовать психическое как нечто целостное? Об одной из при-

чин В.А. Мазиллов говорит следующим образом: «Неудачи с метафизическим анализом психики привели к тому, что явления сознания стали рассматриваться как простые, из которых строится сознание (психика). Возникло очень удобное и простое представление, что психика состоит из кирпичиков. Они лежат в основании, из них возводится здание науки (основанной на опыте, эксперименте свободной от всякой метафизики)» (там же, с. 43-44). Оставаясь верным «пойетическому» жанру, автор использует метафоры «кирпичиков» и «камня», совместное и сравнительное применение которых, очень точно характеризуют причины кризисного состояния современной психологической науки. «Кирпичи» созданы человеком, в природе их нет. «Кирпичи» используют для сооружения зданий. В психологии в качестве «кирпичей» используют единицы анализа – образ, действие, ощущение и т.д., что есть в сознании уже в готовом виде. Используя их как основной строительный материал, возводят здание вполне определенной психологии. Кажется, удобно и просто. Тем более, что это тот метод, который применяется в естественных науках. А «камень» в метафорическом контексте работы В.А. Мазилова - это само психическое, точнее, ее базовая, фундаментальная часть, «психе», являющаяся, как и «камень», порождением природы, частью природы.

Итак, было много попыток построить здание психологической науки. «Конечно, было много споров о том, каковы размеры кирпичей, сколько видов используется в строительстве и т. д. Но одна идея, к сожалению, уцелела. Идея о том, что психическое простое по своей природе. По всей видимости, тому виной не только то, что научная психология в начале своего пути полагала, будто является непосредственной наукой. Отказ от изучения природы психического («камня») привел к тому, что проектировались и строились (в разных стилях) здания, но из кирпичиков. То

ли краеугольного камня не было, то ли другие причины тому виной, но постройки редко поднимались выше первого этажа, быстро рушились, что дало основание известному психологу Н.Н. Ланге сравнить психологию рубежа XIX–XX веков с развалинами Трои... В психологии – а мы рассуждаем о психологии – уместно задать вопрос (разумеется, опять риторический) – а была ли Троя?» (там же). В риторической форме В.А. Мазиллов ставит самый важный вопрос психологии: «Изучалась ли сама психика (Троя) или психологи всегда имели дело с многообразием ее проявлений и строили здание психологии, используя именно эти проявления?»). К сожалению, необходимо констатировать, что психологи не вступили в Трою, не обнаружили тот краеугольный камень, который можно было положить в фундамент здания психологии. Правда, ради справедливости, необходимо отметить, что одна такая серьезная попытка была предпринята в трансцендентальной психологии, поэтому автор настоящих строк считает, что усилия потраченные на то, чтобы увидеть «свою» Трою или психологию, основанную на непродуктивном, афизикальном подходе (без использования «кирпичей»), вполне оправдают себя и дадут возможность оценить ее положительные и отрицательные стороны, а также ее отличие от традиционных психологий.

Итак, мы опять пришли к необходимости определения предмета - краеугольного камня - психологии, того природного явления, которое дает начало появлению психических явлений. Выделим некоторые существенные стороны подхода автора цитируемой книги к определению предмета психологии.

В.А. Мазиллов считает, «что вряд ли оправдано редуccionистское сведение психе к ее конкретному проявлению» (там же, с. 51). Действительно, психика не сводима ни к какой-либо одной психической функции, ни к их сумме. Признавая этот тезис, относящийся к определению предмета психоло-

гии, А.И. Миракян доказал более «сильное» утверждение, относящееся к специфике определения предмета в современной психологии, названный продуктивным подходом [Миракян, 1987]. Коротко его можно сформулировать следующим образом: «Основываясь на конкретных проявлениях психического (которые являются предметом исследований в традиционной психологии), невозможно изучить порождающую их реальность (процесс порождения)». А теперь вспомним, что предметом любого эмпирического исследования является то или иное проявление психики. Это означает, что, опираясь на данные эмпирического исследования или интроспекции, мы не сможем понять природу психики, то есть предмет психологии. Поэтому мы согласны с мнением В.А. Мазилова о необходимости развития именно теоретических методов исследования вопроса о предмете психологии. Однако и в теоретических рассуждениях о предмете психологии необходимо проявлять определенную осторожность, чтобы в качестве исходных данных анализа не брать конкретные проявления психического, например, качества и свойства исследуемого объекта. Этому, однако, сильно препятствует глубоко эмпирическое мышление человека, что необходимо преодолеть. В этих случаях, мы думаем, наиболее адекватными и эффективными окажутся метафизические рассуждения, но они, в то же время, не должны стать самоцелью. История развития наук о природе дает нам образец организации структуры научного знания: метафизика, опирающаяся на определенную картину мира, представленную в виде постулатов и предположений, – теория, со своей специфической или региональной методологией, – эксперимент; (такова структура, например, физики, как научного знания).

Приведенная схема хорошо согласуется с теоретическими рассуждениями В.А. Мазилова о структуре предмета психологии: «Фундамент его составляет исходное,

базовое понимание «психе». Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная «рационализация». Таким образом, происходит разделение предмета на декларируемый («психе»), «рационализированный» и реальный» (там же, с. 53). Кратко приведем пояснения самого автора. «Декларированный предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действительно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности» (там же). По нашим представлениям, декларируемый предмет психологии (то есть ее базовая, фундаментальная часть) может быть определен на основе метафизических рассуждений, о таком устройстве мира, в котором заложены возможности порождения психического. «Между декларируемым и «рационализированным» (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он («рационализированный») «оформляет», фиксирует ту или иную трактовку «психе»» (там же). Рационализированный предмет может быть предметом психологической теории в виде «теории восприятия», «теории эмоций» или «теории памяти» и т.д., причем восприятие, эмоции, память и т.д. «оформляются» как разновидности или проявления психики. «Реальный предмет – это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе «сознание/бессознательное – деятельность/поведение»)» (там же). То есть реальный предмет психологии – это предмет эмпирического исследования.

В изложенной схеме мы опять встречаемся с «двойной» структурой психики, глубинная часть которой описывается метафизическими рассуждениями, а поверхностная – результатами эмпирического исследования (или их теоретическим осмыслением). Как уже было выше отмечено, современ-

менная академическая психология не в состоянии изучать базовую, фундаментальную (декларируемую) часть психики по той причине, что эта реальность не дана непосредственно исследователю, а это делает невозможным применение соответствующего научного метода ее описания и, с другой стороны, игнорирует все попытки теоретического метафизического подхода к пониманию особенностей глубинной реальности. Таким образом, кризис современной научной психологии состоит в противоречии между декларируемым и реальным предметами психологии, первое из которых принципиально невозможно изучить методами научной психологии до тех пор, пока научная психология не расширит границы понимания «научности» и не включит в свой арсенал средств исследования метафизику как необходимую донаучную (а не антинаучную) часть науки. А для обеспечения союза метафизики и научной психологии, о котором говорили корифеи психологической науки, необходимо провести колоссальную теоретическую работу по определению предмета психологии. Идея о необходимости выработки нового понимания психического звучит во многих методологических сочинениях В.А. Мазилова. Он уверен, что «это самая главная задача психологии, вступившей в третье тысячелетие. Время глобальных концепций в психологии еще не пришло, как об этом говорил полвека назад Карл Густав Юнг. Но для того, чтобы оно приблизилось, необходимы подготовительные шаги» (там же, с. 178). Автор с надеждой пишет: «Возможно, пройдет немного времени и вместо «Колокола разделения» будет востребован какой-нибудь «Соборный колокол» (в смысле соборности сознания С.Н. Трубецкого)» (там же). История развития человеческой мысли показывает, что рано или поздно мечты сбываются, главное, чтоб они были. А они есть... И к ним можно приблизиться... через процесс, через поток движения мыслей.

ГЛАВА 3.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В представленных выше главах было показано, что философской основой трансцендентальной психологии является метафизика, понимаемая в аристотелевском смысле, как область знания о «первых» принципах и началах и обо всем сверхчувственном и сверхопытном. Следовательно, метафизический образ мышления или же метафизический подход позиционируется как средство достижения такого (сверхфизического) знания, что и было объектом проделанного выше теоретического исследования. Именно такой образ мышления был применен А.И. Миракяном для создания своей концепции, однако метафизичность его подхода не была озвучена. Поэтому мы поставили перед собой цель показать возможность существования и необходимость применения нового методологического подхода, адекватного для решения онтологических проблем психологии, а именно тех, которые, по Аристотелю, относятся к «бытию в возможности». Рассуждая в том же ключе, можно сказать, что предмет традиционной психологии – явления феноменальной реальности – относится к доступному для эмпирических исследований «бытию в действительности». Таким образом, мы можем говорить о двух онтологиях, двух системах языка и, следовательно, о совершенно разных типах мышления, что приводит, соответственно, к двум разным методологическим подходам к изучению психики. Причем новый, отличный от привычного, необходимый

для решения проблем трансцендентальной психологии, образ мышления не вписывается, как будет показано ниже, в классификацию известных типов научной рациональности (по В.С. Степину), и поэтому, учитывая отношение нового образа мышления к совершенно другой, эмпирически не доступной реальности, можно говорить о новом типе рациональности, существующем хотя бы у части сообщества психологов. Однако это предположение требует специального теоретического анализа, чему и будут посвящены следующие разделы.

3.1. Анализ соотношения классической, неклассической и постнеклассической рациональности в современной психологии восприятия

Проблема исследования.

За всю, хотя и небольшую, историю развития психологической науки было сделано немало попыток унификации психологических теорий, попыток приведения их к некоему «общему знаменателю» ([Козлов, 2007]; [Смит, 2003]; [Уилбер, 2004] и др.). Ключевой проблемой при этом, несомненно, было выделение критериев тех или иных «научных парадигм». Сказанное относится не только к психологической науке в целом, которая в результате своего развития начала позиционироваться как совокупность разных психологий с соответствующими парадигмальными основаниями, но и к отдельным ее областям – «психология восприятия», «психология личности» и т.д., исследующим свой предмет, согласно установкам парадигмы какой-либо из психологий. Как известно, это привело к введению в психологию понятий методологического либерализма и методологического плюрализма [Смирнов, 2006], к идее «наведения мостов» между разными психологиями и, более широко, к попытке созда-

ния коммуникативной методологии [Мазилов, 2015]. Однако стремление эксплицировать «эффективное» (по мере возможности – всеобъемлющее) основание для классификации психологических теорий всегда оставалось одной из характеристик деятельности теоретизирующего психолога, поэтому поиски в этом направлении никогда не прекращались.

Новые возможности открылись в философии науки после рефлексии причин возникновения и смены научных революций [Кун, 2009], [Мамардашвили, 2010], [Степин, 1989, 2003, 2009] и др., которые имели общенаучное значение. Речь идет о типах рациональности как способов познания окружающего нас мира (или онтологий ума – по М.К. Мамардашвили), претерпевающих изменения в истории развития науки.

Целью данного раздела является анализ соотношения типов рациональности в современной психологии восприятия. Однако прежде, чем перейти к этому анализу, необходимо дать определенное представление о типах рациональности и особенностях их проявлений в исследовательской деятельности ученых.

Типы рациональности по В.С. Степину.

В.С. Степин, первым применивший термин «постнеклассический» (1989), выделяет основной признак этой типологии (типов рациональности): «коррелятивную связь между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект» [Степин, 2003, с. 15]. Описание свойств и качеств системных объектов, касающихся связей и отношений между элементами этих объектов, В.С. Степин проводит в категориях части и целого, вещи и процесса, причинности, пространства и времени. В «сетке» этих категорий анализиру-

ются простые, саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы, познанию которых соответствуют классический, неклассический и постнеклассический типы (или идеалы) рациональности.

В простых системах суммарные свойства их частей полностью определяют свойство целого и остаются неизменными как внутри системы, так и вне ее. Объекты (в состоянии покоя или движения) находятся в пустом однородном и изотропном пространстве, существуя в однородных интервалах анизотропно направленного «внешнего» времени, и подчиняются причинным закономерностям жесткого лапласовского детерминизма. Философия механицизма, как методология описания малых систем, опирающаяся на представление о познании как независимом от субъекта наблюдении и экспериментировании с объектами природы, распространялась не только на физические объекты, но и на биологические, социальные и психологические явления (Ламетри, Гольбах, Сен-Симон, Конт, Фехнер). О значении познающего субъекта в эпоху развития классической науки В.С. Степин пишет следующее: «...объективность и предметность научного знания достигаются только тогда, когда из описания и объяснения исключается все, что относится к субъекту и к процедурам его познавательной деятельности» [Степин, 1989, с. 12]. А целью этой познавательной деятельности субъекта было построение абсолютно истинной (единственной) картины природы, причем принималось на веру то, что в этой деятельности разум субъекта не детерминирован никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов (там же).

В начале XX века революционные перемены в физике, космологии, химии, биологии, возникновение кибернетики и теории систем привели к формированию идеалов новой, неклассической науки. Дальнейшее развитие познаватель-

ной деятельности человека, связанное с формированием нового стиля мышления и достижениями научно-технического прогресса, обусловило «встречу» субъекта познания с новым типом объектов – большими системами, имевшими более сложную организацию и радикально отличавшимися своими системными характеристиками от простых (малых) систем. Главная отличительная черта этих систем состояла в том, что они являлись саморегулирующимися. Примерами таких систем могут служить все виды автоматизированных систем управления, организмы, популяции, социальные объекты, проявляющие себя как устойчиво воспроизводящиеся образования. Категориальный аппарат, предназначенный для описания малых систем, становится неадекватным в случае с большими системами. Целое уже не может быть представлено как сумма частей – возникает системное качество целого. Часть, «извлеченная» из целого, перестает выполнять свои функции, то есть внутри системы и вне системы часть обладает разными свойствами. Лапласовский детерминизм в больших саморегулирующихся системах частично сохраняется и дополняется идеями «вероятностной» и «кольцевой» причинности, которые характеризуют стохастический характер взаимодействия в подсистемах и программу саморегуляции, обеспечивающей воспроизводство системы. По мнению В.С. Степина, в больших саморегулирующихся системах в ряде случаев вместе с представлениями о «внешнем» времени необходимо вводить понятие «внутреннего» времени (биологические часы и биологическое время, социальное время) [Степин, 2003, с. 6]. Саморегулирующиеся системы, в отличие от малых систем, характеризуются уровневой организацией, наличием относительно автономных и переменных подсистем, существованием управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы (гомеостаз).

Происходят изменения и в субъекте познания. Осознаются и осмысливаются корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода исследования, посредством которого осваивается объект и которым невозможно пренебречь (игнорирование средств исследования было характерно для классической науки). А это приводит к пониманию возможности допущения «нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания» [Степин, 1989, с. 13]. В контексте новой неклассической рациональности возникает новое понимание активности познающего субъекта. Осознается, что результаты исследования зависят не только от характеристик объекта, но также от методов и средств познавательной деятельности, которые зависимы от исторической изменчивости научного знания. «На этой основе, - обобщает В.С. Степин, - выросло новое понимание категорий истины, объективности, факта, теории, объяснения и т.п.» [Степин, 1989, с. 14]. Так, например, при описании динамики системы важную роль начинают играть категории случайности, потенциально возможного и действительного; объект рассматривается не как самотождественная вещь, а как процесс, воспроизводящий некоторые устойчивые состояния и изменчивый в ряде других характеристик (там же, с. 15). Все эти изменения, естественно, приводили к радикально новому пониманию онтологической составляющей философских оснований науки.

Начиная с последней трети XX столетия и по настоящее время, происходят новые радикальные изменения в основаниях науки, что позволило В.С. Степину ввести в философию науки понятие постнеклассической рациональности. Приведем основные признаки постнеклассической науки.

Постепенное усложнение научной деятельности субъекта познания в этот период было связано с необходимостью исследования больших систем совершенно нового типа – саморазвивающихся систем. Если в неклассической науке объекты рассматривались с позиций их функционирования, направленного на сохранение своей целостности и устойчивости, то в постнеклассической науке этот ракурс дополняется идеей развития. Развивающиеся объекты характеризуются открытостью, способностью к обмену с внешней средой (веществом, энергией, информацией), обладают системой фиксации «опыта» предшествующих взаимодействий, которые выступают в функции программ поведения системы. Саморазвивающаяся система отличается от саморегулирующихся тем, что со временем может изменить тип саморегуляции, совершив фазовый переход на новый уровень саморегуляции. При этом рвутся старые связи и возникают новые, система входит в полосу динамического хаоса. Явления, сопровождающие фазовые переходы в саморазвивающихся системах, изучаются синергетикой, то есть обладают синергетическими характеристиками (движение от хаоса к порядку, новые сценарии развития в точках бифуркаций [Пригожин, 1986]). «Саморазвивающимся системам, - пишет В.С. Степин, - присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый такой новый уровень оказывает воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность... Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей» [Степин, 2003, с. 7]. Ко всем видам причинностей, присущих простым и саморегулирующимся системам – лапласовский детерминизм, «вероятностная» и «кольцевая» причинности – добавляется «целевая» причинность. При-

чем «целевую» причинность не следует рассматривать как целеположение, связанное, в частности, с образом цели, а как совокупность целесообразных действий, которые определяются сценариями развития, связанными с адаптацией системы к окружающей среде. Что касается категорий пространства и времени, то в саморазвивающихся системах, с переходом на новый уровень саморегуляции, может произойти изменение внутреннего пространства и времени.

Одной из важных особенностей сложных развивающихся систем является исторический характер их существования и развития. В постнеклассической науке исследуются сложные, эволюционирующие, развивающиеся системы и процессы, которые могут быть интерпретированы различными способами. Именно по этой причине можно сказать, что в систему включается субъект наблюдения, наделенный не только органами чувств и приборами (это учитывалось уже в рамках неклассической парадигмы), но и социокультурной, психологической сферами, от которых зависит специфическая активность наблюдателя-участника и, следовательно, особенности эволюции сложной системы.

Исследование сложных, исторически развивающихся систем требует применения междисциплинарного подхода, что «порождает особую ситуацию сращивания в единой системе деятельности теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний, интенсификации прямых и обратных связей между ними» [Степин, 1989, с. 16]. Более того, значимую роль начинают играть цели экономического и политического характера. Наряду с дисциплинарными исследованиями, в которых могут участвовать как отдельные ученые, так и их коллективы, все чаще проводятся междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследований, реализация которых уже требует участия ученых из разных об-

ластей науки. Важно отметить, что при этом «усиливаются процессы взаимодействия принципов и представлений картин реальности, формирующихся в различных науках. Все чаще изменения этих картин происходят не столько под влиянием внутридисциплинарных факторов, сколько путем «парадигмальной прививки» идей, транслируемых из других наук. В этом процессе постепенно стираются жесткие разграничительные линии между картинами реальности, определяющими видение предмета той или иной науки. Они становятся взаимосвязанными и предстают в качестве фрагментов целостной общенаучной картины мира» [Степин, 1989, с. 16].

Среди исторически развивающихся объектов особое место занимают природные комплексы, в которые включен сам человек (медико-биологические объекты, объекты экологии, объекты биотехнологий, системы «человек-машина»). Такие системы были определены как «человеко-размерные». При изучении «человеко-размерных» объектов существенную роль начинают играть гуманистические ценности, определяющие стратегии практического преобразования таких объектов. Поэтому представления об истине в постнеклассической науке относительно и зависят от аксиологических факторов, характерных для данной исторической эпохи. Это приводит к переосмыслению исторической изменчивости «не только онтологических постулатов, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно, развивается и обогащается содержание категорий «теория», «факт», «обоснование», «объяснение» и т.п.» (там же, с. 18).

В постнеклассической науке существенным образом видоизменяется познавательная деятельность субъекта (или субъектов) познания. В.С. Степин отмечает, что «...при теоретико-познавательном описании ситуаций, относящихся к различным типам рациональности, требуется вводить

каждый раз особую идеализацию познающего субъекта ... классическая наука и ее методология абстрагируется от деятельностной природы субъекта, в неклассической эта природа уже выступает в явном виде, в постнеклассической она дополняется идеями социокультурной обусловленности науки и субъекта научной деятельности. При описании познавательных ситуаций постнеклассической науке требуется значительно расширить набор признаков, существенно характеризующих познающий субъект. Он должен не только иметь профессиональные знания, усвоить этос науки, ... не только ориентироваться на неклассические идеалы и нормативы объяснения и описания, обоснования и доказательности знания (относительность объекта к средствам и операциям деятельности), но и осуществлять рефлексию над ценностными основаниями научной деятельности, выраженными в научном этосе. Такого рода рефлексия предполагает соотнесение принципов научного этоса с социальными ценностями, представленными гуманистическими идеалами, и затем введение дополнительных этических обязательств при исследовании и технологическом освоении сложных человекообразных систем» [Степин, 2009, с. 14-15].

Одной из основных причин, изменивших характер научной деятельности, является революция в средствах хранения и получения знаний (компьютеризация науки, появление интернета и т.д.). Меняются способы описания исторически развивающихся систем. Вариабельность поведения таких объектов предполагает применение особых способов описания и предсказания их состояний – построения сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркаций. Как пишет В.С. Степин, «естествознание начинает все шире использовать принцип исторической реконструкции, который выступает особым типом теоретического знания, ранее применявшегося в гуманитарных науках (история,

археология, языкознание и т.д.)» (там же). Постнеклассическая наука основывается на достижениях общей теории систем, теории самоорганизации сложных открытых систем, изучаемых синергетикой [Хакен, 1985] и идей универсального эволюционизма.

Таким образом, трем типам рациональности, возникшим в историческом развитии науки, соответствуют три крупных этапа эволюции науки. Эту же мысль В.С. Степина можно передать и в других понятиях, более близких к психологии субъекта познания: трем типам рациональности, возникшим в историческом развитии науки, соответствуют три типа онтологии ума (как сказал бы М.К. Мамардашвили) или особых состояний сознания, определяющих три крупных этапа познания человеком действительности. [Нагдян, 2009].

Научную деятельность, которая относится к каждому из этапов эволюции науки, схематически можно выразить соотношением «субъект-средства-объект» [Степин, 1989, с. 18]. Приведем краткие характеристики типов рациональности, используя вышеприведенное соотношение в модификациях В.Г. Буданова [Буданов, 2009]. Классический тип рациональности характеризуется соотношением «субъект-средства-(объект)», где в центре внимания только объект, вера в незыблемость открываемых законов и абсолютные истины, полная независимость результатов измерения от субъекта и средств познания. Неклассический тип рациональности характеризуется соотношением «субъект-(средства-объект)», где начинает действовать принцип относительности результата эксперимента по отношению к средствам наблюдения (невозможно устранить влияние акта наблюдения на систему – этим никогда нельзя пренебрегать). Постнеклассическая рациональность учитывает не только знания об объекте и их соотношенность со средствами исследования,

но и ценностно-целевые структуры научной деятельности, что может быть выражено соотношением «(субъект-средства-объект)».

В заключение этого краткого и беглого обзора истории возникновения типов рациональности, отметим, что В.С. Степин при создании своей классификации, прежде всего, имел в виду материальные объекты и системы, изучаемые естественными науками, поэтому возможность применения тех же идеалов, норм и критериев типов рациональности для изучения психических явлений нельзя считать очевидной и доказанной. Тем не менее, проведем анализ истории изменения типов рациональности в психологии восприятия, опираясь на уже известные в психологической литературе источники, что позволит понять причины и особенности ограничения существующей классификации и показать необходимость введения в психологию понятия трансцендентального идеала рациональности.

Классический и неклассический типы рациональности в психологии восприятия: прошлое и современность.

Становлению психологии как самостоятельной науки во второй половине XIX века способствовало решение вопроса об измерении ощущений. Обратим внимание на то, что под исследованием ощущений в середине XIX века, во времена Вебера и Фехнера, понималось именно его «измерение» – одно из основных понятий и процедур исследования, используемых не только в физике, но и в любой другой науке, изучающей природные явления. Психологи этой эпохи стремились построить психологию по образцу естественной науки, оправдавшей себя на практике, и поэтому философия механицизма науки первой половины XIX века была перенесена в сферу исследования душевных явлений.

О методологической направленности психологических исследований того времени Г.И. Челпанов пишет: «Этот ... вопрос (об измерении ощущений – Р.Н.) имеет значение потому, что каждая наука стремится устанавливать факты и формулировать их с наибольшей точностью; наибольшая же точность получается в том случае, если мы можем выразить их количественно, в тех или иных числовых отношениях. Но возможно ли это сделать по отношению к душевным явлениям? Экспериментальная психология пыталась ответить на этот вопрос, рассматривая вопрос об измеримости ощущений» [Челпанов, 2009, с. 94]. То есть ставилась задача выразить ощущение, как одно из свойств психики человека, в конкретных числовых отношениях. Точно так же вопросы измерения ставились в классической физике, когда необходимо было измерить какие-либо свойства материального объекта: массу, величину, скорость, ускорение и т.д. При этом как постулаты принимались следующие предпосылки: объект обладает определенными качествами и свойствами; эти качества и свойства не могут самопроизвольно меняться (кстати, поэтому в физике при математических расчетах оказалось возможным представить покоящийся или движущийся объект в виде математической точки); процедуры измерения заданы раз и навсегда и поэтому не могут влиять на результат измерения; объект независим от наблюдателя и поэтому присутствие наблюдателя также не влияет на результат измерения. В ситуации психофизического измерения действуют те же идеалы и нормы исследования: субъект обладает разными качествами и свойствами восприятия (модальности ощущений, специфические физиологические механизмы, особенности их функционирования); эти качества и свойства неизменны во времени и не могут влиять на результат измерения; на субъекта восприятия действует лишь один переменный фактор воздействующего объекта

(величина, цвет, скорость движения и т.д.), а сам объект и окружающая ситуация не должны влиять на процедуру и результаты измерения.

Таким образом, задача измерения ощущений предполагала упрощенное представление о человеке как о простой системе, воспринимающем механизме, с заранее заданными и неизменными функциями. С другой стороны, как и в физике, психологи стремились в результате обобщения экспериментальных данных получить инварианты измерения и функциональные зависимости между измеряемыми субъективными и объективными переменными, что, по существу, означало принятие идеи лапласовского детерминизма в психологии. Эти поиски увенчались открытием закона Вебера (выражение постоянства отношения между раздражением R и добавочным раздражением dR , вызывающем едва заметное изменение ощущения: $dR/R = \text{const.}$) и построением формулы Фехнера о логарифмической зависимости между ощущением и воздействующим стимулом. Изменив предположение Фехнера о равенстве между едва заметными различиями ощущений и соответствующими им относительными изменениями интенсивности раздражителя, С.С. Стивенс заменяет в дифференциальной формуле Фехнера едва заметное изменение ощущения на его едва заметное *относительное* изменение и получает степенные зависимости. По существу, С.С. Стивенс меняет лишь математическое описание психофизической ситуации, посмотрев с другой точки зрения на соотношения между ощущениями и раздражителями, при этом сама процедура измерения и определяющие ее постулаты классической науки остались прежними: наличие жестких причинно-следственных связей, пассивная позиция наблюдающего субъекта и исключение всего субъективного (несмотря на это, применяемая им процедура измерения получила название субъективного шкалирования).

Как известно, методология психологии восприятия второй половины XIX в. основывалась на философии позитивизма и ассоциационизма, что получило свое конкретное выражение в постулате непосредственности. В соотношении «объект–субъект», которым и описывается постулат непосредственности, опущено среднее звено, обозначенное в аналогичном соотношении В.С. Степина как «средства исследования», что вполне логично, так как в классической парадигме принято считать, что они не влияют на результат исследования. В раннем бихевиоризме это соотношение трансформировалось в «формулу» «стимул-реакция» и употреблялось в контексте метафоры входа и выхода.

Однако, со временем, представления об «идеальном наблюдателе» и «чистых» ощущениях изменились [Асмолов, Михалевская, 1974]: усложнялись объекты и цели исследования восприятия, формировались новые методологические подходы - в соотношении постулата непосредственности между «субъектом» и «объектом» появляются «средние звенья» самого разного содержания.

Позитивистский характер всей классической психофизики вполне определенно подчеркнул известный советский и российский психофизик К.В. Бардин: «Вся психофизика, как классическая, так и современная, желая подчеркнуть *объективность* производимых измерений, традиционно стремилась быть *бессубъективной* наукой» [Бардин, Индлин, 1993, с. 8-9]. Постепенно приходило осознание того, что из области средств измерения невозможно исключить особенности внутренних, психических процессов и состояний воспринимающего субъекта, которые влияют на результат измерения в силу неустойчивости во времени и изменяемости при переходе от одного субъекта к другому. Если психолог-экспериментатор в своих исследованиях использовал, например, тахистоскоп, то, естественно, для

всех испытуемых применялся один и тот же тахистоскоп, и поэтому инструмент не влиял на результаты исследования. Но когда экспериментатор осознает, что неотделимой частью средств измерения являются индивидуальные особенности восприятия самого испытуемого, то задача измерения усложняется, и картина эксперимента кардинально меняется. Экспериментатор на этот раз имеет дело не с простой, а со сложной системой. Для решения таких задач классические идеалы и нормы исследования необходимо дополнить или заменить неклассическими, предназначенными для объяснения нелинейных явлений в функционировании сложных систем, в которых лапласовский детерминизм уступает место «вероятностной» и «кольцевой» причинности - важную роль начинают играть категории потенциально возможного и действительного.

Ряд таких важных методологических понятий, как «психологический факт», «истинность психологического знания», «объяснение» начинают приобретать другой смысл. Поэтому можно сказать, что выход в свет книги К.В. Бардина и Ю.А. Индлина «Начала субъектной психофизики» (1993) положил начало новому, **неклассическому**, этапу развития психофизики. Более частыми становятся исследования, учитывающие активность субъекта при решении психофизических задач и влияние его психологических качеств на результат измерения. Учитываются такие психологические качества наблюдателя, как когнитивные стили [Головина 2002, 2006], [Чекалина, Гусев, 2011]; уверенность при принятии решений [Головина, 2006], [Дубровский, Скотникова, 2006], [Скотникова, 2005], [Шендяпин, Скотникова, Барбанщиков, Тарасов, 2008], [Шендяпин, Скотникова, 2015)]; внимание [Ishii, Kamachi, Motoyoshi, 2015]; память [Шпагонова, 2009]; возможности неосознанного различения [Владыкина, 2007]; состояние неопределенности [Гусев, 2004];

роль сознания [Ворожейкин, Макаров, 2010], [Карпинская, 2006]; значение семантики в психофизическом исследовании [Садов, Шпагонова, 2007].

Расширяется круг психофизических задач: становится возможным ставить и исследовать вопросы психофизики восприятия естественной среды [Носуленко, 2007]. Произошли изменения в категориальном аппарате психофизики – «измерение чистых ощущений» трансформировалось в «решение сенсорных задач» [Асмолов, Михалевская, 1972], [Гусев, 2013], [Уточкин, 2006], [Уточкин, Гусев, 2003] и др., а вместо «наблюдателя» и «субъекта восприятия» стало более адекватным употребление категории «личности» [Емельянова, 2011], [Емельянова, Гусев, 2010].

«Объектная» психофизика уступает место «субъектной» психофизике, так как предмет исследования реального перцептивного события [Барабанщиков, 2002, 2009а] задается не только одномерным объектом восприятия, как в классической психофизике, но и многомерным субъектом, а также особенностями перцептивной ситуации. Объединение и систематизация множества эпизодических и разрозненных экспериментальных данных об активности «наблюдателя» как субъекта и объекта психофизического исследования позволило И.Г. Скотниковой обосновать методологический характер субъектного подхода в психофизике [Скотникова, 2008; 2009], предполагающий интеграцию деятельностной парадигмы с дифференциально-психологической линией исследований [Гусев, 2013].

Таким образом, можно констатировать, что психофизика, как классическая наука, изучающая элементарные акты непосредственно-чувственного восприятия, прошла долгий путь развития – с середины XIX до конца XX века. После чего она плавно перешла в неклассическую стадию своего развития, что наиболее характерно для современной пси-

хофизики. Этот переход был осуществлен благодаря тому, что непосредственно-чувственный процесс восприятия, опосредованный в классической психофизике лишь техническими средствами эксперимента и органами восприятия испытуемого, которые считались постоянными факторами, стал рассматриваться также и как процесс, опосредованный индивидуально-личностными характеристиками наблюдателя, которые оказывают влияние на результаты восприятия (это, действительно, аналогично проблеме измерения в квантовой механике, где существенным становится роль наблюдателя при фиксации результата измерения, что уже не соответствовало логике классической науки, классической рациональности). Современная психофизика развивается по трем направлениям, которые характеризуют ее как неклассическую науку – это субъектный подход (Бардин, Скотникова), дифференциальный (Гостев) и экологический (Носуленко, Барабанщиков), что отражено в сборнике [Психофизика..., 2007] и в монографии В.А. Барабанщикова (2009б).

История исследований процесса восприятия целостных объектов с позиций смены типов рациональности выявляет несколько иную закономерность. Дело в том, что первоначально (имеется в виду середина XIX века, когда начала развиваться психофизика) исследование восприятия целостных объектов проводилось согласно нормам и идеалам классической рациональности. Из классической науки психологами было заимствовано: во-первых, идея о том, что сложный объект состоит из элементарных частей - молекула из атомов, организм из клеток и т.д., сумма которых образует целостный объект; во-вторых, как и в психофизике, исключалось все субъективное и все, что могло относиться к контексту перцептивной ситуации. Другими словами, ставился вопрос не о том, «что воспринимается и что это

такое?»), что касалось содержания и предметности объекта, а ставился вопрос «из чего состоит объект восприятия и как он организован?», то есть вопрос о структуре (из-за чего психологов этого направления и называли структуралистами). В качестве единиц восприятия, составляющих объект, выбирались «чистые» ощущения разных модальностей (получаемые от восприятия абстрагированных психофизических стимулов), которые обнаруживались методом аналитической интроспекции. Для восприятия, как полагали структуралисты, необходимы также образы памяти [Hochberg, 1964], посредством которых происходила идентификация полученного результата. Однако этот психологический фактор в структурализме рассматривался опять же с позиций классической рациональности – как функция, одинаково присущая всем людям и необходимая для осуществления восприятия, но не влияющая на количественные и качественные характеристики результатов, полученных разными субъектами восприятия. Таким образом, в структуралистических теориях процесс восприятия рассматривался механистически, как процесс взаимодействия между пассивным субъектом и объектом, абстрагированным от условий внешней среды, а организация процесса восприятия происходила согласно гипотезе суммации. Постулаты и ограничения структуралистического подхода (гипотеза суммации, постоянная возможность возникновения одних и тех же «чистых» ощущений, наличие образов памяти и др.) были направлены на сохранение действия принципа жесткого детерминизма и получения абсолютных, независимых от субъекта восприятия, сведений об объекте, а это и есть основные требования классической науки.

В начале XX века на совершенно другой мировоззренческой основе формируется гештальтпсихология восприятия. Можно лишь предположить, что в сознании психоло-

гов произошла имплицитная трансформация ньютоново-лапласовской картины мира локализованных объектов в полевую картину мира электродинамики Фарадея-Максвелла, «позволившая» им обнаружить новые объекты и феномены восприятия, для объяснения которых нужен был новый категориальный аппарат и новые методологические принципы. Приведем некоторые примеры соответствия или аналогий между объектами исследований в электродинамике и гештальтпсихологии. Так, например, 1) дуальной природе зарядов и полюсов в электромагнетизме соответствуют фигура-фон и двусмысленные картинки в гештальтпсихологии восприятия; 2) «зрительному полю» (вместо зрительного пространства) соответствует поле электрических зарядов; 3) составляющие зрительное поле элементы, в зависимости от степени структурированности, по аналогии с электромагнитными полями, содержат **потенциальную энергию**, способную совершить перцептивную **работу**; 4) подобно тому, как в электрическом и магнитном полях, при наличии одноименных или разноименных зарядов и полюсов, могут возникать силы притяжения и отталкивания, в зрительном поле между соответствующими его элементами могут возникать связывающие и сдерживающие **силы** [Koffka, 1935; Kohler, 1940].

Методологическим объяснительным принципом в гештальтпсихологии восприятия является принцип изоморфизма, которым связываются три ряда явлений: стимульное зрительное поле, зрительное поле, «локализованное» в мозговой ткани нервной системы, и феномены восприятия зрительного поля, соответствующие (изоморфные) процессам, происходящим в мозговой ткани. Раскрывая смысл этой связи, К. Коффка (1935) пишет: «...давайте думать о физиологических процессах не как о молекулярных, а как о молярных феноменах. Если мы сделаем это, все трудности

старой теории исчезнут. Ибо молярные свойства физиологических процессов будут теми же, что и свойства процессов сознания, основой которого они являются» [цит. по: Osgood, 1953]. Следовательно, все динамические и энергетические характеристики феноменов восприятия определяются динамикой соответствующих физиологических процессов, структурная организация которых изоморфно повторяет структуру стимульного зрительного поля. Кстати, заметим, что о возможности действия принципа изоморфизма в более общей форме говорит и Н.И. Чуприкова при анализе процесса психического отражения, который представляется как «...воспроизведение, воссоздание внешних объектов, построение их копий в материале мозгового субстрата, включая самую суть его как живого вещества - клеточный метаболизм» [Чуприкова, 1977, с.46], и ниже «... построение в их собственном материале, из самих себя копий того мира, который окружает живое существо...» (там же, с.50). В своей работе автор [Чуприкова, 1977] не упоминает о принципе изоморфизма, но ее методологический подход к решению проблемы психофизиологического параллелизма в общем виде совпадает с моделью соответствия (изоморфизма) между физическими, физиологическими и психологическими явлениями, которая была предложена гештальтпсихологами.

Определение типа рациональности, которому соответствуют исследования процесса восприятия в гештальтпсихологии, приводит к выявлению внутреннего противоречия. С одной стороны, если рассматривать исследование процесса восприятия с позиции принципа изоморфизма, то оно вполне укладывается в рамки классической рациональности - в таком случае субъекта восприятия можно рассматривать как систему, функционирующую согласно постулатам гештальтпсихологии, где за все ответственны

физиологические процессы и все субъективное выносятся за скобки. Отрицается даже такой, казалось бы, необходимый для восприятия двусмысленных картинок, феномен, как внимание. По мнению некоторых психологов, фактор внимания предполагает существование в зрительном поле двух фигур, одна из которых находится на гребне внимания, а другая находится на ее периферии и воспринимается как фон. Выступая против такой интерпретации (Титченера), К. Коффка пишет: «Заключать же о том, как выглядит нечто, когда оно вовсе не наблюдаемо, отправляясь лишь от факта наблюдения этого нечто в момент, когда оно находится на гребне волны внимания, значит принимать гипотезу констант и окончательно отказываться от всяких попыток фактического подтверждения своих положений» [Koffka, 1922; цит. по: Психология..., 2009, с. 109]. И далее: «Мы видели, как понятие внимания мешает признанию и чистому описанию очевидных феноменальных различий» (там же). Эту же перцептивную ситуацию гештальтпсихологи комментируют несколько иначе: когда фигура становится фоном, она просто перестает существовать и не остается «потенциальной» фигурой, находящейся на периферии внимания. Поэтому К. Коффка предпочитает говорить не о внимании, а о «центре» или «центре сознания» (там же, с.110). Однако, с другой стороны, есть основания полагать, что гештальтпсихологическая теория восприятия соответствует неклассическому типу рациональности. Это проявляется в том, что как бы ни старались гештальтпсихологи освободиться от влияния субъективного фактора, влияющего на результаты исследования, этот фактор, тем не менее, существует и включен в процедуру исследования. Речь идет о самом акте наблюдения. Особенно наглядно это видно на примере восприятия двусмысленных картинок: до акта наблюдения бессмысленно говорить о том, что именно является в этой

картинке фигурой, а что фоном. Соотношение фигуры и фона, то есть конкретный осознанный объект восприятия, появляется (возникает, порождается) лишь во время восприятия. У другого субъекта (или у того же субъекта, но в другой момент времени) в той же перцептивной ситуации может возникнуть инверсионное восприятие соотношения фигуры и фона. А это уже говорит о том, что для таких случаев результат восприятия детерминирован вероятностной причинностью [об этом см.: Супрун, Янова, Носов, 2010], зависимой от состояния сознания воспринимающего (или, выражаясь языком Коффки, от того, что находится в центре сознания).

Следовательно, мы имеем неклассическую ситуацию исследования, когда результат наблюдения (восприятия) зависит от наблюдателя, что выводит обсуждаемую ситуацию за пределы постулатов, детерминант и предпосылок исследования классической науки. В приведенном примере читатель без труда обнаружит аналогию с проблемой измерения в квантовой механике, которую невозможно было разрешить без учета роли сознания физика-наблюдателя в момент фиксации результата эксперимента (а принцип суперпозиции – одновременное существование всех возможных состояний элементарной частицы – согласуется с «суперпозицией» в двусмысленных картинках двух фигур, потенциально возможных для восприятия). Как известно, этот факт и послужил основанием полагать, что физики для исследования объектов принципиально нового типа должны были сформировать новый, неклассический, образ мышления (Бор, Гейзенберг, Паули, Шредингер и др.) и тем самым преобразовать квантовую физику в неклассическую науку.

В современной гештальтпсихологии восприятия тенденция неклассического подхода к исследованию процесса восприятия значительно усилилась. В обзорной работе,

посвященной 100-летию опубликования статьи В. Вертгеймера о фи-движении, авторы [Wagemans, Elder, Kubovy, Palmer, Peterson, Singh, Vonder Heydt, 2012] анализируют работы, в которых при восприятии этого феномена учитываются: прошлый опыт, внимание, зависимость от восприятия глубины, работа нейронных механизмов, участвующих в контурной группировке и т.д.

В психологии вопрос перехода от классического типа научной рациональности к неклассическому и постнеклассическому обсуждался в работах многих исследователей. По мнению Д.А. Леонтьева, психология стала превращаться в неклассическую науку, во многом, в связи с открытиями 20-30-х годов прошлого столетия К. Левина, А.Адлера, Л. Бинсвангера – на Западе, Л.С. Выготского и М.М. Бахтина – в России [Леонтьев, 2005]. Этому переходу в России способствовали поиски опосредующего звена в классическом соотношении «объект-субъект», направленные на преодоление постулата непосредственности. При этом предполагалось, что от содержания этого субъектного опосредующего звена во многом зависят результаты психологических исследований. Это предположение подтверждается исследованиями культурно-исторических корней развития высших психических функций Л.С. Выготского, психологии установки Д.Н. Узнадзе, физиологии активности Н.А. Бернштейна, деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна. А за последние 15 лет появилось еще большее количество методологических исследований, посвященных обсуждению особенностей возникновения в разных областях психологии новых подходов к выбору объектов и методов исследования в контексте разных типов рациональности [Асмолов, 2002], [Василюк, 2003], [Гусельцева, 2005, 2009], [Зинченко, 2006], [Знаков, 2007], [Соколова, 2007, 2011], [Клочко, 2007, 2008], [Корни-

лова, Смирнов, 2011], [Зинченко, 2011], [Зинченко, Первичко, 2012], [Мазилев, 2014], [Кубарев, 2015].

Особенности перехода от классической рациональности к неклассической в современной психологии восприятия подробно описаны в работе В.А. Барабанщикова [Барабанщиков, 2009а].

В последние десятилетия в методологии психологии восприятия возникло новое направление, названное онтологическим, претендующее на замену существующего гносеологического (классического) подхода [Панов, 2014], [Шукова, 2013]. Как выше уже было отмечено, гносеологический (классический) подход осуществлялся в рамках соотношения «объект-субъект», где в конкретно-психологических исследованиях, в большинстве случаев, изучалось восприятие не самого объекта, а одного из его свойств (величина, форма, цвет, объем, удаленность, движение и т.д.), а место субъекта, отражающего это свойство, занимал образ. То есть, с одной стороны, брался «одномерный» объект, «за скобки» выводились его целостность и взаимосвязи с другими объектами, а, с другой стороны, не учитывались личностные качества субъекта восприятия как носителя эмоциональных переживаний, ценностных ориентаций, стереотипов мышления и т.д. Другой аспект ограниченности гносеологического подхода состоит в том, что вне внимания исследователей оставался процесс порождения, трансформирующий объект в образ, а вместо этого исследовались соотношения между изменениями количественных характеристик исследуемого свойства объекта или условий восприятия и изменениями его образа. Соответственно этому и выбирались методы экспериментального исследования и анализа полученных результатов. Таким образом, ограничения гносеологического подхода проявлялись: в выборе «одномерного» объекта исследования, в отрыве от многообразия внешних

условий, в пассивности («зеркальности») субъекта отражения без учета многообразия его внутреннего мира.

На эти ограничения и обратили внимание сторонники онтологического подхода, лидером которого является В.А. Барабанщиков.

В онтологическом подходе, согласно В.А. Барабанщикову, «восприятие рассматривается не просто как образ действительности в его отношении к самой действительности (гносеологический подход), а как порождение образа, протекающее в единстве внешних и внутренних условий его существования» [Барабанщиков, 2009а, с. 81]. Соответственно этой методологической установке исходным пунктом анализа восприятия оказывается не отображение объекта, то есть образ, «а взаимоотношение человека, с миром, субъекта с объектом» (там же, с. 88). Причем, в этом новом понимании соотношения «субъект-объект» происходит смещение феномена восприятия (образа) на субъект, который выступает как многомерное целое со своими задатками, способностями восприятия, направленностью личности и черт характера и т.д. (там же, с. 89). Все это обуславливает потенциальный план восприятия и определяет онтологическое содержание и понятие субъекта. Такое понимание субъекта приводит, соответственно, к новому пониманию объекта. Традиционное понятие объекта-вещи (или элемента среды) сменяется понятием объекта-ситуации, где «ситуация характеризует способ объединения разнонаправленных «сил» и потенциалов в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежит человеку» (там же, с. 91).

Для уточнения смысла нововведения В.А. Барабанщикова обратимся к философскому определению ситуации, данному С.Л. Рубинштейном (для удобства читателя повторим эту часть из раздела 2.3): «Всякая ситуация по са-

тому существу своему проблема. Отсюда – постоянный выход человека за пределы ситуации, и сама ситуация есть становление. Становление, или становящееся, соотносено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим и выводящим за ее пределы; это внешнее по отношению к ситуации связано с внутренним по отношению к человеку» [Рубинштейн, 1976, с. 338]. Кроме того, «онтологичность» объекта-ситуации определяется тем, что в лабораторных исследованиях должны быть учтены не только физические и экологические, но и социальные, и культурные условия, обуславливающие реальные способы жизни и деятельности человека [Барабанщиков, 2009а, с. 92]. В отличие от объекта-вещи, объект-ситуация, выступающий в виде констелляций разнородных событий как система детерминант, – динамичен и продолжает разворачиваться и формироваться перед воспринимающим в ходе восприятия, «поэтому до завершения перцептивного процесса определить объект-ситуацию в полном объеме невозможно» (там же, с. 91). С другой стороны, так как разворачивание и формирование объекта-ситуации происходят не само по себе, а под влиянием и, соответственно, по внутренним условиям субъекта, то получается, что «субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему» (там же). При таком подходе объект и субъект не разобщены, не противопоставлены – что характерно для классических теорий восприятия, – а представляют собой противоположные полюса одного целого. Возможно, именно это имеет в виду В.А. Барабанщиков, когда пишет: «Объект и его образ оказываются полярностями одного и того же целого, а процесс восприятия открывается не только как отражение бытия, но и как его порождение» (там же.с. 97). Таким образом, все составляющие перцептивного явления

объединяются в одно системное целое. Это позволило автору всю совокупность предпосылок и детерминант, причин и следствий, взаимовлияний и воздействий, относящихся и определяющих процесс восприятия в акте бытия, сконцентрировать в центральном понятии онтологической концепции – перцептивном событии (ранее нами был проведен анализ преимуществ и ограничений онтологического подхода [Нагдян, 2015]).

Свое исследование В.А. Барабанщиков обобщает следующими выводами: «Развитие онтологического подхода в психологии радикально изменяет предмет и метод исследования чувственного восприятия. Процесс восприятия «приобретает лицо», становится личностным (альтернатива изучению восприятия как абстрактной функции). В содержание объекта восприятия включается спектр реальных событий действительности, как природных, так и социальных (альтернатива эмпирическому, или абстрактно-логическому, объекту восприятия: телу, абстрактному пространству, времени, движению). Вводится объективный посредник феноменов восприятия и воспринимаемой действительности, обуславливающий возможность объективного исследования перцепции (альтернатива феноменологическому и бихевиоральному подходам). Восприятие рассматривается в системе других психических явлений (альтернатива изучению психических процессов в их изолированности друг от друга). Само восприятие выступает как многомерное, многоуровневое, развивающееся целое (альтернатива механистическому, с одной стороны, и холистскому – с другой). Основной формой детерминации перцептивных явлений становится системный детерминизм [Ломов, 1984] (альтернатива причинно-следственным отношениям лапласова детерминизма)» [Барабанщиков, 2009а, с. 99].

Приведенные выше выводы, имеющие методологическое значение для психологии восприятия, соответствуют идеалам и нормам неклассической рациональности, что характерно для образа мышления большинства исследователей в современной психологической науке. Следуя положениям онтологического подхода, В.А. Барабанщиков и его сотрудники провели большой цикл экспериментальных исследований, посвященных изучению восприятия экспрессий лица человека [Барабанщиков, 2012; Лицо..., 2012].

Формирование постнеклассической рациональности в современной психологии восприятия.

Как выше было отмечено, постнеклассическая парадигма состоит из трех основных частей: термодинамики неравновесных, нелинейных открытых систем, общей теории систем и идеи универсального эволюционизма, - что отражает новое видение мира, в основании которого лежат следующие философские идеи: единство Вселенной (заключается в том, что на всех уровнях организации действуют общие законы); системное видение в противовес механистическому пониманию мира; синтез детерминизма, многовариантности и случайности; отказ от концепции редуccionизма; нахождение изоморфных законов в различных областях.

Выявление и раскрытие в философии науки содержания постнеклассических идеалов и норм исследования, позволило по-новому взглянуть на организацию и функционирование процесса восприятия и увидеть в них черты сложной, открытой, развивающейся системы, увидеть «старую» проблему восприятия в совершенно новой «оптике» постнеклассической рациональности. Новое понимание процесса восприятия, как и других когнитивных

процессов, связывалось с понятиями синергетики – науки, изучающей сложные неравновесные динамические системы. Такой подход позволил включить в систему изучения перцептивных процессов исследование мозга на нейронном уровне, где, как в нелинейной диссипативной среде, могли происходить циклические превращения хаоса в порядок и обратно, которые определяются существованием соответствующих аттракторов и переходами через многочисленные точки бифуркации, создающие сценарии развития системы. В качестве примера укажем на одно из многочисленных экспериментальных исследований, проведенных У.Дж. Фриманом, с учетом допущений и предположений синергетики [Фриман, 2004]. В данной работе, посвященной изучению нейронной активности в обонятельном бугре, в частности, «обсуждается развитие сложной системы через бифуркации в процессе обучения и через формирование классов путем обобщений, а также ее способность к переходам между состояниями и роль хаоса в конструировании новых аттракторов в коре больших полушарий головного мозга как базиса сознания» [Фриман, 2004, с. 14]. В статье рассматривается также вопрос об образовании нейронных механизмов «целевой причинности» в мозговых структурах перцептивной системы, которые автор обозначил как «предвидение».

С другой стороны, постепенно формирующийся постнеклассический образ мышления исследователей превращает современную когнитивную науку, частью которой является и психология восприятия [Величковский, 2006], в междисциплинарное направление научных исследований, «охватывающее все те научные дисциплины, которые изучают человеческое сознание (humanmind) и его нейрофизиологическую основу – мозг – во всех их проявлениях» [Князева, 2004, с.29]. Когнитивная наука использует, согласно

Е.Н. Князевой, результаты исследований таких наук, как эволюционная биология, нейрофизиология, психология, психоанализ и психотерапия, философия и, прежде всего, эволюционная эпистемология, нейролингвистика, информатика (там же, с. 29-30).

На основе постнеклассического мировоззрения и синергетики И.В. Мелик-Гайказян была создана оригинальная теория восприятия визуальной информации. Согласно информационно-синергетической концепции, разработанной И.В. Мелик-Гайказян (1998; 2001), «рецепторная система – диссипативная система, способная самопроизвольно повышать уровень своей упорядоченности», а «рецепция информации есть необратимый, неравновесный процесс» [Мелик-Гайказян, 1998, с. 52]. И далее: «На стадии рецепции созданная информация воспринимается неравновесной материальной средой, способной создавать асимметричные структуры, отбираемые с помощью соответствующих правил (законы сохранения, термодинамики), естественного отбора, отбора разумными элементами (людьми или созданными людьми устройствами). Поэтому понятие об информации на стадии ее рецепции ассоциируется с образованием структур, созданием порядка из беспорядка» (там же). Как видно из вышеприведенной цитаты, И.В. Мелик-Гайказян придает особое значение асимметричным структурам, которые создаются неравновесной материальной средой, предназначенной для рецепции информации. Эта особенность неравновесной материальной среды может служить предпосылкой образования анизотропных отношений, что в системе категорий трансцендентальной психологии восприятия А.И. Мирякина (1999; 2004) эксплицируется как один из основных принципов порождающего процесса восприятия. Однако предположение о способности неравновесной материаль-

ной среды к созданию асимметричных структур и, в связи с этим, возможности образования анизотропных отношений, как принципа порождения нового явления, нуждается в дополнительной теоретической разработке.

М.С. Кухта, приняв за основу фундаментальные положения постнеклассической парадигмы и, в частности, информационно-синергетическую концепцию И.В. Мелик-Гайказян, а также применив междисциплинарный подход к исследованию восприятия визуальной информации как многомерного явления, дает свою схему основных направлений исследования восприятия в постнеклассической парадигме (см. рис. 1). По мнению автора, «методологический орнамент междисциплинарного исследования составляют:

- теория архетипов коллективного бессознательного как врожденных моделей организации опыта, «направляющих» процессы восприятия;
- разработки немецкой школы целостной психологии, раскрывающие процессы формирования и восприятия гештальта;
- нейрофизиологическая концепция Ю. Конорски, выявляющая гностические зоны мозга и механизмы формирования унитарных восприятий ([Konorski, 1967] – Р.Н.);
- модели нейропарадигм, позволяющие понять, как происходит выделение объекта из фона, т.е. как формируется первый этап осознания образа, и исследовать механизм ассоциативной памяти (модель Хопфильда-Гроссберга) ([Hopfield, 1982] – Р.Н.);
- теория динамических стереотипов, выявляющая специфику информационных отпечатков реальности (К. Судаков) ([Судаков, 2002] – Р.Н.);

- исследование феномена синестезии (В. Кандинский) ([Кандинский, 1992] – Р.Н.) и концепция перцептивных универсалий (А. Артемьева) ([Артемьева, 1977] – Р.Н.), раскрывающие внемодальные константные структуры восприятия» [Кухта, 2004, с. 113].

В.С. Степин указывал на связь между типом рациональности и степенью сложности исследуемого объекта. Эта связь наблюдается и в приведенной схеме (рис.1) – процесс восприятия в настоящее время представляется настолько сложным, что его исследование не укладывается в рамки неклассической парадигмы, которая реализуется в кругу психологических наук, и требуется выход за пределы собственно психологии в области других наук. Сложность процесса восприятия сочетается со сложностью воспринимаемых объектов, место которых в исследованиях М.С. Кухта занимали иконические символы – образцы бронзовой металлопластики – предметы культуры древнего Кулая (Западная Сибирь), сочетающие в себе изобразительный компонент и смысловую многозначность.

Можно дискутировать о степени полноты «методологического орнамента», приведенного в схеме, однако принципиально важным является сам факт появления в современной психологии подобной модели процесса восприятия вместе с системой методов его междисциплинарного исследования, соответствующих постнеклассическому образу мышления и видения мира.

Рис. 1. Основные направления исследования перцепции в постнеклассической парадигме [Кухта, 2004, с. 53].

Таким образом, анализ исследований М.С. Кухта позволяет выделить три основные линии развития постнеклассической парадигмы психологии восприятия. Первая – учет достижений современной науки, особенно, в области физики и химии (Хакен, Пригожин), которые дают современное представление об особенностях протекания процессов и

возникновения системной организации объектов мира (современная синергетическая картина мира, идея движения от хаоса к порядку и т.д.); вторая – усложнение представлений о предпосылках и детерминантах перцептивного процесса, предполагающее возможность синтеза таких, казалось бы, несочетающихся областей психологического знания как, например, гештальтпсихология и теория архетипов К.Г. Юнга; и, наконец, – усложнение объектов восприятия: от единичных и независимых от воспринимающего свойств объектов в психофизике (классика) к более сложным объектам, восприятие качеств и структурной организации которых зависит от определенных субъектных характеристик воспринимающего, примером чего могут служить эксперименты В.А. Барабанщикова и его сотрудников по восприятию экспрессий лица (неклассика), и далее – к еще более сложным объектам, восприятие которых зависит не только от отдельных субъектных качеств воспринимающего и методов исследования процесса восприятия, но также содержит в себе многомерность смыслов, контекстов, интерпретаций и ценностных ориентаций, с учетом глубинных свойств эволюционирующей психики (постнеклассика), что отмечается, например, при восприятии произведений искусства – живописи, скульптуры, архитектуры и т.д.

Совершенно иного рода постнеклассическую «задачу» поставила перед собой Н.А. Первушина. Проблема состояла в том, что в рамках одной и той же среды визуальной информации (автор, в частности, имеет в виду богатую коллекцию экспонатов музея Kelvingrove в Глазго) у разных людей возможно проявление разных типов восприятия. В связи с этим возникает необходимость классификации соответствующих концепций восприятия визуальной информации. Известно множество попыток создания подобных классификаций. Так, например, датский психолог Б. Функ,

основываясь на своих экспериментальных и теоретических исследованиях, выделяет пять типов восприятия живописи: эстетическое удовольствие (соответствует представлениям психофизического подхода), понимание искусства (модели когнитивного подхода), эмоциональное восприятие (теории экспрессии и эмпатии), эстетическая фасцинация (модели психоаналитического подхода), эстетическое переживание (экзистенциально-феноменологический подход) [Funch, 1997]. Свои классификации предложили и российские психологи [Торшилова, Дукаревич, 1978], [Дадамян, Дондурей, Невлер, 1979], [Белоногова, Леонтьев, 2001]. Однако, как было показано Н.А. Первушиной, «в отдельной психологической теории восприятия акцентируется не вся целостность процесса, а некая его грань» [Первушина, 2014, с. 95], поэтому встает вопрос о создании такой теории, «которая рассматривала бы процесс восприятия целостно и позволяла объяснить возможность сочетания различных подходов в одной среде и определить границы их применимости» (там же). Эта задача, по мнению Н.А. Первушиной, может быть решена в рамках информационно-синергетического подхода И.В. Мелик-Гайказян (1998, 2001, 2012), о котором уже говорилось выше. Автор полагает, что «информационно-синергетический подход к исследованию восприятия обладает эвристическим потенциалом в силу того, что позволяет исследовать процессы восприятия на новом уровне, а именно: сложный феномен информации рассматривается как целостный информационный процесс, содержащий отдельные стадии (генерации, кодирования, хранения, передачи информации, построения оператора для целенаправленных действий и редупликации); четыре вида информации – синергетическая, генетическая, поведенческая, логическая – выявляются в связи с идеей универсальной эволюции. Суть подхода к исследуемому предмету составляет взаимосвязь

трёх положений: феномен информации есть необратимый во времени процесс; начало процесса есть случайный результат спонтанного события; информационные процессы суть механизмы самоорганизации сложных открытых систем» [Первушина, 2014, с. 96]. Таким образом, в работах исследователей из Томска И.В. Мелик-Гайказян, М.С. Кухта и Н.А. Первушиной сделаны первые попытки применения постнеклассического подхода к решению проблем психологии восприятия.

3.2. Формирование трансцендентального идеала рациональности в современной психологии

В предыдущем разделе была подробно исследована эволюция типов научной рациональности в истории развития психологии восприятия. Из всего вышеприведенного следует, что в настоящее время неклассический период развития психологии восприятия постепенно переходит в свою постнеклассическую фазу, создавая в современной психологии восприятия ситуацию сосуществования трех типов рациональности. Но это первые шаги и многое еще предстоит сделать для уточнения статуса постнеклассической парадигмы в психологии восприятия: нет достаточной четкости в определении предмета и метода исследования перцептивных явлений в этой парадигме.

Вместе с тем, следует также отметить, что подход к психологии восприятия с позиций типов научной рациональности имеет и свои ограничения, что свидетельствует о том, что анализируемая классификация типов научной рациональности является неполной. Дело в том, что, как было указано в первой части этой главы, научную деятельность, которая относится к каждому из этапов эволюции науки и психологии восприятия, в частности, можно выразить

схематическим соотношением «субъект-средства-объект» [Степин, 1989, с. 18]. Здесь, согласно интерпретации В.Г. Буданова [Буданов, 2009], когда вектор внимания исследователя сосредоточен на объекте, то это соответствует классической рациональности; на средствах и объекте – неклассической рациональности; а подход с учетом всех трех компонентов соотношения соответствует постнеклассической рациональности. Однако, как будет показано ниже, существующий в настоящее время в психологии восприятия трансцендентальный подход не вписывается в рамки вышеприведенного соотношения В.С. Степина.

Начнем с истории появления трансцендентального подхода к изучению принципов процесса восприятия. Датой основания трансцендентальной психологии восприятия можно считать 1987 год, когда в Психологическом институте РАО состоялась защита докторской диссертации «Константность и полифункциональность восприятия» А.И. Миракяна [Миракян, 1987]. В этой работе впервые была изложена методология афизикального (трансцендентального [Миракян, 1995]) подхода к изучению принципов порождающего процесса восприятия. Чтобы осветить разницу методологических позиций традиционной и трансцендентальной психологий восприятия обратимся к анализу их исходных постулатов.

Как уже было показано выше, традиционная психология восприятия формировалась на основе классической рациональности и была направлена на решение вопроса: «Как человек воспринимает (отражает) окружающую действительность?». При такой, на первый взгляд, естественной, постановке вопроса априори (по умолчанию) принимались следующие предпосылки исследования:

1. Есть субъект и окружающий его мир. Они взаимодействуют.

2. Мир и объекты, существующие в нем, не зависят от субъекта.
3. Объекты обладают множеством свойств внутри каждой модальности восприятия, которые также независимы от воспринимающего их субъекта. Восприятие может внести свои искажения, но искажаются свойства объекта, существующие объективно и независимо от человека.
4. Объект одновременно обладает множеством свойств, но невозможно исследовать все свойства объекта одновременно.

Приведенные выше предпосылки исследования процесса восприятия казались настолько естественными, что принимались как постулаты, не требующие теоретического анализа и эмпирических доказательств.

Постепенное формирование неклассической рациональности, с начала XX века по настоящее время, привело к осознанию необходимости введения в соотношение классической рациональности «объект-субъект» опосредующих звеньев для восстановления полноты, целостности и объективности исследования. Эти нововведения осуществлялись на самых разных уровнях исследования процесса восприятия: физическом (сюда могут быть включены приборы, ситуация исследования и окружающая среда), физиологическом (физиологические и химические процессы в нервной системе, нейронные сети и отдельные нейроны-датчики), психологическом (субъектные свойства личности). Постнеклассическая рациональность была направлена на познание сверхсложных развивающихся систем-объектов, например, мозга человека, а в субъекте-исследователе важными оказались такие качества личности как мотивация и ценности, по причине чего проводимые в постнеклассической парадигме исследования приобретали общечеловеческое и

цивилизационное значение. Однако при всем этом прогрессе в исследовании процесса восприятия в классической, неклассической и постнеклассической рациональности в схеме В.С. Степина крайние составляющие, то есть «объект» и «субъект», сохраняются. А это означает, что исследования, проведенные в русле этих типов рациональностей, предполагают изучение процесса восприятия, в котором объект со своими свойствами и субъект со своей физиологией и психическими качествами даны в уже отраженном виде. Именно по этой причине от внимания исследователей ускользал завершившийся в продукте процесс порождения образа воспринимаемых объектов и других когнитивных феноменов. В итоге, это обстоятельство приводило к ограничению возможностей выявления универсальных принципов процесса восприятия, способных объединить и объяснить существующую в традиционной психологии бесконечно разнообразную мозаику результатов перцептивных исследований, а следствием оказалось то, что одна психологическая теория восприятия безуспешно сменяла другую, и ни одна из них не охватывала всю целостность процесса, а акцентировала некую его грань.

Сказанное относится не только к психологии восприятия, но и к психологии в целом, что констатировал В.М. Аллахвердов, указывая, в качестве причины, на то, что «все до сих пор созданные концепции психики содержат какой-то общий порок. Поэтому следует найти то общее, что содержится во всех психологических концепциях, и попробовать от него отказаться» [Аллахвердов, 1993, с. 11].

На пути к переосмыслению проблемы изучения процесса психического отражения А.И. Миракян (1987, 1992) исследовал причины, ограничивающие возможности его изучения, и пришел к выводу, что эти причины кроются в глубоко эмпирическом мышлении человека, функциониру-

ющем в пространстве продуктов психического отражения, через которые и определяется разделение объекта (психических феноменов) и субъекта (исследователя), свойственная классическому, неклассическому и постнеклассическому образам мышления. Ограниченность этих типов мышления состоит в том, что они позволяют определить лишь характер отношений между психическими феноменами, но не позволяют проникнуть в неосознаваемый процесс их порождения и выявить его принципы. Этого также невозможно достигнуть, если в качестве исходных данных исследования принципов порождающего процесса восприятия будут использованы эмпирически наблюдаемые свойства объекта, что характерно для всех обсуждаемых типов рациональности.

Следовательно, возникает важная методологическая проблема преодоления ограниченности продуктного (физикалистского) подхода (что, в свою очередь, привело к необходимости проведения философского анализа ограничивающих причин) и построению, на его основе, такой картины мира, в которой реализуются принципы, определяющие возможности возникновения психических феноменов. Однако методологически ошибочным будет подходить к решению данной проблемы, опираясь на понятия, относящиеся к свойствам объектов, а значит, необходимо применение нового «безобъектного» образа мышления.

Такой анализ, как мы уже указывали в работе [Психология восприятия..., 2017, с 11,] начинается с вопроса: «Как должен быть устроен мир, в котором (в ходе эволюции) возможно порождение психического?». Этот вопрос основан на нескольких постулатах:

1) материальный мир предшествует появлению психического (имеется в виду тот период развития мира, когда не было ни психики, ни субъекта отражения как живого существа);

2) мир (в целом) и принципы его развития (в частности, порождение нового) не даны нам непосредственно (поэтому представления о них могут быть получены на основе априорных рассуждений, относящихся к конкретному разделу философии – метафизике, частью которой является метафизика бытия или онтология);

3) принципы развития и порождения нового вечны и неизменны, а наши эмпирические представления о них относительны (поэтому они, существовавшие в начале эволюции, действуют и сейчас, имплицитно многолико проявляясь и приобретая определенные черты-характеристики в структурно-процессуальной организации физических, биологических и физиологических механизмов органов восприятия и в соответствующих им продуктах психического отражения) (там же).

Представленные выше системы постулатов коренным образом отличаются друг от друга, потому что описывают совершенно разные картины мира, разные реальности, поэтому созданные на их основе теоретические конструкции (методология, теории, концепции и т.д.), действительно, будут относиться к разным парадигмам, обладающим разными методологическими ресурсами объяснения одних и тех же психологических явлений (что очень напоминает переход от механики классической физики к квантовой механике).

Вновь обратимся к известным типам научной рациональности. В предыдущем разделе мы уже подчеркивали, что если, например, в неклассической науке объекты рассматривались с позиций их функционирования, направленного на сохранение своей целостности и устойчивости, а в постнеклассической науке этот ракурс дополняется идеей развития, то можно заметить, что эти типы рациональности не предназначены для решения задач, связанных с изучени-

ем принципов порождения систем-объектов, и наличие этих принципов не обнаруживается в процессе непосредственного восприятия объектов, в которых процесс порождения уже завершен.

Таким образом, исследование процесса восприятия, начинающееся с изучения перцептивных феноменов, не может привести к обнаружению порождающих их принципов. А в соотношении «субъект-средства-объект» субъект и объект изначально заданы в уже готовом, завершенном виде посредством системы соответствующих психологических понятий и категорий. Обратный ход к порождающим их процессам в такой схеме не предусмотрен и невозможен.

Для выхода за пределы этой ограничивающей исследовательские возможности схемы необходимо совершить трансцендентальный переход в ту область реальности, которая предшествует порожденной реальности психических феноменов. Характеризуя предполагаемую область трансцендентальной реальности, А.И. Миракян пишет: «По отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще нереализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие материальных форм материи предстает в нерасчлененном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. *Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образоваться, т.е. породиться в процессе отражения* (выделено нами - Р.Н.), который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватности функционирования живой системы в окружающей среде» [Миракян,

1992, с. 39-40]. В приведенной цитате проявляются коннотации нового образа мышления, благодаря которому создаются наши представления об области трансцендентального перехода. Во-первых, в реальности, относящейся к области «еще нереализованной возможности отражения», то есть в реальности, существующей до отражения, нет объектов с их свойствами, а есть материальные формы, составляющие нерасчлененную глобальность. Во-вторых, объекты и их свойства появляются как продукты процесса формопорождения, то есть уже как психические явления, показывая этим, что реальность, воспринимаемая человеком, есть не что иное, как порожденные им же самим образы, ощущения, представления и т.д. В-третьих, заметим, что речь идет не об отражении, а о формопорождении, чем подчеркивается мысль о порождении нового, не имеющего сходства (аналога, копии, подобия и, тем более, тождества) с «отражаемым», что снимает вопрос об адекватности отражения действительности.

Проблема изменения образа мышления в трансцендентальной психологии подробно исследована в работе С.Л. Артеменкова [Артеменков, 2010], в которой автор выделяет три предпосылки нового подхода, указанные А.И. Миракяном.

1. «Вместо исходного представления о процессе отражения, как о процессе, происходящем между объектом и субъектом в форме их наличного взаимодействия... чувственное отражение рассматривается как явление, порожденное в процессе образования материей природных и живых форм и имеющее качественно новые проявления тех же закономерностей, которые свойственны процессу развития материи...».

2. «Чтобы понять содержание чувственного отражения и те фундаментальные принципы, действие которых приводит к осознаваемым человеком продуктам отражения, не-

обходимо отвлечься от наличной формы взаимодействия между объектом и субъектом и рассмотреть эту форму взаимодействия посредством гипотетически предполагаемых возможных принципов... с учетом того, что форма взаимодействия, приводящая к субъективному отражению, функциональна по своей природе и, что главное, в этом взаимодействии объект выступает как носитель всевозможных свойств и отношений с другими объектами и с самим субъектом, а субъект выступает как носитель возможности преодоления универсальности объекта».

3. «С этой точки зрения первым необходимым условием совершения акта отражения... полагается возможность образования отражательной системой отношений между различными свойствами объектов посредством собственных анизотропно-асимметричных анатомио-физиологических структур» [Артеменков, 2010, с. 333].

Таким образом, подход, предложенный А.И. Миракяном для решения трансцендентальной проблемы, по сути, противоположен физикальному, используемому в естественных науках, относительно которых исследования, проведенные в рамках соотношения «субъект-средства-объект», не приводят к противоречиям. Вышесказанное требует более детального анализа предпосылок формирования трансцендентального образа мышления.

Трансцендентальное рассмотрение явлений психики и сознания, по А.И. Миракяну, «заключается в том, что по возможности максимально исключается эмпирический способ мышления... и таким образом осуществляется выход за пределы данностей мышления и сознания [Миракян, 2004б, с. 125]. Такая трактовка трансцендентального позволяла А.И. Миракяну, во-первых, провести сравнительный анализ своего (афизикального) образа мышления с образом мышления Р. Декарта, который также отрицал эмпиризм как

методологическую основу поиска закономерностей мышления и познания, и во-вторых, раскрыть содержание афизики (беспродуктного подхода) в контексте трансцендентальной психологии. А.И. Миракян, в частности, указывает, что для Декарта понимание каких-либо вещей или их свойств является эмпирическим тогда, когда берется одно и определяется через отношение к другому. Однако, согласно Декарту, это неправильный образ мышления, «так как в данном случае суть или свойство вещи определяется не через саму вещь, а через отношение» (там же, с. 126). В качестве одной из таких вещей, сущность которой определяется через саму себя, у Декарта выступает «идея», присутствующая в первой части его знаменитого выражения: «Я мыслю...». «Идея» у Декарта берется как осознаваемый акт мышления, но так как «идея» не может быть дана эмпирически, поэтому он предпочитает говорить о «врожденных идеях» и таким образом выходит за пределы эмпирического мышления в область доопытных или трансцендентальных понятий.

В связи с этим Миракян задается целью понять: а каковы условия или содержание выхода в афизике? При этом встает вопрос: относительно чего осуществляется этот выход? Ответ лежит прямо на поверхности: «Как во времена Декарта эмпирический опыт отрицался относительно физики Ньютона, так же и сейчас нужно отрицать физикальный (эмпирический) способ мышления относительно психических явлений» (там же, с. 128), что и является для А.И. Миракяна сутью афизики. Кроме того, автор указывает, что идея у Декарта - это все же эмпирический продукт мышления, следовательно, он тоже опирается на эмпирию через данность этой идеи сознанию, через осознание идеи вещи (там же). Поэтому А.И. Миракян приходит к выводу: «Если Декарт был трансценденталистом, то мы должны быть еще более трансценденталистами, так как, изучая психические явле-

ния, мы должны быть еще более строгими в своих исходных основаниях и исключать данность не только физического, но и психического в уже отраженной форме, в форме образа, понятия, идеи и т.п. Разве это не есть трансцендентальный подход к рассмотрению психики?» (там же, с. 129).

Однако возникает вопрос: чем же заменить идею Декарта для объяснения процесса психического отражения? Как можно объяснить возможность психического отражения? И, пожалуй, самый главный вопрос: «откуда мы берем эти закономерности? Разве другие психологи не искали закономерности отражения? Чем же мы отличаемся от них?» (там же, с. 130). Кстати, этот же вопрос был загадкой и для Декарта: как могут возникнуть идеи, если у меня ничего (эмпирического) нет? О его способе решения этой «загадки всех загадок» уже было сказано выше. Но этот способ решения, несмотря на свою трансцендентность, оказался неверным, потому что исключал вопрос возникновения самой идеи как продукта мыслительного процесса, данного сознанию в готовом, завершенном виде. Дальнейший ход рассуждений А.И. Миракяна таков: поскольку само отражение является процессом, который материален по природе, то закономерности порождения следует искать *не в субъекте, не в его мышлении*, как это делает традиционная психология, а в материи, в фундаментальных данных о свойствах материального мира (там же). «В данном контексте, - обобщает Миракян, - мы рассматриваем психическое как трансцендентное, а за основу берем материю, ее развитие...» (там же), что позволяет говорить о трансцендентальном материализме. То есть «философско-методологически – трансцендентальный материализм, а для изучения психики – трансцендентальная психология» (там же, с. 131). Для сравнения напомним, что все материалисты рассматривали психику как результат воздействия на органы чувств. Таким обра-

зом, трансцендентальная психология решает вопрос того, как возникает образ предмета, когда он воспринимается впервые, если не было опыта его восприятия, не было идеи этого предмета. А о том, какие принципы порождения в настоящее время используются в трансцендентальной психологии и каковы их особенности, мы уже говорили в разделе 1.4 и дополнительно будет показано в Приложении.

Из приведенного выше анализа становится ясным, что беспродуктивный афизикальный подход А.И. Миракяна наполняется новым философским содержанием – трансцендентализмом, что является следствием отрицания возможности применения эмпирических данных при поиске принципов порождения психических феноменов. Однако приведенный сравнительный анализ образов мышления Декарта и Миракяна поучителен тем, что даже в случае применения трансцендентального образа мышления трудно избавиться от продуктивных оснований анализа, поэтому трансцендентализм Декарта непоследовательный и незавершенный.

Учитывая то, что идеи трансцендентальной психологии А.И. Миракяна (1987, 1992, 1995, 1999, 2004) интенсивно разрабатывались его последователями и нашли свое отражение в сборниках статей [Принципы..., 1992], [А.И. Миракян..., 2010], [Психология..., 2017)], в монографиях [Нагдян, 2007, 2009, 2013, 2017], [Панов, 1993, 2014], [Шукова, 2013], в множестве кандидатских и докторских диссертаций, можно сделать вывод, что формируется новый тип рациональности – *трансцендентальный*, необходимый для понимания и познания априорных принципов порождения психических феноменов и дополняющий известную в современной философии науки классификацию типов рациональности, которая основана, как было показано выше, на продуктивном подходе к исследованию простых, сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся объектов.

Кроме того, предположение о формировании трансцендентального типа рациональности подтверждается соображениями, берущими свое начало в трансцендентализме И. Канта.

Покажем эту связь. Суммируя все вышесказанное и учитывая новые компоненты в структуре процесса восприятия (процесс и продукт формопорождения, сознание), можно предложить другую схему процесса восприятия: «мир - продукт формопорождения - сознание (осознанный образ)». Согласно этой схеме, порождающий процесс восприятия происходит между членами соотношения «мир - продукт формопорождения», который не осознаваем. На этом этапе, соответствующем начальной стадии процесса непосредственно-чувственного восприятия, происходит порождение функционально необходимого продукта, представляющего собой конкретное образование (расчлененное, выделенное из глобальности) с качественно новыми психическими свойствами, не существующими в «физической» реальности. На этом этапе неправомерно говорить об отражении, адекватности или образе, вследствие чего и пришлось ввести новые термины - «продукт», «формопорождение», «порождающий процесс восприятия» и др. А собственно процесс отражения реализуется в паре «продукт формопорождения - сознание», представляя собой процесс отражения в сознании продукта, то есть результата процесса формопорождения, проявляющегося в виде образа или ощущения, уже осознаваемого и обозначенного понятием. Поэтому можно сказать, что продукт формопорождения является прообразом (прототипом) образа или ощущения, отраженного в сознании, а в этом случае уже можно говорить и об адекватности, и об образе. Можно также предположить, что именно на этой стадии отражения прообраз (продукт формопорождения) претерпевает определенные искажения

и ограничения (деформации по Д.А. Ошанину), тем самым создавая предпосылки как для увеличения, так и для уменьшения эффективности жизнедеятельности человека.

Таким образом, согласно этой трехчленной структуре восприятия, между миром и сознанием расположены образы и поэтому сознание непосредственно реагирует не на мир, а на порожденные образы, принимая их же за объекты, существующие вне и внутри человека. А это означает, что для всякого живого существа реальность - это всегда уже *воспринятая* реальность, порожденная в результате взаимодействия живого существа с природой или с более «глубокой реальностью». Однако именно эта реальность - воспринятая, уже отраженная, по существу, картина (модель) мира - принимается человеком за действительность, что в частном случае может являться одной из *психологических* причин смены старых и рождения новых научных парадигм, внешняя сторона которых подробно рассмотрена Т. Куном при исследовании структуры научных революций [Кун, 2009]. Таким образом, приходит осознание того, что мир (реальность, действительность, природа) для разных систем отражения теряет статус абсолютной бытийности, абсолютного существования.

Вышеприведенная трехчленная структура процесса восприятия вместе с представлениями А.И. Миракяна об особенностях реальности до отражения (ничто, реальность отсутствующего) во многом совпадают с трансцендентализмом, понимание которого И. Кант развивает в «Критике чистого разума». В отличие от своих предшественников трансцендентальный сдвиг, осуществленный И. Кантом, определяется им следующим образом: «Я определяю трансцендентальным всякое познание, занимающееся вообще не столько самими предметами, сколько способом нашего познания предметов, поскольку оно должно быть возмож-

ным a priori» [Кант, 1994, с. 25]. Таким образом, автор совершает переход от непосредственного познания предметов к способам их познания, но не в субъективно-психологическом смысле (например, методом дедукции), а в когнитивно-семантическом: «как решение проблемы *объективности* априорных представлений, т.е. возможности их использования в опыте» [Катречко, 2017, с. 38]. Кант стремился ответить на вопрос, «на чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету» [Кант, 1994, с. 487] и считал это «ключом ко всей тайне метафизики» (там же). То есть Кант отвечал не на вопрос, *что* такое метафизика, а на то, *как* она возможна. В решении этого вопроса для кантовского трансцендентализма решающим оказывается различие вещи-самой-по-себе от явления, принципиально отличающегося от наивного реализма предшествующей метафизики. Обращаясь к определению соотношения «предмет – представление», И. Кант осуществляет «коперниканский переворот», связанный с переходом к концептуальной триаде «предмет (вещь-сама-по-себе) – явление – представление», объединяющей в себе эмпиризм (Локк), постулирующий вектор познания «от предмета к представлению», и рационализм (Декарт), постулирующий вектор познания «от представления к предмету». Однако это не простая сумма двух альтернативных подходов, так как, согласно идее «коперниканского переворота», априорным представлениям подчиняются не предметы (как вещи-сами-по-себе), а явления (предметов) как предметы опыта.

Чтобы яснее представить это соотношение, обратимся к некоторым ключевым понятиям трансцендентальной философии Канта³. Для Канта трансцендентальное – это *то, что делает возможным существование априорного*, или, другими словами: трансцендентальными Кант называет

³ Нижеследующий фрагмент текста, посвященный понятиям фило-

только те способности, которые формируют априорность. Другим важным понятием его философии является понятие «трансцендентальный субъект», которое противопоставлено понятию «эмпирический субъект». Под эмпирическим субъектом понимается всякий субъект в совокупности своих индивидуально-психологических особенностей восприятия и мышления, то есть все нормальные люди. В отличие от эмпирического, трансцендентальный субъект один. Он есть носитель того общего, что есть у всех людей, а именно структур самого мышления (или восприятия), неких всеобщих и универсальных принципов рассудочной (или чувственной) деятельности, которые делают возможным понимание людьми друг друга. Законы, по которым субъект воспринимает и мыслит мир, определяются априорными формами чувственного и априорными формами рассудочного познания, которые не только предшествуют всякому опыту, но и, что самое важное, оформляют этот опыт таким образом, чтобы он стал для нас сначала попросту воспринимаемым, а потом уже мыслимым.

Таким образом, в кантовском трансцендентализме явления и представления обусловлены априорными формами познания, определяемыми трансцендентальными способностями или условиями. Более детально особенности отличия явлений от представлений рассмотрим на конкретном примере. Когда человек видит кошку как единичный объект, то для того, чтобы этот единичный объект был просто увиден (воспринят нашей чувственностью), достаточно одних априорных форм чувственности (всякий объект только тогда воспринимается, когда он дан в пространстве и во времени, что является, согласно Канту, априорными формами чувственного познания). На этом уровне перцепиент восприятия еще не понял, что это кошка, не узнал в *кошке кош-*

софии И.Канта, написан совместно с Д.Э. Гаспарян (Москва).

ку. То есть он не подвел под понятие кошки эту конкретную кошку (в этом смысле ее вообще еще рано называть кем бы то ни было). Все, с чем он имеет дело, – это световые пятна и шумовые эффекты. Когда же он, благодаря работе категорий подведет частный объект под общее определение, он поймет, что это такое.

В свою очередь сами эти структуры мышления (или восприятия) называются *«трансцендентальным аппаратом»*. В этом смысле трансцендентальный субъект является носителем трансцендентального аппарата.

Нетрудно заметить, что некоторые положения трансцендентальной философии И. Канта повторяются и в трансцендентальной психологии. Так, например, критика и отход от продуктного подхода при поиске принципов процесса психического отражения привели к отказу от использования при этом данных опыта, а это означает, что исследуются универсальные принципы восприятия, не зависящие от психологических особенностей конкретных субъектов и модальностей восприятия, и поэтому относящиеся к трансцендентальному субъекту восприятия. А аналогом трансцендентального аппарата может служить принцип образования анизотропных отношений, реализующийся в анизотропной пространственно-временной и процессуально-структурной организации конкретных систем отражения. С другой стороны, так как в самих продуктах (феноменах) восприятия принцип образования анизотропных отношений никак не проявляется, то его можно принять в качестве одной из априорных (доопытных) форм восприятия, оформляющих опыт в зависимости от вида и характеристик анизотропности структур восприятия.

Теперь вернемся к сравнению указанных выше соотношений. Если сопоставить триаду И. Канта с приведенной выше трехчленной структурой восприятия, то можно от-

метить не только их структурное сходство, но и сходство по содержанию. Так, в одной схеме «миру», понимаемому как нерасчлененная гомогенность или глобальность, где нет выделенных объектов со своими свойствами, соответствует «вещь-сама-по-себе» - не познаваемый для нас ноумен, причинно связанный с явлением; в другой схеме «продукту формопорождения», являющемуся прообразом (прототипом) осознанного образа, соответствует еще не осмысленное «явление» - феномен, а осознанному «образу» - осмысленное «представление».

Обнаруженное сходство позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, так как приведенные выше для сравнения соотношения получены совершенно разными путями, с использованием разных логических подходов, то их сходство указывает на некоторую объективность (истинность) результатов, полученных теоретически в философии и психологии. Во-вторых, существующее сходство этих двух соотношений, тем не менее, предназначено для решения разных задач: для И. Канта это – гносеологическая задача определения трансцендентальных условий и возможностей познания (поэтому, в связи с поставленной задачей, для него было важно осмысление понятий трансцендентальной философии и логических соотношений между ними), а для нас важен психолого-онтологический аспект этих соотношений, поэтому мы вновь возвращаемся к аристотелевской метафизике и онтологии и хотим понять (хотя и знаем, что это возможно сделать лишь через априорные формы рассудочного познания) те принципы и процессы, которые позволяют совершить переходы от первого члена соотношения ко второму и взаимопереходы между вторым и третьим членами соотношения. Вместе с тем становится ясным, что для решения этой онтологической задачи необходим именно *трансцендентальный тип рациональности*, направлен-

ный на решение *метафизической* задачи, возникающей при перенесении области исследований за пределы реальности психических феноменов, за пределы соотношения «объект-субъект».

Очевидно и другое: сходство выявленных в философии и психологии двух соотношений требует дальнейшей теоретической разработки, осмысления и глубокого анализа проблем философии психологии, частью которой является трансцендентальная психология. На этом пути, мы полагаем, в первую очередь необходимо разобраться в тонкостях различия двух противостоящих друг другу направлений в философии – натурализма и трансцендентализма (см., например, работу Д.Э. Гаспарян [Гаспарян, 2014]), в которых отражаются (косвенно, не непосредственно) различия между продуктным и беспродуктным или физикальным и афизикальным подходами к исследованию принципов порождающего процесса восприятия, рассматриваемых в трансцендентальной психологии.

Возвращаясь к постнеклассической парадигме, отметим еще одну возможность для поиска принципов порождающего процесса восприятия. С возникновением синергетики, которая является частью и результатом постнеклассического образа мышления и имеет прямое отношение к исследованию сложных развивающихся систем, вероятно, появится возможность устранить ограничения продуктного подхода, препятствующего поиску и изучению принципов порождающего процесса восприятия. Это обусловлено тем, что синергетика, как наука, изучающая закономерности нелинейной динамики развивающихся систем, самопроизвольного перехода хаоса в порядок, возможности изучения открытых систем и другие особенности больших систем, была открыта на основе изучения физических явлений. А это означает, что мы в этих случаях имеем дело с фундаментальными

принципами Природы, которые затем, действительно, были обнаружены в химических, биологических и социальных явлениях. Поэтому использование этих же принципов для изучения начальных актов непосредственно-чувственного восприятия, как процесса порождения (актуалгенез), приведет, возможно, к более успешным результатам, так как эти принципы выведены не из результатов исследования психических феноменов, а выявлены за пределами продуктного подхода, и относятся к общеприродным закономерностям.

Приведенное предположение указывает на общность философско-методологических позиций синергетики и трансцендентальной психологии восприятия, в которой возможности возникновения психического также рассматриваются как проявление общеприродных тенденций [Миракян, 1987, 1992 и др.]. Более конкретно философско-методологические положения синергетики были использованы И.В. Мелик-Гайказян (1998, 2001) и ее последователями при разработке концепции восприятия визуальной информации, на что мы уже обратили внимание в конце предыдущего раздела.

Важно отметить, что при анализе исследований этих авторов (А.И. Миракяна и И.В. Мелик-Гайказян), становится ясным, что онтология трансцендентальной психологии восприятия опирается на античную философию (метафизику) [Нагдян, 2013, 2017], а информационно-синергетический подход – на философию современной физики. Но как было показано Ю.С. Владимировым в 5-ти томном издании «Между физикой и метафизикой» [Владимиров, 2009-2013], философские основы фундаментальных направлений современной теоретической физики своими корнями уходят в античную метафизику. Поэтому у обоих обсуждаемых авторов одна и та же глубинная философская платформа, но развиваемые ими теории совершенно разные. То есть мета-

физика оказалась той эпистемологической точкой бифуркации, которая дала начало развитию двум разным сценариям структурирования знания о возможности возникновения психического.

Таким образом, психология восприятия входит в новую, высшую, стадию своего развития, определяемую постнеклассическими и трансцендентальными идеалами и нормами рациональности, новым мировоззрением, новым видением устройства мира, что обусловлено более сложными представлениями о структурно-процессуальной организации объекта, предмета и методов исследования психологии восприятия. Открывается необычайно широкий горизонт для проведения фундаментальных теоретических и экспериментальных исследований в области психологии восприятия, которые станут основой формирования и развития психологии XXI века.

В следующем разделе рассмотрим проявления трансцендентального типа рациональности на конкретных примерах поиска и реализации методологических ресурсов трансцендентальной парадигмы исследования процесса восприятия.

3.3. Методологические ресурсы трансцендентальной рациональности

Проблема адекватности психического отражения в оптике трансцендентальной рациональности.

В традиционной психологии адекватность восприятия была тем «пробным камнем», которым проверялись истинность или ложность восприятия, его состояния нормы или патологии. Поэтому адекватность восприятия служила критерием «правильности» познания, а отсюда, как в философии, так и в психологии, делался не вполне обоснованный вывод о том, что психическое отражение или

восприятие предназначено для познания окружающей действительности.

Гносеологическое содержание проблемы адекватности изначально предполагает наличие объекта и его образа, поэтому для советской и современной психологии путь изучения восприятия, выражаясь словами А.Н. Леонтьева, - «это путь от внешнего объективного мира к ощущению, восприятию, образу» [Леонтьев, 1979, с.4]. Однако у С.Д. Смирнова, ученика и последователя А.Н. Леонтьева, одного из известных исследователей психологии образа, возникает вопрос о том, «...как понимается сам «мир»; от какого «объективного мира» должен отправляться анализ» [Смирнов, 1985, с.10]. Отвечая на этот вопрос, С.Д. Смирнов демонстрирует две оппозиционные альтернативы. Одна – это представление мира таким, какой он есть, до или вне человека. «Такой мир, - пишет С.Д. Смирнов, - есть чистая объективность, постулируемая метафизическим материализмом, который безуспешно пытается решить проблему субъективации в каждом отдельном акте восприятия» (там же). То есть это мир, наполненный объектами, «не очеловеченными» присутствием человека. Другая альтернатива, от которой, по мнению С.Д. Смирнова, следует исходить, – это мир очеловеченный, преобразованный присутствием человека и частично созданный его деятельностью. Поэтому, согласно С.Д. Смирнову, возникает два вида действительности – «в форме объекта» и «в форме деятельности». При этом, хронологически действительность «в форме объекта» является первичной, «...однако в плане становления и развития индивида и его психического отражения действительность «в форме деятельности» является исходным пунктом анализа» (там же) и ей же (действительности «в форме деятельности») придают статус онтологической и логической фундаментальности. Из вышеприведенного следует,

что, во-первых, метафизика понимается ограниченно, в очень узком смысле, в котором не учитывается истинное предназначение метафизики – поиск первопричин возникновения явлений природы, поэтому мир в «метафизическом материализме» представляется всего лишь как скопление независимых друг от друга объектов. Во-вторых, как основа психологического изучения всякой субъективности, действительность «в форме объекта», то есть природа до или вне присутствия человека, изначально отвергается, чем и исключаются всякие попытки изучения психического отражения как природного явления. Следовательно, вопрос о возникновении психического выносится за скобки, а главным становится вопрос о «становлении и развитии индивида и его психического». То есть для С.Д. Смирнова исследование психики начинается с того уровня развития природы, когда уже есть индивид и его психика.

Исследование возможностей возникновения психического в глубинных слоях мироздания не велось вообще, потому что это относилось уже к «запретной» области метафизических рассуждений. Однако были исследователи (кроме А.И. Миракяна и его последователей), которые в решении вышеизложенных проблем очень близко подходили к постановке метафизических вопросов. Так, например, В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили пишут: «Говоря, что «субъективность входит в реальность», мы имеем в виду, что она входит в ту реальность, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на «языке внутреннего». Только задав ее с самого начала (так же, как и в биологии, явление жизни) в части трансцендентной по отношению к «языку внутреннего», мы можем затем выделить объективные процессы (идущие независимо от наблюдения и самонаблюдения) и стороны предмета психологического

исследования, поддающегося объективному описанию. Потом уже поздно соединять сознание с природными явлениями и описывающими их терминами, и мы никогда в рамках одного логически гомогенного исследования не выйдем к месту, где что-то кем-то мыслится, видится, помнится, воображается, узнается, эмоционально переживается, мотивируется» [Зинченко, Мамардашвили, 1977, с. 109-125]. Из приведенной цитаты видно, что, согласно мнению авторов, сознание и психическое необходимо начинать изучать как природное явление, как спонтанный процесс, исключив всякую субъективность («наблюдение и самонаблюдение»), пользуясь терминами природных явлений, трансцендируя от «языка внутреннего». А это, на наш взгляд, означает не что иное, как обращение к реальности, не подвергнувшейся отражению, к поиску онтологических основ психического в «бытии в возможности» (Аристотель), к методу метафизических рассуждений. Кроме того, из приведенной цитаты видно, что для авторов язык описания явлений природы и явлений сознания, данного нам на «внутреннем языке», различен. И, более того, пользуясь «внутренним языком» мы не сможем описать природные явления, приводящие к порождению того, что нам «мыслится, видится, помнится, воображается, узнается, эмоционально переживается, мотивируется». Именно в этом смысле надо понимать невозможность исследования сознания (или психики) и природных принципов его порождения «в рамках одного логически гомогенного исследования», что уже обсуждалось нами в работе [Нагдян, 2015]. В этом же контексте рассуждает и С.Л. Рубинштейн, утверждающий, что «на чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем» [Рубинштейн, 1976, с. 305], из чего становится понятным, что «глубинные процессы в су-

щем», ответственные за порождение, например, перцептивного образа, составляющего содержание сознания, предполагают другой способ существования, определяющий (по С.Л. Рубинштейну) другой уровень бытия и, следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения, как «глубинные процессы в сущем», не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события (центральное понятие в концепции психологии восприятия В.А. Барабанщикова [Барабанщиков, 2009]), - существующим в наличном бытии. Поэтому «язык» описания перцептивного события, включающего в себя и акты порождения, в своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия.

Описанная выше познавательная неоднородность (гетерогенность) не нова и уже встречалась в истории науки. В физике она выступала как противоречие, возникающее при переходе к изучению явлений более глубокой, непосредственно не наблюдаемой, реальности явлений микромира. В. Гейзенберг писал: «копенгагенская интерпретация квантовой теории начинается с парадокса. Она исходит, с одной стороны, из положения, что мы должны описывать эксперимент в понятиях классической физики, а с другой - из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе (свойствам элементарных частиц - Р.Н.). Противоречивость этих исходных положений обуславливает статистический характер квантовой теории» [Гейзенберг, 1963, с.35]. Как видим, «физическое событие», в ситуации экспериментального исследования квантов, элементарных частиц и их свойств, точно так же неоднородно в языковом аспекте, как

и перцептивное событие в ситуации исследования процесса порождения перцептивного образа.

Таким образом, вопрос С.Д. Смирнова о реальности, предшествующей отражению, имеет важное методологическое значение, и от его решения зависит, в том числе, постановка проблемы адекватности психического отражения.

Принципы деятельности и предметности, определяющие способы существования психического в современной психологии, требуют наличия адекватности психического отражения. Однако в научной литературе имеется достаточное количество данных, подтверждающих, что нет строгой адекватности между объектом и его образом. Но, к сожалению, очень мало говорится о глубине и характере нарушения адекватности психического отражения.

Новые подходы к изучению проблемы адекватности восприятия потенциально заложены в трансцендентальной парадигме исследования процесса восприятия. На основе философско-исторического анализа особенностей проявлений продуктного подхода (в философии, психологии, физиологии, кибернетике), ограничивающего возможности поиска принципов порождения продуктов восприятия, А.И. Миракян сформулировал тезис, имеющий принципиальное значение для нового понимания проблемы адекватности восприятия. В своей монографии «Контурсы трансцендентальной психологии» А.И. Миракян пишет: «Мне кажется, что можно начать исследование психики с понятия «ничто», которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем.

Возможность понимания сущности «ничто», как реальности отсутствия и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание) как уже существующие принадлежат

к реальности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, так как в реальности отсутствующего любое присутствующее отсутствует» [Миракян, 1999, с.10]. Тем самым А.И. Миракян делает первые в научной психологии попытки понять и описать порождение психического отражения из реальности, которая предшествует восприятию, реальности, еще не отраженной в сознании человека, одновременно предложив свое представление об особенностях ее существования. А.И. Миракян делает это под определенным ракурсом, предположив, что при изучении принципов и закономерностей психического отражения необходимо исходить из фундаментальных особенностей материи или материальности, которые, однако, «индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения» [Миракян, 1992, с.35] и находятся вне области психических явлений (феноменов, понятий, принципов, отношений и т.д.).

Приведенный выше тезис А.И. Миракяна побуждает более внимательно присмотреться к процессу психического отражения и понять, заложенные в природе (в принципах развития материальности), истоки и возможности его порождения. А для понимания проблемы адекватности психического отражения в этом ракурсе важно понять отношение продуктов отражения к порождающей их реальности.

С этих позиций и рассмотрим некоторые особенности процесса непосредственно-чувственного отражения. Так, например, причиной возникновения цвета является взаимодействие зрительного анализатора человека с *чем-то*, что физики называют «электромагнитной волной». Электромагнитную волну характеризуют *измеряемыми* величинами - частотой, длиной волны, скоростью распространения, и в ней нет ничего такого, что можно было бы назвать цветом (измерить как «цвет»). Сознание человека фиксирует не ча-

стоту волны (частота волны перестает существовать, трансформируясь и исчезая в зрительных рецепторах), а уже порожденное психикой новое качество - цвет. Таким образом, принятое в традиционной психологии соотношение адекватности (постулат изоморфности) - цвет и ощущение цвета - нарушается, так как одной стороны этого соотношения - цвета - в мире вне человека не существует.

Это заметил еще И. Ньютон. В своей «Оптике» он пишет: «...И если иногда я говорю о свете или лучах, как окрашенных или имеющих цвета, то не следует понимать, что я говорю философски, и точно – я выражаюсь грубо и в соответствии с теми представлениями, которые может получить простой народ, видя все эти опыты. Ибо лучи, если выражаться точно, не окрашены. В них нет ничего другого, кроме определенной силы или предрасположения к возбуждению того или иного цвета. Ибо как звук колокольчика, или музыкальной струны, или других звучащих тел есть не что иное, как колеблющееся движение, и в воздухе от предмета распространяется не что иное, как это движение в форме звука, также и окраска предмета является не чем иным как предрасположением отражать тот или другой сорт лучей более сильно, чем остальные; в самих лучах нет ничего иного, кроме предрасположения распространять то или иное движение в чувствительце, в последнем же появляются ощущения этих движений в форме цвета» [Ньютон, 1954, с. 96-97]. Приведенный текст кажется очень странным, потому что так должен был думать метафизик, предлагающий гипотезы о первопричинах возникновения цвета, а не выдающийся физик. Однако, приведенная цитата - факт, поэтому надо полагать, учитывая величие И. Ньютона, что истинный физик тот, в ком живет и творит истинный метафизик.

Возвращаясь к нашему тексту, укажем на то, что тот же самый свет трансформируется также в совершенно другую

модальность, а именно в ощущение тепла, несмотря на то, что в самом световом потоке нет физической характеристики, являющейся теплом. А физическими детерминантами ощущения тепла являются амплитуда волны или мощность потока световых частиц. Но, как известно, эти компоненты света сами по себе не теплые. *Поэтому можно сказать, что солнце не ослепительное и не горячее.* Оно становится таковым лишь для человека, так как человек обладает способностями преобразовывать физические характеристики дошедших до него солнечных лучей в соответствующие психические качества.

Точно так же получается с зеркалом. Что отражает зеркало, когда на него никто не смотрит? Никаких зрительных образов в этот момент зеркало не отражает. А образы возникают (в человеке) лишь тогда, когда в глаза человека попадают электромагнитные волны, отраженные от поверхности зеркала.

Звука не существует в природе так же, как и не существует цвета. Вокруг колеблющейся струны нет ничего такого, что можно было бы назвать звуком, кроме колеблющихся частиц или слоев воздуха. Частота колебания воздуха не содержит в себе звука - это чисто механическое движение. И именно эти «беззвучные» колебания доходят до человека и превращаются в его слуховом анализаторе в звуки - явления совершенно иного качества, чем частота колебания струны или слоев воздуха.

Поэтому, если задать, например, вопрос: «Что такое настоящий, реальный шум моря сам по себе, когда на берегу нет людей?», то он не имеет смысла, потому что шума моря на самом деле нет. Вместо него есть бесконечно разнообразный спектр воздушных волн, и каждый человек затем по-своему превращает их в шум моря, соответственно состоянию своего слухового анализатора, особенностям

личного аудиального опыта и психологического состояния в данный момент. Таким образом, человек не отражает море репродуктивно таким, каким оно «есть» в реальности, а *создает* его таким, каким видит, слышит и ощущает его вкус, запах, влажность и т.д. И вопрос, какое море на самом деле, также не имеет смысла, потому что это зависит от того, кто именно, какое существо отражает то, что мы, люди, называем морем, то есть от отражательной системы, предназначенной для выполнения определенного рода задач. В случае отсутствия отражательной системы, море, а в более общем случае - мир, перестает существовать как объект восприятия, но, существуя в самом себе и благодаря своим «физическим» (природным) характеристикам, сохраняет потенциальную возможность быть вновь созданным, согласно структуре, функциям и принципам действия наличествующей отражательной системы. Сказанное относится не только к человеку, как к отражательной системе, но также и к любой отражательной системе, созданной и используемой человеком, то есть имеет отношение и к науке, и к познанию в целом. Это обусловлено тем, что при своем функционировании любая отражательная система порождает новое качество, *обозначающее* отражаемое явление. Следовательно, физический прибор, как продолжение отражательной системы исследователя, дает нам не действительную информацию о явлении, а опосредованную преобразованную информацию о нем в виде качества, не принадлежащего непосредственно ему (явлению), но свойственное структуре и внутренним закономерностям реагирующего прибора. Так, например, известно, что взаимодействие света с интерферометром выявляет волновую природу света, а с фотоприемником - корпускулярную. Однако если быть последовательным в наших рассуждениях, то следует предположить, что «истинная» природа света не волновая и не корпускулярная.

Это всего лишь две эмпирические модели света, основанные на артефактах *процедуры* измерения и, кстати, противоположные друг другу, для «примирения» которых Н. Бор ввел в физику элементарных частиц и квантовую механику принцип дополнительности.

К таким же выводам о значении измерительных приборов для исследования природы психических явлений приходит и Т.В. Черниговская при обсуждении вопроса о соотношении сознания и мозга. В своем выступлении на заседании Никитского клуба (участники – К.В. Анохин, В.А. Лекторский, В.С. Мясников, А.Н. Привалов и др.) она указывает на то, что «...наука нам в этом не помощник. Потому что, что бы мы ни зафиксировали, - это область идеального. Энцефалограммы, спектрограммы, аудиограммы - анализ зрения жуков..., креветок ничего не даст, потому что здесь есть пробел между миром физического и миром идеального, который не переходим... Оттого, что лучшие в мире приборы, которые есть сейчас, замечательные томографы просветят голову человека с точностью, я фантазирую, до нейрона, - мне это не добавит ни на полмиллиграмма информации о том, что мы сейчас обсуждаем» [Черниговская, 2015, с. 9]. И, действительно, это так, потому что прибор показывает то, что в него «вложил» человек, при его создании (цифры, линии спектров или какая-нибудь другая символика), а не то, что на самом деле измеряется в данный момент.

Как нам кажется, реальность, представленная нам в совокупности свойств и качеств объектов, скрыта от нас, *потому что эти свойства и качества есть ощущения и образы, порожденные психикой*. Эти свойства и качества не являются репродукцией реальности, а являются продуктами психической деятельности, новыми образованиями, обеспечивающими эффективное функционирование человека в окружающей действительности. *Реальность не имеет ника-*

кого другого отношения к качествам и свойствам воспринимаемого мира, кроме факта опосредованной детерминации. То есть можно утверждать, что «объекты» природы не обладают ни цветом, ни звуком, ни запахом, ни какими-либо другими свойствами, которые представлены в наших ощущениях. Согласно мнению А.Н. Леонтьева, «...мир в его отдаленности от субъекта амодален» [Леонтьев, 1983, с. 257]. Поэтому можно утверждать, что человек «имеет дело» не с миром, а с моделью мира, являющейся содержанием его сознания. Как говорил еще А. Korzybski (1941/1994), «Карта – не территория», имея в виду не соответствие модели мира – миру.

Однако уточним, что в данном случае обсуждается не просто вопрос о «моделях мира», а вопрос о «конструировании реальности», который достаточно хорошо разработан в философии, социологии и культурологии, в русле идей конструктивизма. В психологической же науке конструктивистская парадигма выявлена и обозначена В.Ф. Петренко [Петренко, 2002; 2011] при анализе высших форм сознания. В частности, В.Ф. Петренко приходит к выводу, что «понятийный аппарат, который создает каждая гуманитарная наука (и конечно, в том числе психология), не только описывает, но и привносит в описание новые связи и расчленения (а имплицитно — и некие аксиологические ценности), формируя в конечном итоге новые конструкты сознания (расширяя его), а через осознание конструирует и саму действительность» [Петренко, 2002, с. 119]. В отличие от исследований В.Ф. Петренко, наша задача показать, что конструирование реальности начинается уже с уровня ощущений, представленных в соответствующих образах во всех модальностях восприятия.

Все вышесказанное сводится к вопросу: «Насколько объективны наши ощущения?». На этот вопрос можно от-

ветить, что наши ощущения, как качественно-психические образования, ничего общего с реальностью не имеют, подобно тому, как качества географической карты (бумага, изображенные на ней знаки, буквы и т.д.) ничего общего не имеют с качествами территории, или буква «а» русского алфавита ничего общего не имеет с фонемой «а». Ощущения и образы - это другая реальность: реальность, признаваемая нашим сознанием. Мир и образ мира - это две разные реальности. Конечно, между миром и его образом существует определенное соответствие (скорее всего, количественное), которое и дает человеку возможность функционировать соответствующим образом в окружающей его среде, подобно водителю, который, глядя на карту дорог, точно знает, свернуть ли ему налево, направо или поехать прямо, чтобы доехать до намеченного пункта. В то же время, водитель никогда не спутает карту дорог с самими дорогами, потому что он, находясь вне карты, видит и карту, и дорогу. Однако люди, не имея возможности выходить за пределы своих карт мира, отождествляют образ (карту) мира с самим миром и тем самым впадают в заблуждение.

Из всего вышеизложенного следует, что сознание человека реагирует не на саму реальность, а на созданные психикой ощущения, образы и слова, которые являются моделями (символами) детерминирующей их порождение физической реальности. А каждая модель мира по-своему неадекватна по отношению к реальности. Но, тем не менее, практика показывает, что человек (или другое живое существо) адекватно функционирует в пределах созданной им же модели мира. То есть, *из адекватности функционирования еще не следует адекватность отражения*. Другими словами, *эффективность и адекватность функционирования не зависят от степени неадекватности отражения, понимаемой в указанном выше смысле*.

В несколько ином контексте (в исследованиях Д.А. Ошанина) находим, что неадекватное, искаженное восприятие гносеологически заданных свойств объекта («деформации», по Ошанину) является необходимым условием эффективности предметного действия. Поэтому для Д.А. Ошанина предмет или объект изначально задан как предназначенный изменчивому восприятию, обеспечивающему функциональную адекватность [Ошанин, 1999]. Например, дальтоник, воспринимающий яблоко синеватым и человек с «нормальным» зрением, воспринимающий то же яблоко красным, съедят его одинаково успешно. В этом примере важно отметить также то, что нельзя утверждать, что дальтоник воспринимает яблоко искаженно, а человек с «нормальным» зрением адекватно, если исходить из предположения, что «объекты» природы не обладают цветом. Можно лишь сказать, что дальтоники *по-другому* «создают», порождают или упорядочивают мир, который, тем не менее, должен быть репрезентирован таким образом, чтобы удовлетворить требованиям их эффективного функционирования.

Из вышесказанного вытекает парадоксальный для традиционной психологии вывод: *практика*, то есть функционирование человека при решении им определенных (практических) задач, не может быть достоверным критерием адекватности психического отражения, так как в процессе практической деятельности сознание человека «имеет дело» не с копией объекта, а с психологическим эквивалентом (знаком, обозначением) того «нечто», находящегося вне сознания человека, которому еще предстоит стать объектом. И именно от этого знака (или обозначенности), заменяющего сущность (сложность, особенности организации и существования) этого «нечто», зависит то, каким «качеством» оно «обладает». Неадекватность же и неэффективность функционирования выявляются лишь при *сопоставлении*

эффективностей функционирования разных людей, обладающих разными моделями мира и индивидуально-психологическими особенностями. И чем шире границы модели мира и тоньше ее структура, тем больше возможностей для адекватного и эффективного функционирования. Поэтому любая психотерапия - это, прежде всего, работа над расширением пределов (границ) и содержания модели мира данного человека.

Сказанное подтверждается и на примере животного мира. Так, например, существуя в той же среде, что и человек, летучая мышь, лягушка или пчела «создают» совершенно разные, отличные друг от друга, модели мира со своими специфическими неадекватностями по отношению к физическим аспектам их окружения, которые детерминируют порождение у них соответствующих моделей мира. Но, независимо от степени и качества этих неадекватностей, каждая из них эффективно и адекватно функционирует в своей модели мира, ориентируясь в пространстве и во времени, добывая пищу, размножаясь и проявляя «заботу» о своем потомстве. Кстати, о летучей мыши. Мы знаем, что она реагирует на отраженные от предметов среды ультразвуки, испускаемые ею же самой (под ультразвуком подразумеваем колебания воздуха ультразвуковой частоты). Но на самом деле мы не знаем, на что реагирует летучая мышь внутри самой себя, так как мы не имеем точного представления о том, в какую модальность преобразовывает эти частоты ее психика. Это все равно, что сказать: человек реагирует на электромагнитные волны. Но как известно, он непосредственно реагирует не на волны, а на свет, цвет и/или тепло. Т. Нагель в своей статье «What is it like to be a bat?» («Каково быть летучей мышью»), обсуждая проблему соотношения субъективного и объективного, сделал предметом специального философского анализа вопрос о том,

как летучая мышь воспринимает мир, и пришел к выводу, что никаким образом невозможно узнать, как чувствует себя изнутри сама летучая мышь и каково это – быть летучей мышью [Nagel, 1974]. Это говорит о том, что у нас нет ни средств, ни возможностей непосредственно проникнуть в модель мира другого существа и человека, в том числе.

Возникает закономерный вопрос: «Что следует из того, что человек не может воспринимать мир таким, какой он есть на самом деле, а в самой модели мира оперирует уже законченными продуктами психического отражения - ощущениями и образами, которые он принимает за реальные, вне него существующие, объекты и их качества?».

Ответ на этот вопрос, прежде всего, имеет значение для методологии психологии. Во-первых, при таком подходе меняется понимание объекта: реальный «объект» бесконечно многообразный, не обладающий ни одним из психических качеств и не познаваемый в своей «модальности», а детерминированный им и порожденный психикой, объект, как комплекс ощущений и образов, создается в самом человеке, и именно этот образ-объект является для него реальным. Во-вторых, меняется понимание взаимодействия субъекта и объекта, так как сознание взаимодействует не с реальным «объектом», а с его образом. То есть отражение происходит не между психическим и физическим, а между психическим одного уровня (ощущение, образ) и психическим другого уровня (сознание). Поэтому изменение характера взаимодействия человека с окружающей действительностью во власти его возможностей. Имеется в виду, что, произвольно меняя структуру и качество порождаемых психикой образов, человек так же произвольно может изменять свое отношение к оставшемуся неизменным «объекту». В-третьих, вышесказанное имеет принципиальное значение для правильной постановки вопроса об исследовании

принципов и закономерностей процесса порождения психического отражения.

Таким образом, если в классической и неклассической парадигмах психологии восприятия необходимо наличие соответствия между объектом и его образом, то в трансцендентальной парадигме вместе с элиминацией понятия объекта теряет свой смысл и понятие адекватности восприятия.

Вместе с тем, существенно меняется смысл понятия «образ». Как было указано в предыдущем разделе, на эту трансформацию обратил свое внимание и В.И. Панов [Панов, 1997]. Мы также пришли к выводу, что соотношение «объект – образ», как структурная схема процесса отражения, не соответствует действительности, показав, к примеру, что в соотношении «цвет – ощущение цвета» отсутствует компонента «цвет». В таком случае понятие «отражение» теряет свой первоначальный смысл, предполагающий процесс, приводящий к адекватному или изоморфному (или близкого к ним, может быть, искаженному) уподоблению.

Парадоксальность описанной выше ситуации разрешается в контексте картины мира, предложенной трансцендентальной парадигмой. Приведем еще раз цитату из работы А.И. Миракяна (1992), в которой раскрываются особенности этой картины мира: «по отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще нереализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие материальных форм материи предстает в нерасчленном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. *Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образоваться,*

т.е. порождаться в процессе отражения (выделено нами – Р.Н.), который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватности функционирования живой системы в окружающей среде» [Миракян, 1992, с. 39-40]. Как видно из приведенной цитаты, в этой картине мира, на которой и основан трансцендентальный подход, изначально нет объектов. Они появляются лишь в процессе упорядочения гомогенности или глобальности, которая является одной из основных характеристик до-отраженного мира.

Необходимо отметить, что можно различить два понятия образа: «образ объекта», которого, как было показано нами (2009, 2017) и В.И. Пановым (1997), на самом деле не может быть, и «осознаваемый образ», являющийся рефлексией сознанием порожденного образа. И, как это ни парадоксально, именно этому последнему понятию образа приписывается статус объективно существующего в окружающей человека действительности.

Таким образом, между миром и сознанием расположены образы и поэтому сознание непосредственно реагирует не на мир, а на порожденные образы, принимая их же за объекты, существующие вне и внутри человека. А это означает, что для всякого живого существа реальность – это всегда уже *воспринятая* реальность, порожденная в результате взаимодействия живого существа с природой или с более «глубокой реальностью» [Уилсон, 2005]. Однако именно эта реальность – воспринятая, уже отраженная – принимается человеком за действительность. С другой стороны, то, что каждый человек (или животное) по-своему воспринятую реальность принимает за действительность и поступает сообразно этой действительности, указывает на существование психологического релятивизма реальности, то есть зависимости устройства и организации «действительно-

сти» от уникальных, неповторимых способностей восприятия каждого живого существа и человека, независимо от перспективы рассмотрения этих способностей: вертикальной – в филогенезе, историческом развитии, онтогенезе, или горизонтальной – как существующих в настоящее время в природе всех живых существ (от микроба до человека). Таким образом, приходит осознание того, что для разных отражательных систем мир (реальность, действительность, природа) теряет статус абсолютной бытийности, абсолютного существования, что можно характеризовать как реализацию *принципа психологической относительности реальности*.

Подводя итог к данному разделу, отметим еще раз, что трансцендентальная парадигма исследования процесса восприятия дает возможность 1) по-новому интерпретировать понятия «адекватность восприятия», «объект» и «образ», 2) отделить и подчеркнуть независимость адекватности функционирования от адекватности отражения в традиционном их значении, 3) сформулировать новую, трехчленную, структуру процесса восприятия, имеющую онтологический смысл и 4) сформулировать принцип психологической относительности реальности.

Трансцендентальная рациональность и психотерапия.

Основными рабочими психологическими инструментами во многих психотерапевтических технологиях (гештальт-терапия, психосинтез, символдрама, рекреативный психокатализ, нейро-лингвистическое программирование и др.), позволяющих делать эмоциональные и поведенческие изменения в человеке, являются образы восприятия, репрезентированные во внутреннем феноменологическом про-

странстве. Поэтому, чтобы составить представление о том, как работают и получают свои результаты эти психотехнологии, надо понять, что такое образы и какую функцию они выполняют, являясь посредником между сознанием человека и окружающим его миром. Из сказанного возникают важные для понимания процесса психотерапии вопросы: что влияет на возникновение образов? какую информацию они дают об окружающем нас мире? каким образом можно изменить образы и что это дает? что такое окружающий нас мир и как он соотносится с образом мира? То есть в данном случае мы сталкиваемся с вопросами, над которыми размышляли философы всех времен: как устроен мир и сознание человека (онтология) и что истинно или ложно в нашем восприятии мира (гносеология). По нашему мнению, онтологическая и гносеологическая аспекты проблемы образа интегрируются в проблеме адекватности психического отражения. Стремление понять значение и роль образа в системе «воспринимаемый мир, воспринятый мир и сознание», естественно, приводит нас к анализу проблемы адекватности психического отражения, имеющего важное значение не только для теоретической психологии, но и для психотерапии.

Анализ проблемы адекватности восприятия, проведенный в предыдущем разделе с позиций трансцендентальной парадигмы, показал, что отражение происходит не между психическим и физическим, а между психическим одного уровня (ощущение, образ) и психическим другого уровня (сознание). Поэтому изменение характера взаимодействия человека с окружающей действительностью во власти его возможностей. Имеется в виду то, что, произвольно меняя структуру и качество порождаемых психикой образов, человек так же произвольно может изменять свое отношение к оставшемуся неизменным «объекту».

Именно на этой особенности взаимодействия человека с окружающей действительностью основано большинство технологий изменения переживаний и поведения человека в разных видах психотерапии, особенно, в НЛП, где разработано большое количество техник, основанных на структурных субмодальных изменениях внутренних образов.

Вышесказанное можно рассмотреть с позиции предложенной нами концепции «четырех реальностей» [Нагдян, 2009, 2015, 2017]. До сих пор мы различали две реальности. Реальность-1 - это та, которую мы называли «бесконечно разнообразным недифференцированным миром», «объекты» которого не обладают качествами модальностей восприятия человека. Реальность-1 непосредственно не воспринимается нашим сознанием, она непосредственно не познаваема. Выражаясь словами К.Г. Юнга, это «прима материя», «материя сама по себе, вне всяких проекций» или «нетронутая, недоступная область» [Юнг, 2003]. Взаимодействуя с органами восприятия человека, Реальность-1 детерминирует и запускает процесс порождения психического отражения, который и создает Реальность-2. В результате Реальность-1 оказывается расчлененной и огрубленной образами и понятиями (проекциями, моделями, символами, закономерностями) различных наук, упорядочивающих и структурирующих Реальность-2.

Реальность-2 – это окрашенная и озвученная нашей психикой, наделенная гаммой всех человеческих ощущений и чувств, реальность. Реальностью она является потому, что ощущения, образы восприятия и чувства *реально-субъективно* существуют для человека.

Спроецированные вовне они создают осознаваемый и познаваемый нами «объективный» (точнее - объектный) мир, состоящий из объектов с качествами и свойствами, являющимися продуктами, порожденными нашей психи-

кой. Особенности Реальности-2 (то есть того, что «воспринимает» человек) зависят от пространственно-временных, структурных и динамических параметров человека и его органов восприятия, а также от стоящих перед ним задач, которые он должен решить в процессе жизнедеятельности. И это легко показать. Для этого достаточно представить, какой стала бы окружающая действительность в восприятии человека, если бы от рождения он обладал микроскопическим или телескопическим зрением. Ясно, что это будут совершенно другие реальности, отличающиеся друг от друга и от воспринимаемой нами реальности. И в этих реальностях были бы открыты совершенно другие объекты и закономерности. Но, все равно, они были бы вариантами Реальности-2, так как будут результатами порождения определенных отражательных систем.

Большинство вышеприведенных рассуждений в несколько ином контексте ранее уже были высказаны А.И. Миракяном, который впервые в научной психологии пишет о «ничто» или о «реальности отсутствующего» [Миракян, 1999], которому соответствует Реальность-1. А Реальности-2 соответствует «реальность присутствующего».

Таким образом, чтобы объяснить закономерности психического отражения, А.И. Миракяну пришлось перейти из «реальности присутствующего» (Реальность-2) в «реальность отсутствующего» (Реальность-1) и провести свой анализ на «языке» этой реальности.

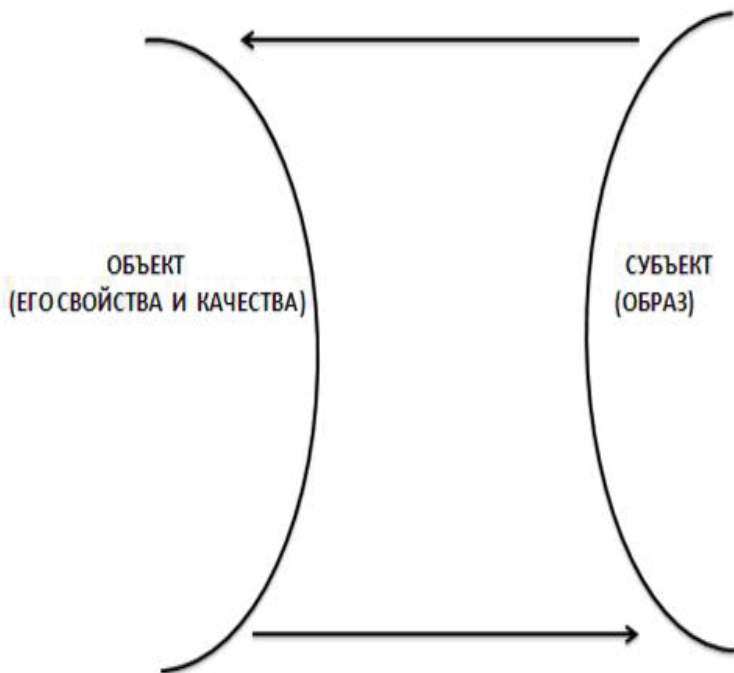
Продолжая рассуждения о Реальности-1, еще раз отметим, что она безобъектна, потому что к ней нельзя применить ни одного понятия традиционных наук, обозначающих вычлененные из единости объекты познания. Любое такое понятие как элементарная частица, атом, электромагнитная волна, жизнь, человек или психика являются продуктами психического отражения, моделями-масками, которые «на-

кладываются» на изучаемые явления, скрывая истинные их «особенности», сложность организации, взаимосвязи и взаимоотношения с Вселенной. Поэтому познание таким путем, путем перехода от одной модели к другой (путем традиционных наук) - бесконечно.

Из приведенной ранее цитаты о «ничто» [Миракян, 1999 с. 10] следует также, что Реальность-1 пронизывает всю Реальность-2 и имплицитно содержится в ней, однако в Реальности-1 нет ничего из Реальности-2. Действительно, если под «присутствующим» понимать все то, что отражено в сознании человека и является продуктом, порожденным психическим процессом, то «реальность отсутствия присутствующего в отсутствующем» и означает, что в Реальности-1 нет ничего, что обладало бы цветом, звуком, вкусом и т.д. - одним словом, всего того, что свойственно Реальности-2. К.Г. Юнг писал: «Разумеется, мы уже знаем, что окружающий нас физический мир как он есть ни в малейшей степени не согласуется с тем миром, который мы воспринимаем. Физический мир и перцептуальный мир суть две совершенно разные вещи» [Юнг, 2003, с. 518-519].

Обыденные представления о мире близки к материалистическим воззрениям. Что же представляет собой материалистическая онтология относительно психических явлений? Это представление о мире, состоящем из отдельных объектов, наделенных определенными качествами и свойствами, которые и отражает человек, согласно принципу адекватности. Качества и свойства объектов считаются объективными характеристиками, независимыми от субъекта. Схема психического отражения, соответствующая классической рациональности, приведена на рисунке 2. В классической рациональности, которая описывается соотношением «объект-субъект», предполагается, что в мире есть объекты со своими качествами и свойствами, которые

и отражает человек непосредственно (без каких-либо опосредующих звеньев), поэтому в этой парадигме образ – это копия объекта. Следуя этой логике, люди часто думают, что их проблемы рождаются в окружающей действительности и поэтому единственный способ разрешения проблемы они видят в необходимости изменить реальность. Но, как известно, это невозможно сделать, в следствии чего они попадают в тупиковую ситуацию, и визит к психотерапевту становится необходимостью.

Рис. 2. *Схема психического отражения, соответствующая гносеологическому соотношению «объект-субъект».*

Однако, когда говорят об объектах, якобы существующих независимо от сознания во внешней реальности, то сразу же заметим, что здесь совершается незамеченная непроизвольная подмена субъективного (результатов психического отражения) объективным. Ведь объекты, которые человек видит вокруг себя, есть продукты свершившегося акта психического отражения. И несмотря на это, далее в материалистической онтологии делается утверждение, что эти свойства являются неизменными характеристиками объекта и должны существовать и в отсутствии человека. Поэтому требование материализма идти от объективного к субъективному, от внешнего к внутреннему изначально является ошибочным и иллюзорным.

Сказанное имеет методологическое значение при проведении психотерапии, особенно в работе с внутренними образами. Это обусловлено тем, что психотерапевт должен осознать, что его пациент реагирует не на действительность, в которой он (пациент) находится, а на внутренние образы и другие феномены внутреннего мира, представляющие собой «карты территории» или «модели реальности». Поэтому фокус внимания пациента во время терапевтической работы с внешнего мира переводится на внутренний.

Реальность-2 - это, прежде всего, то, что получается в *результате* восприятия, поэтому о ней можно говорить, как о «реальности открытых глаз» [Ермошин, 1999.]. И тут же напрашивается контрэналогия: «реальность закрытых глаз» (там же), которую мы обозначим как Реальность-3.

Реальность-3 - это реальность, порождаемая внутренними репрезентативными системами. К Реальности-3 относятся внутренние образы всех модальностей, внутренний диалог и сновидения. Всем известно, насколько необычными могут быть сновидения, но не каждый человек имеет представление о том, что даже при бодрствующем и нормальном состо-

янии сознания эта реальность сохраняет свою необычность. При открытых глазах Реальность-3 обычно не осознается. Но если попросить человека сконцентрировать свое внимание на образах воспоминаний, представлений или воображения, то в этом случае Реальность-3 становится доступной сознанию, часто поражая своих «творцов» фантастичностью «сюжета» и образов (особенно при сильных переживаниях). Относительно того, что понимается под образом, в современной психологии имеется несколько равнозначных терминов. Говоря об одной и той же группе образов, например, о воображаемых картинах, одни авторы называют их психическими образами, другие - мысленными образами [Косслин, 2011], третьи – вторичными [Гостев, 2001.] или воображаемыми образами [Сартр, 2001], иногда даже появляются сочетания - ментальные образы, или психологические образы.

Реальность-3 не копирует Реальность-2 (реальность «открытых глаз», детерминируемую Реальностью-1), она может быть алогичной и неестественной, с точки зрения Реальности-2. Реальность-3 хорошо известна тем, кто занимался сновидениями, визуализациями и, в частности, специалистам, использующим субмодальные техники НЛП. Одно из фундаментальных открытий НЛП состоит в том, что существует связь между характером переживаний человека и структурой субмодальностей образов репрезентативных систем. Эта связь выражается в том, что изменение структуры образа влечет за собой изменение переживания, что используется во многих техниках для работы с фобиями, психологическими травмами и расстройствами.

Приведем пример проявления Реальности-3 из книги К. Андреас и С. Андреас, где говорится о множестве случаев из практики применения методов НЛП. В приведенной цитате речь идет о женщине, у которой страх выступления перед аудиторией:

«Закройте глаза и вновь представьте, что вы стоите перед аудиторией. Обратите внимание: может быть, вы что-то мысленно говорите, может быть, у вас возникают какие-либо внутренние образы. ...Постарайтесь присмотреться к аудитории, замечаете ли вы что-нибудь необычайное в глазах людей?»

Поскольку я уже до этого имел дело с людьми, боящимися аудитории, я знал, что подобный страх возникает из-за того, что человек представляет, как на него смотрят, как о нем судят, какими кажутся глаза и лица людей.

Через некоторое время Джоан слегка вздрогнула и сказала: «О, какие же у них картонные глаза! И все эти пустые глаза, лишенные всякого выражения, пристально смотрят на меня!»

Если вы представите себя на месте Джоан и увидите перед собой зал, полный пустых глаз, вам легко будет понять, почему она испытывала такое напряжение и не ощущала контакта с аудиторией!» [Андреас, Андреас, 1997 с. 4].

Многочисленные случаи из практики НЛП и рекреативного психокатализа [Ермошин, 1999] показывают, какими порой необычными, алогичными и фантастическими способами могут быть закодированы чувства, реакции и поведение человека в структуре внутренних образов, составляющих пространство Реальности-3. И, тем не менее, какими бы неестественными не были эти внутренние образы, они реально существуют для человека: он видит их своим внутренним взором. Поэтому Реальность-3 можно назвать *реально-виртуальной*.

Для практики фундаментальное значение имеет то, что, во-первых, внутренние образы могут осознаваться, во-вторых, можно изменить их структуру и субмодальные качества. Сознательное, произвольное изменение структуры внутренних образов, приведение их к «нормальному» виду,

изменяет и корректирует патологическую реакцию. Это означает, что откорректированные внутренние образы Реальности-3 оказывают непосредственное воздействие на отношение человека к травмирующему объекту (человеку или ситуации), несмотря на то, что сам объект в действительности остается без изменения. На аналогичное перцептивное событие, но в общепсихологическом контексте, указывает и П. Колерс: «Как подсказывает наша интуиция, мы часто не знаем, что мы видим, пока не узнаем, на что мы смотрим; иными словами, идентификация предшествует распознаванию» [Колерс, 1970, с. 16-87]. Работа с внутренними образами в психокоррекционной ситуации состоит в создании полезных (предпочитаемых, позитивных) образов с целью будущей идентификации распознаваемого образа с уже откорректированным, в чем и заключается идея и смысл терапевтического воздействия. В этом ракурсе внутренние образы можно также рассматривать как «следы памяти, хранящиеся в нервной системе» и тогда, согласно И. Року: «... сказать, что след определяет восприятие, означает сказать, что след выбирается до возникновения восприятия» [Рок, 1980, с. 51]. Такого же мнения придерживается и У. Липпман, который утверждает, что «мы воображаем многие вещи, прежде, чем мы приобретаем опыт взаимодействия с ними. И эти «преконцепции»... глубоко управляют процессами восприятия» [Lippman, 1965, с. 19]. Внутренние образы, используемые в НЛП для получения изменений, также можно рассматривать как «преконцепции», которые, вероятно, управляют не только процессами восприятия (узнавание, распознавание), но также эмоциональными переживаниями и поведенческими реакциями. Все вышесказанное подтверждает значимость внутренних, намеренно созданных, образов для эффективного регулирования эмоционально-поведенческой сферы человека.

Одно из характерных отличий Реальности-3 от Реальности-2 состоит в том, что представление (воображение) ситуации в Реальности-3 может быть *ассоциированным* или *диссоциированным*. При ассоциированном представлении человек «видит» ситуацию как бы своими глазами так, как это обычно имеет место в Реальности-2 (в этом случае человек, естественно, не видит своих глаз и своего лица). При диссоциированном представлении человек «видит» ситуацию и самого себя в этой ситуации, как сторонний наблюдатель, чего не бывает в Реальности-2. В этом случае человек может «увидеть» свои глаза, лицо, спину и т.д., в зависимости от точки наблюдения (ракурса), которую, кстати, можно выбрать *произвольно*. Практика показывает, что в эмоциональном отношении ассоциированные и диссоциированные репрезентации отличаются друг от друга: при ассоциированном представлении ощущения и переживания бывают по качеству такими, как в момент первого переживания и часто сильнее, чем при диссоциированном. Кроме того, разные степени диссоциирования могут вызвать разные по силе и качеству переживания. Эта особенность Реальности-3 используется, например, в технике визуально-кинестетической диссоциации (НЛП) при работе с сильными психологическими травмами.

Реальность-3 существенно отличается от Реальности-2 и в отношении времени. Если Реальность-2 относится только к настоящему, то в Реальности-3 можно свободно перемещаться во времени, поэтому каждый человек внутри себя имеет свою линию времени [Андреас С., Андреас К., 1999.], благодаря чему возможно отличить прошлое, настоящее и будущее друг от друга. Эта особенность Реальности-3, в частности, используется в НЛП для осуществления техник «изменения личностной истории» и «подстройки к будущему», применение которых приводит к реальным измене-

ниям негативных переживаний прошлого и нацеливанию человека на желаемое будущее, где он испытывает действие своих ресурсных качеств.

В некоторых случаях может произойти как произвольное, так и непроизвольное объединение Реальности-2 с образами воображения Реальности-3, и тогда в Реальности-2 возникают галлюцинации, псевдообъекты, то есть объекты воображения, материально не детерминированные Реальностью-1. И, наоборот, при фрагментарной потере возможности переноса образов Реальности-3 в Реальность-2 могут появиться отрицательные галлюцинации, когда не воспринимается реально присутствующий объект.

Систематическое описание и изучение Реальности-3 началось сравнительно недавно в психоанализе [Фрейд, 2000], трансперсональной психологии [Гроф, 2001] и онтопсихологии [Менегетти, 2004] при анализе сновидений и образов, появляющихся в измененных состояниях сознания, а также в нейро-лингвистическом программировании при исследовании структур внутренних репрезентаций. Однако в этой области еще предстоит большая теоретическая и экспериментальная работа.

В образах Реальности-3 с большой очевидностью проявляется наличие еще одной реальности - реальности бессознательного, которую мы обозначим как Реальность-4.

Эта реальность так же не осознаваема и трансцендентна от реальности психических феноменов, как и Реальность-1. Мы не знаем, что собой представляет Реальность-4, но ее следы можно увидеть в структуре и содержании образов Реальности-3, которые, в свою очередь, влияют на переживания и поведение человека в Реальности-2. Воздействие Реальности-4 на Реальность-3 бывает особенно наглядным в случаях психологических травм. Так, например, в нашей психотерапевтической практике одна молодая женщина,

сильно переживающая неудачную операцию своего носа, не видела его на своем лице при закрытых глазах. На языке психоанализа это определяется как «вытеснение» травмирующего события из сферы сознания, а в Реальности-3 это вытеснение выражается не в забывании, а в исключении из образа «травмированных» частей. Когда же ее просили представить себя такой, какой она была год назад до операции, она видела свой нос. Точно так же один молодой человек не видел свое тело ниже пояса. Как потом выяснилось, именно эта часть тела оказалась под обломками здания во время Спитакского землетрясения. Другой пример, люди с комплексом неполноценности часто не видят своего лица. Видят голову, но бровей, глаз, носа, губ и щек не видят, а люди, отвергающие себя, нередко вместо себя видят лишь силуэт своего тела. Эти же люди в условиях Реальности-2, при открытых глазах, например, глядя на себя в зеркало, нормально воспринимают все детали своего тела. Однако, как только они закрывают глаза и оказываются в Реальности-3, в тот же момент становится очевидным воздействие Реальности-4 на субмодальную структуру образов «вытесненных» страхов или психологических травм и других сильных эмоциональных переживаний.

Для проведения успешной и эффективной психотерапии необходимо осознать, что одной из основных причин возникновения у пациентов психологических проблем является убеждение пациента в том, что воспринятое им и есть сама действительность, что реальность, на самом деле, такова, какой он ее видит слышит и переживает, то есть когда он отождествляет свою модель действительности с самой действительностью. Поэтому необходимо понять, почему это происходит, что такое отождествление, каковы особенности отождествления?

Исследователи, изучающие мышление человека, стал-

кивались с разными формами проявлений отождествления, которые получили соответствующие названия. Так, например, изучение Б.Ф. Поршневым дологического мышления первобытных людей привело к открытию у них специфических отождествлений, названных «абсурдом» [Поршнев, 1974]. Подобные отождествления были открыты Л. Леви-Брюлем у людей примитивных цивилизаций и были названы «мистическими сопричастностями» [Леви-Брюль, 1927]. Приведем пример такого исследования. Изучая «творчество» первобытных людей, Н.И. Дмитриева пишет: «Убивая глиняного зверя, они верили, что таким способом овладевают его живым «двойником». Надевая на себя звериные маски и исполняя «танец буйвола», считали, что это послужит призывом и привлечет буйволов в их края...» [Дмитриева, 1968, с. 14].

В детском мышлении отождествления или «бинарные сочетания» были исследованы А. Валлоном и представителями его школы [Тутунджян, 1966]. К.Г. Юнг, выявивший отождествления в мышлении алхимика, назвал их «интеллектуальным извращением» [Юнг, 1997]. Кроме того, оказывается, что мышление современного ученого также функционирует в контексте подобных отождествлений [Нагдян, 2009, 2017]. Лингвистическая структура, в которой закрепляется результат отождествления, проста: **А** есть **Б** (или **А** является **Б**). Дальнейшее изучение этого **А** позволяет выяснить, что **А** и **Б** это не одно и то же, а весьма разные вещи, и вместо первого утверждения выводится второе: **А** есть **В**. Только после появления второго утверждения или второго уровня отождествления, появляется возможность критической оценки предыдущего отождествления, которое теперь будет оцениваться как абсурд или интеллектуальное извращение. То есть в процессе познания действительности одна форма отождествления, разрушаясь («дифференци-

ция» по А. Валлону), сменяется другой формой отождествления, и этот процесс может продолжиться – А есть Г и т.д., что характерно для процесса познания в целом. (Заметим, что А. Кожибским (1993) была показана неправомерность применения формулировок типа «А есть Б», откуда и берет свое начало неаристотелевская парадигма мышления и познания).

Следовательно, можно говорить о двух взаимосвязанных формах проявления отождествления – как онтологического явления, свойственного процессу восприятия, и как логического средства познания. Ясно, что вопрос об истинности результатов отождествления относится лишь к его гносеологическому аспекту. Таким образом, лингвистическое определение (или выражение) отождествления превращало его в предмет логического анализа и маскировало его онтологическую сущность. А так как логический анализ, на новом витке познания, в цепочке отождествлений, выявлял абсурдность, в лучшем случае – ограниченность, предыдущих отождествлений, то они непременно рассматривались как неадекватные, с оттенком негативизма, и тем самым необходимость исследования феномена отождествления, как психического явления, оказывалась незамеченной и не актуальной.

Отождествление интересует нас само по себе, как психическое явление, как процесс, обладающий потенциальной возможностью порождать тождества. И в этом плане можно зафиксировать интересный результат: отождествление проявляется всегда и не зависит ни от исторической эпохи существования человека, ни от культуры, ни от языка, ни от возрастных периодов развития человека, ни от важности и глубины решаемых им задач. Это позволяет нам утверждать, что *отождествление является инвариантой мышления* и неотъемлемым свойством процесса психического

отражения реальности, если, кроме всего перечисленного, учесть и то, что подобные отождествления, как было нами показано [Нагдян, 2003], происходят также на уровнях ощущений и восприятия. Причем в качестве психологической интерпретации явления отождествления К.Г. Юнг предлагает механизм бессознательного проецирования внутреннего содержания на внешние объекты и явления. В свою очередь, неосознаваемое отождествление, как следствие проецирования вовне результатов процессов восприятия и мышления (внутренние карты или модели реальности), приводит к устойчивости и абсолютизации этих результатов, имплицитно формируя нашу веру в то, что воспринятый нами мир и есть сама реальность.

Что же такое отождествление? Почему оно возникло? Чем определяется процесс его развития? В чем его предназначение в эволюции природы? Формат работы не позволяет нам подробнее осветить эти вопросы. Укажем лишь на одну метафизическую гипотезу, выходящую за пределы возможностей эмпирического доказательства (при этом напомним читателю, что метафизику мы понимаем не как антинаучное, а как донаучное знание или учение, как это и происходило в истории развития науки [Нагдян, 2015]). Можно предположить, что целевой функцией эволюции природы, как и человека, является самопознание, происходящее через самоотражение. В интерпретации Пьера Тейяра де Шардена это звучит так: «В сознании каждого из нас эволюция замечает саму себя, осознавая себя... Этот весьма простой взгляд, который, я полагаю, станет для наших потомков таким же инстинктивным и привычным, как восприятие третьего измерения пространства ребенком, придает миру новое, исключительно систематическое освещение, идущее от нас» [Шарден, 2002, с. 176-177].

Но, чтобы отражение осуществилось, необходимо создание отношений между миром (или его фрагментом) и его образом, субъективно воспринимаемых как тождественные. Поэтому отождествление является фундаментальным свойством процесса психического отражения, необходимым для того, чтобы природа «увидела» сама себя.

Таким образом, понятие «модель мира», рассмотренное нами выше с позиций трансцендентальной парадигмы, смысл которого можно выразить лаконичной формулой А. Кожибского [Korzybski, 1941/1994]: «Карта - не территория», указывает на то, что человек всегда имеет дело не с реальностью, а с созданной им моделью реальности. Причем обычно человек не осознает, что воспринимаемый им мир - это еще не реальность, а его модель или образ этой реальности, и отождествляет свою модель с реальностью.

Как же можно объяснить, что человек отождествляет образ мира с самим миром и считает, что ощущения адекватно отражают свойства объектов действительности и что действительность, независимо от наблюдателя, такова, какой она воспринимается?

Рассмотрим возможный психологический механизм отождествления. Выше было сделано предположение о том, что отождествление является принципом психического отражения. При помощи этого принципа природа «получает» возможность «вглядываться» в себя. Причиной создания возможности отождествления, по К.Г. Юнгу, является бессознательное проецирование внутреннего содержания во вне. Следовательно, форма проецирования определяет форму отождествления. Рассмотрим это отношение подробнее, опираясь на предложенную нами модель четырех Реальностей. Напомним лишь, что Реальность-1 (Р-1) - это не отраженная, но воздействующая на человека реальность; Реальность-2 (Р-2) - это отраженная и воспринимаемая челове-

ком модель реальности, которую мы называем объективной действительностью; Реальность-3 (Р-3) - это реальность наших внутренних состояний и качеств (образы, внутренний диалог, ценности, убеждения, эмоции, сновидения и т.д.); Реальность-4 (Р-4) - реальность бессознательного.

Согласно этой модели, в первом приближении, можно выделить три вида проецирования.

1. «Физическая» реальность Р-1, воздействуя на человека и трансформируясь в процессе формопорождения, детерминирует появление неосознаваемого образа в Р-3, который проецируется обратно, на соответствующие события в Р-1, и приводит к «восприятию» событий Р-1, как объектов Р-2. Это и есть тот «препарированный» мир, который человек воспринимает и принимает за реальность. Коротко запишем:

$$P-1 \rightarrow P-3 \rightarrow P-1 \Rightarrow P-2$$

Напомним, что на Р-3 оказывают воздействие не только Р-1, но и Р-4 - реальность бессознательного, в которой в неосознаваемой форме хранится весь опыт человека - сенсорный, социальный, архетипический, трансперсональный и т.д.

2. Не детерминированные стимулами внешнего мира, то есть Р-1, и сконструированные внутренними репрезентативными системами образы Р-3 проецируются в пространство Р-2. Это приводит к появлению в Р-2 мнимых феноменов (м.ф.), похожих на явления «ложной тревоги», известные из психофизики (в ситуациях обнаружения сигналов), и галлюцинаций:

$$P-3 \rightarrow \text{пространство } P-2 \Rightarrow (\text{м.ф.}) P-2$$

Этот случай особенно наглядно показывает реальность существования *внутренних образов*, независимых от воздействий внешней среды Р-1, и явления их *проецирования* во вне. Вместе с тем, в этих случаях более явным становится воздействие на образы Р-3 реальности бессознательно-го Р-4. Если образы Р-3 не проецируются в пространство Р-2, но присутствуют в сознании человека, то в этом случае можно говорить об образах воображения.

3. Проецирование образов Р-3 на объекты и материалы Р-2 (поведение людей, бумага, дерево, мрамор и т.д.) и их изменение соответственно содержанию этой проекции (процесс материализации внутренних образов) приводит к созданию искусственных объектов (и.о.) в Реальности-2. В частном случае, это могут быть объекты искусства. То есть:

Р-3 → материалы-объекты Р-2 => (и.о.) Р-2

Теперь рассмотрим соответствующие этим проекциям отождествления.

1. Объекты Р-2 неосознанно отождествляются с образами Р-3 и осознаются как существующие вне человека и независимо от него. Реальность Р-1 не осознается по той причине, что оказывается целиком закодированной (закрытой) структурой образов из Р-3, с чем и имеет дело сознание человека.

2. Мнимые объекты Р-2 отождествляются с как бы реально существующими объектами Р-2, субмодальная и семантическая структура которых задается образами и внутренним состоянием Р-3. Эта возможность психического отражения является предпосылкой и причиной порождения образов несуществующих в данный момент и в данном месте объектов. «Отрыв» человека от настоящего, от непосредственного воздействия окружающей действительности

создает условия для порождения внутренних представлений о прошлом и будущем, что могло способствовать возникновению мифов, искусства, а в дальнейшем, и религии, в чьи образы люди верили так, как если бы эти мифические или религиозные персонажи и сюжеты существовали на самом деле. Феномен «ложной тревоги» играет важную роль в психическом отражении, так как освобождает сознание человека от оков причинности, способствуя образованию нелинейных отношений или ассоциативных связей, и *делает возможным осознание бессознательного содержания, пришедшего из области Р-4*. Без всего этого трудно представить возникновение легенд, мифов, метафизики, науки и, в частности, трансцендентальной парадигмы восприятия. Этот процесс можно назвать актом виртуального творчества.

3. Искусственные объекты (и.о.) Р-2 отождествляются с соответствующими прототипами, существующими в Р-3, и наделяются семантическими значениями и смыслами, которыми обладают эти прототипы в Р-3.

Проиллюстрируем пункты 1 и 3 фрагментом из работы Р.А. Погосьяна [Погосян, 2017, с. 247]. Приведем цитату полностью:

Одна из последних работ великого армянского художника М.Сарьяна называется: «Земля». Среди остальных в доме-музее художника эта картина ничем особенно не выделялась: ни выраженным сюжетом, ни характерными кисти художника сочными, яркими красками, опаленными армянским солнцем, -на ней одни красочные волнообразные полосы, отдаленно напоминающие цветы радуги. И больше ничего примечательного не было изображено на этом крохотном полотне.

Когда известный советский космонавт А. Леонов посетил дом-музей художника – Сарьян тогда уже был на

склоне лет – и, увидев картину, космонавт был удивлен..., минуту-другую не мог скрыть своего восхищения открытием: «...Мастер! А ведь Земля сверху точно такая же...!». Великий варпет (Мастер – Р.Н.) цветовые гаммы Земли вывел совершенно иным «взором», иным способом, нежели это сделал Леонов, непосредственно наблюдая Земной шар, находясь над ним во Вселенной... В целом они оба пришли к одному и тому же..., но к истине ли?..

Риторический вопрос автор задает неспроста - под ней скрывается другой, философский, вопрос: «А такова ли реальность на самом деле, какой ее видели Мастер и Космонавт?», в котором имеется в виду реальность без каких-либо проекций и отождествлений, то есть реальность Р-1. В терминах концепции «четырёх реальностей» этот вопрос получает следующее объяснение. Мастер и Леонов рефлексиируют разные реальности бытия. Мастер проецирует на холст образы воображения из реальности Р-3, получая в реальности Р-2 произведение искусства, а Леонов проецирует образы из реальности Р-3, полученные в результате формопорождения при взаимодействии с реальностью Р-1, обратно на реальность Р-1, что приводит к «восприятию» действительности или реальности Р-2. Таким образом, и великий мастер, и космонавт Леонов были далеки от истины – восприятия реальности Р-1.

Различие между проецированием и отождествлением состоит в том, что проецирование - это всегда «проецирование внутреннего во вне», а отождествление - это всегда «отождествление внешнего с внутренним». Это взаимосвязанные процессы, но условно можно выделить их последовательность: проецированием концептуально создается внешняя реальность Р-2, наделяя ее перцептивными компонентами, а затем благодаря отождествлению эта реальность осознается и включается в определенный смысловой контекст, со-

ответствующий внутреннему опыту и состоянию субъекта. В первом случае мы имеем дело с представлениями, выраженными через модальности репрезентативных систем и их субмодальности, а во втором случае - с ценностями, убеждениями, эмоциями, чувствами и т.д., выраженными через соответствующие лингвистические структуры.

Если под Р-2 подразумевать конкретного человека, его реакции и внешнее поведение (ВП) в ситуации, а под Р-3 - его же внутреннее состояние (ВС), включающее в себя образы, чувства, мысли, убеждения, ценности и т.д., то из вышеприведенных формул можно вывести формулу М. Холла и Б. Боденхамера [Холл, Боденхамер, 2006, с. 110], современных разработчиков нейро-лингвистического программирования и нейросемантики, которая ими успешно применялась для анализа практических возможностей изменения сознания (смыслов и убеждений):

ВП →/= ВС

Вербально формула звучит следующим образом: «внешнее поведение причинно зависит, означает или равно внутреннему состоянию». То есть это уравнение кодирует смыслы каузальности, эквивалентности и тождества, используемые затем для вывода рамок (фреймов), управляющих линиями сознания человека, что может послужить основой для проведения изменений техниками рефрейминга.

Изучая объекты Р-2, человек хочет проникнуть в их сущность и ответить на вопросы что это такое, как оно устроено? В конечном итоге, все сводится к одному вопросу: как устроен *на самом деле* окружающий нас мир. Из многочисленной научной литературы на эту тему видно, что в этом «на самом деле» скрыто страстное желание человека проникнуть за черту возможностей восприятия в неосознаваемое

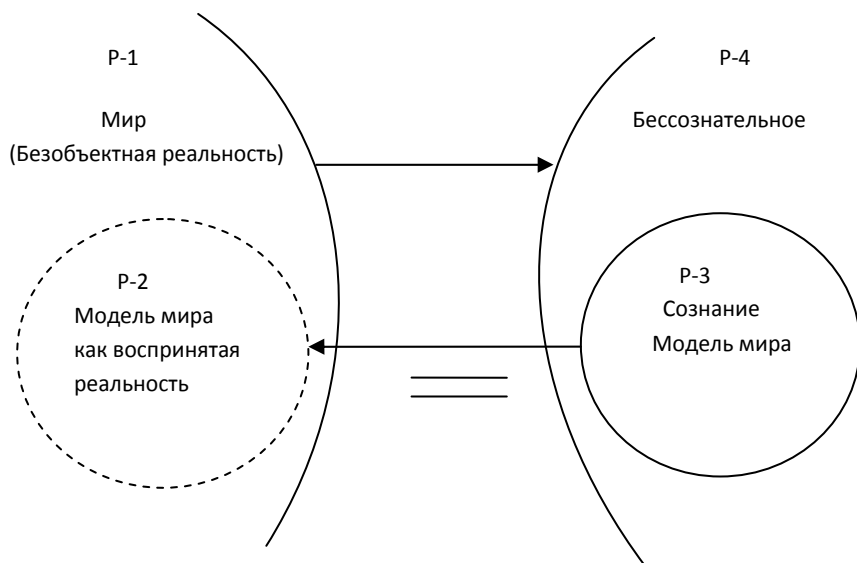

мые трансцендентные реальности Р-1 и Р-4 и, исключив, по мере возможности, свой собственный субъективизм, создать истинный образ Вселенной (в этом, одновременно, и целевая функция эволюции природы). Это сфера, в частности, научного сознания, необходимого природе для познания и понимания самой себя. А в этом процессе существенную роль играют многократные отождествления осознаваемых феноменов с возможными моделями их описания и объяснения, приводящие ко все более совершенным и точным моделям реальности со все меньшей долей субъективизма - «мистических сопричастностей» и «интеллектуальных извращений».

Кроме того, отождествление в процессе восприятия выполняет еще одну важную функцию - оно необходимо для «остановки» динамичного и изменяющегося мира, фиксации момента восприятия и придания ему определенного смысла, что обычно и делает человек сначала в субмодальностях восприятия, затем в понятиях, обозначающих ощущение, чувство или образ, и, наконец, при выборе фрейма восприятия, придающего определенный смысл и значение всему воспринятому.

Таким образом, мы показали аспекты отождествления, необходимые и ограничивающие познавательные возможности человека. В контексте, например, НЛП ставится задача заменить негативный процесс отождествления, в основе которого лежит негативный образ из Р-3, позитивным процессом отождествления, предварительно создав внутренний позитивный образ проблемного события в уже решенном виде (человек, ситуация, телесное ощущение, чувство, мысль).

На рис. 3 приведена схема психического отражения с учетом модели мира и реальностей, в которой существует человек и его сознание.

Рис.3. *Схема процесса восприятия в концепции «четырёх реальностей».*

Из этой схемы восприятия видно, что реальность P-1 воздействует на человека, в результате чего в P-3 порождаются образы репрезентативных систем и ощущения, образующие модель мира. Но сознание «отражает» и реагирует не на реальность P-1 и не на реальность P-3 (в случае открытых глаз), а на спроецированную на P-1 модель мира из P-3 (она обозначена на схеме пунктирным кругом), которая воспринимается сознанием как реальность P-2, объективно существующая вне человека. А это и означает неосознаваемое человеком отождествление модели мира с миром (на схеме оно обозначено знаком равенства).

В психотерапевтическом контексте это означает, что для изменения эмоционального или поведенческого отношения человека к реальности необходимо и достаточ-

но изменение его модели мира. Психотерапия возможна именно благодаря тому, что сознание человека реагирует не на действительность, а на модель этой действительности, спроецированную во вне. Таким образом (то есть способом изменения модели мира) работает и НЛП, и все остальные виды психотерапии, но, пожалуй, только в НЛП так ясно осознается значение модели мира и так непосредственно используется для решения психологических проблем. С другой стороны, если учесть, что реальность, воспринимаемая человеком, полностью соответствует содержанию его сознания и бессознательного, то можно утверждать, что изменение модели мира конкретного человека повлечет за собой соответствующее изменение реальности, в которой он живет и действует. Это надо понимать буквально, и в этом нет никакой мистики – действует принцип психологической относительности реальности. А в этом случае можно говорить не только об изменении эмоциональных и поведенческих реакций человека, но и об изменении его судьбы.

Заключение

Таким образом, анализ методологических ресурсов трансцендентальной рациональности, используемых при исследовании процесса восприятия, выявил новые возможности понимания основных характеристик этих ресурсов. Оказалось, что психология восприятия существенным образом зависит от того, как мыслится воспринимаемая реальность или воспринимаемый мир. Вопрос, поставленный в начале 80-х годов прошлого столетия С.Д. Смирновым, о том, «...как понимается сам «мир»; от какого «объективного мира» должен отправляться анализ» [Смирнов, 1985, с.10], был решен им в контексте традиционной парадигмы деятельностного подхода. Поэтому основные составля-

ющие процесса восприятия (объект и субъект) сохранили свои прежние значения, что не позволило выйти за пределы ограничений теории деятельности. В трансцендентальной парадигме тот же вопрос получил совершенно другое решение, выраженное в философском тезисе А.И. Миракяна о «ничто», возникшем из критики продуктного подхода и идеи о порождении: изначально (в «ничто») нет и не может быть представления об объекте, имплицитно содержащемся в понятиях «отражение» и «восприятие» в их традиционном понимании. Поэтому трансцендентальная психология – это психология порождения, наука о том, как порождаются психические явления, наука, изучающая особенности до-феноменальной реальности, что может быть осуществлено лишь при реализации трансцендентального типа рациональности.

Как было показано выше, новое понимание о реальности, существующей вне феноменов восприятия, вне сознания, повлекло за собой новое понимание смысла теоретических конструктов: «реальность», «объект», «образ», «адекватность восприятия». А так как психотерапия, имеет непосредственное отношение к этим понятиям и соответствующим им явлениям (обобщенных в понятии «модели мира»), то оказалось возможным создание специфической методологии психотерапевтического воздействия, опирающейся на основополагающие идеи трансцендентальной парадигмы.

Однако этим не ограничиваются возможности использования методологических ресурсов трансцендентальной рациональности. В последнее время наблюдается тенденция к расширению области ее приложений. Это касается проблем исследования мышления [Козлов, 2017], [Погосян, 2017]), времени [Солодкова, 2017], исследований в области экопсихологии [Панов, 2014], личностного развития [Панов, Кап-

цов, 2017], психологической безопасности личности [Мурадян, 2017], психотерапии [Есяян, 2017].

Кроме того, так как в трансцендентальной психологии центральное место занимает формирование представлений о картине мира, то становится необходимым образование междисциплинарных связей с философией ([Акопов, 2017], [Мазилов, 2017]), в особенности, с метафизикой как разделом философии [Нагдян, 2015, 2017] и с физикой. Обращение к физике связано с тем, что конкретные представления о картине мира создаются именно в физике (Птолемей, Коперник, Ньютон, Эйнштейн, Бор, Эверетт и др.), поэтому обращение к концепциям мира, сформулированным в современной теоретической физике, поиск аналогий и параллелей в психической реальности может иметь эвристическое значение для определения закономерностей и принципов порождения, необходимых для решения проблем трансцендентальной психологии [Нагдян, 2010, 2014, 2015].

Основной вывод данного исследования состоит в том, что классическая, неклассическая и постнеклассическая типы рациональности недостаточны для решения глубинных проблем психологии, связанных с поиском принципов и закономерностей, порождающих психические феномены процессов. Решение подобных задач, которое до настоящего времени было невозможно найти через эмпирические методы, связано с применением трансцендентального (априорного) образа мышления. Поэтому можно ввести понятие о трансцендентальном типе рациональности, дополняющем классификацию известных типов научной рациональности, существующей в современной философии науки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПОЗНАНИЕ, ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ В.А. МАЗИЛОВ

Прочитана последняя страница книги Рубена Нагдяна. Скажу сразу, что книга производит очень приятное впечатление. Оно связано, в первую очередь, с тем, что монография имеет выраженное стимулирующее действие: хочется немедленно бросить все и начать составлять «ответ Чемберлену», как выразился бы мой друг Виктор Петренко [9]. Монография будит мысль читателя, ее тезисы заставляют читателя либо согласиться с утверждениями автора, либо вступить с ним полемику: в книге высказываются авторские суждения, которые не оставляют равнодушным, сразу хочется начать дискуссию. Представляется, что для книги по методологии это лучшая рекомендация. Отметим, что книга явно актуальна и значима для современной психологии.

Второй момент, который бы хотелось отметить. Одну из граней ценности книги Рубена Нагдяна для современной психологии вижу в том, что это *настоящая* методология. Как ни удивительно, такая формулировка – при всей ее парадоксальности – имеет право на существование. Книг по методологии выходит очень мало. Я бы сказал, несоизмеримо мало – если сравнивать с объемами выполняемых исследований и в академической, и в практико-ориентированной психологиях. Методологических исследований при этом на самом деле много меньше, чем работ по методологии. Еще один момент, вызывающий удивление. Речь о том, что некоторым пишущим на методологические темы, к сожалению,

представляется, что методология по-прежнему имеет предписывающий характер: авторами формулируются некие тезисы, которые почему-то (по представлениям этих авторов) должны остальными неукоснительно исполняться. Забавно и то, что высказанные этими авторами утверждения, по их мнению, не нуждаются в аргументации. Видимо, в сознании некоторых авторов, склонных к методологии, по-прежнему живы представления, будто достаточно «слово молвить», а остальное само собой «приложится».

По счастью, в случае с Рубеном Нагдяном все не так – это методолог божьей милостью. Его методологические разыскания - это попытка построения полноценной методологии, то есть *теории методологии*. Его ранние работы были также посвящены методологическим исследованиям. Можно смело сказать, что Рубен Нагдян - это методолог психологии по призванию. Даже в те годы, когда господствовала идеология, а методологические изыскания мыслящие психологи должны были маскировать, Р. Нагдяну удавалось отстаивать свои взгляды, не прибегая к эзопову языку или иным маленьким хитростям [3].

И третий момент. Рубен Нагдян – исследователь, имеющий фундаментальные знания и обширную эрудицию в области философии и эпистемологии науки, что дает ему объемность и глубину видения методологических проблем.

Как понимает читатель, три эти момента делают событием каждую новую работу Рубена Нагдяна. Более того, знающие о работах Рубена с нетерпением их ожидают. Вот прочитана его новая книга. Мы констатируем, что она нас не разочаровала ни в малой степени. Налицо разработка прежних сюжетов, дальнейшее развитие взглядов и авторского подхода и, конечно, появление новых мотивов. В последние годы Рубен Нагдян демонстрирует изрядную продуктивность, причем в его работах разной направленности

на первый план выходят чисто методологические мотивы. Вот и эта книга посвящена именно методологии познания. Называется она, как помнит читатель, «Методология трансцендентальной психологии».

Состоит она из трех глав.

В первой главе монографии представлены философские основания возможности применения метафизического подхода в психологии.

Во второй главе книги рассмотрены некоторые методологические подходы традиционной психологии к исследованию психических явлений в сопоставлении с отстаиваемым автором метафизическим подходом.

Наконец, в третьей главе монографии автором обосновывается ограниченность классификации типов научной рациональности по В.С. Степину для исследования психических явлений. Автор показывает, что существует еще одна возможность – и она реализуется автором книги - возможность дополнения этой классификации новым трансцендентальным типом рациональности. Автор показывает, что этот тип необходим для исследования глубинных принципов порождения психического.

Собственно говоря, книга прочитана, пересказывать какие-то положения нет никакого смысла, тем более, что авторское изложение сочетает ясность описания и доступность изложения. Подчеркнем, что текст понятен читателю, написано все на хорошем языке. Поэтому ограничимся лишь отдельными комментариями.

1. По мнению автора послесловия, заслуживает быть отмеченной научная последовательность и приверженность традиции автора книги. Являясь последователем и учеником выдающего армянского методолога психологии А.И. Миракяна [1], [2], - по моему мнению, автора недопонятого и недооцененного современной психологией, - Рубен Наг-

дьян бережно развивает его идеи, удачно комментирует и разъясняет трудные для понимания места. В результате на наших глазах формируется – благодаря работам Нагдяна – *методология трансцендентальной психологии* как направление исследований и разработок. Оформление подхода означает увеличение возможности диалога и взаимопонимания с другими направлениями в методологии, что переоценить невозможно.

2. Рубен Нагдян, что мне хотелось бы подчеркнуть специально, вносит вклад в интеграцию психологии. Р. Нагдян делает важнейший шаг к будущему взаимопониманию *внутри психологии*. Во второй главе своего труда Р. Нагдян проводит сопоставительный анализ положений развиваемого трансцендентального (метафизического) подхода и традиционных психологических взглядов. Это не первый опыт автора – напомним, ранее он провел методологическое сопоставление основ практико-ориентированной психологии и академической психологии [8].

3. В своей новой работе Рубен Нагдян затрагивает еще одну важнейшую для психологии методологическую проблему, также связанную с взаимопониманием, но уже на уровне междисциплинарном. И в данном случае он подходит к обсуждению и решению проблемы взаимоотношения психологии с философией и другими дисциплинами. Представляется, что это важно и очень своевременно. В настоящее время даже место психологии в системе научного знания однозначно не определено. А значит, не ясен и статус психологии, и система отношений с другими дисциплинами. Поясним эту мысль. В философии науки заслуженной популярностью пользуется типология рациональности, разработанная классиком отечественной философии В.С. Степиным. Эта типология пользуется известностью, широко используется в разных дисциплинах. Есть попыт-

ки использовать ее и в психологии. Психологи, по своей воле и с желанием, используют концепцию исторических типов рациональности: возникает впечатление, что на этот раз психологи ассимилировали философскую наработку и готовы использовать ее на благо собственной дисциплины, но в действительности «все как всегда»: выделенные философами и детально обоснованные типы наполняются своим содержанием, что превращает применение концепции в чистую формальность.

Исследовавший специально эту проблему Р. Нагдян, отмечает, что трансцендентальный подход к исследованию принципов порождающего процесса восприятия не может быть применен в контексте соотношения «субъект-средства-объект», в рамках которого, согласно В.С. Степину, реализуются известные в философии науки типы рациональности. Поэтому применяемый в трансцендентальной психологии образ мышления может быть выделен как отдельный тип научной рациональности, дополняющий существующую классификацию идеалов и норм познавательной деятельности субъекта.

Не будем далее писать об идеях Р. Нагдяна, сформулированных в этой книге эксплицитно, не будем пытаться предугадать, что в тексте оформлено лишь имплицитно и проявится в его следующих методологических текстах. Я думаю, что ситуация повторится: мы, читатели, будем ждать новой встречи с произведениями Рубена Нагдяна и готовиться к «сотворчеству», поскольку мысли методолога стимулируют собственные размышления читателя о психологии и путях ее развития. Так уже было и так будет: Рубен - автор известных книг, которые не оставляли читателей равнодушными.

И, наконец, несколько слов об авторе. Рубен Нагдян родился в Ереване в 1945 году. Базовое образование получил на физическом факультете ЕГУ (1963-68), где и получил ди-

плом по специальности «физик». У Рубена естественнонаучная подготовка и четкое научное мышление.

Он психолог. Первое знакомство с психологией началось в Москве в Институте общей и педагогической психологии (нынешний Психологический институт РАО) во время стажировки от кафедры психологии Армянского педагогического института им Х. Абовяна (1970-72). Руководителем стажировки были Б.Ф. Ломов и Ю.М. Забродин – ведущие советские психологи. Р. Нагдян начал заниматься психофизикой. 1972-75 – годы аспирантуры в Ереване. Кандидатскую диссертацию (о возможности применения принципов симметрии в психологии) Р. Нагдян написал под руководством Ю.М. Забродина, защита диссертации состоялась в 1988 году в Ереване. Докторская диссертация (2015) была посвящена проблеме необходимости применения метафизического подхода к методологии исследования психического отражения реальности. В этой работе развивались идеи замечательного армянского психолога А. Миракяна - до сих пор в полной мере недооцененного мыслителя. В этой работе Р. Нагдяном была представлена авторская концепция «четырёх реальностей», которая оказалась весьма продуктивной для понимания особенностей действия техник нейро-лингвистического программирования и его эффективности.

Рубен Нагдян - философ, философ психологии и методолог по складу своего ума.

Пожелаем Рубену Нагдяну новых оригинальных работ и замечательных исследований. Читатели и поклонники таланта Р. Нагдяна их ожидают.

Библиографический список

1. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн.1. М.: изд. ИП РАН, 1999.
2. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн.2. М.: изд. ИП РАН, 2004.
3. Нагдян Р. Принцип симметрии в психологии. Канд. диссертация. Ереван, 1988.
4. Нагдян Р.М. Образы реальностей. Сборник научных статей. Изд-во ЕГУ. Ереван, 2003.
5. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Психология философии Изд-во «Айастан». Ереван, 2009.
6. Нагдян Р.М. Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. Диссерт. док.пси. наук. Ереван, 2015.
7. Нагдян Р.М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика, Ер.: изд. «Лусабац», 2017, - 424 с.
8. Нагдян Р.М. Нейро-лингвистическое программирование. Книга 1: История. Философия. Практика. Ереван, 2018.
9. Петренко В.Ф. Что есть истина? (или наш ответ лорду Чемберлену) // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. Том 2, № 1, 2005 с. 93-101.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010.
2. Адамян О.А., Руденко И. Л. Принцип образования отношения в процессах восприятия ахроматического цвета объектов // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992, С.188-196.
3. Акопов Г.В. Значение концепции А.И. Миракяна в обосновании созерцания как дополнительной к деятельности категории психологии // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 14-26.
4. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб, 1993. - 198 с.
5. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб, Лабиринт, 2003. – 310 с.
6. Андреас К., Андреас С. Сердце разума (практическое использование методов НЛП). М., 1997. – 248 с.
7. Андреас К., Андреас С. Измените свое мышление и воспользуйтесь результатами. М., 1999. – 259 с.
8. Андреев А.Н. Восприятие движения объекта в глубину // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С.104-115.

9. Аристотель Соч. в 4 томах. Т.1. – М.: изд-во «Мысль», 1976. – 550 с.
10. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 324-358.
11. Артемьева Е.Ю. Об описании структуры перцептивного опыта // Вестник МГУ (Серия 14.Психология), 1977, 2.С. 12-18.
12. Арутюнян С.Ф. Концептуальный анализ феномена идентичности и особенности ее формирования, развития и проявления. Дисс. док.психол. наук. Ереван, 2007.
13. Асмолов А.Г., Михалевская М.Б. От психофизики «чистых» ощущений к психофизике сенсорных задач // Проблемы и методы психофизики / Под ред. А.Г. Асмолова. М.Б. Михалевской. -М.: изд. МГУ, 1974. С. 5-12.
14. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М., 2002.
15. Барабанщиков В.А. Динамика зрительного восприятия. М.: Наука, 1990. - 240 с.
16. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. - СПб: Алетейя, 2002.
17. Барабанщиков В.А. Онтологический подход в исследовании восприятия // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009а. – Т. 2. – С. 81–101.

18. Барабанщиков В.А. Современная психофизика. М.: Изд-во «Психологический институт РАН», 2009б. – 543 с.
19. Барабанщиков В.А. Экспрессии лица и их восприятие. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 341 с.
20. Бардин К.В., Индлин Ю.А. Начала субъектной психофизики. - М.: Изд. ИП РАН, 1993.
21. Белоногова Е.В., Леонтьев Д.А. Синтетическая модель восприятия искусства // Психологический журнал, 2001. Т. 22, N 2. С. 140-142.
22. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е дополн. - М.: Издательство ЛКИ, 2009. – 240с.
23. Ватрофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (Бостонские исследования по философии науки). М.: Изд-во «Прогресс», 1978. С. 43-110.
24. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. – М., 2003.
25. Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Пг., 1917. – 394 с.
26. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М., 1998. – 528 с.
27. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл. Издательский центр «Академия», 2006. – 448 с.
28. Величковский Б.М., Леонова А.Б. Психология установки и микроструктурный подход // Бессознательное, т.1. Тбилиси: Мецниереба. 1978. С.730-739.

29. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и его окружения. М.: 1965. – 310 с.
30. Владимиров Ю.С. Между физикой и метафизикой. Кн. 1-5. М.: Книжный дом «Либроком», 2009-2013.
31. Владыкина Н.П. Решение психофизических задач в зоне неразличения // Сборник статей факультета психологии СПбГУ. - СПб, 2007.
32. Водолагин А.В. Психопатология и метафизика воли. К 125-летию Карла Ясперса. Вопросы философии, 2008, 5. С. 140-148.
33. Волков И.П. Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской Академии, вып. 3, 1996. С. 6-13.
34. Ворожейкин И. В., Макаров А.В. Роль сознания в имплицитном научении при решении сенсорных задач // Экспериментальная психология в России (отв. ред. В.А. Барабанщиков). - М.: изд. ИП РАН, 2010. С. 239-242.
35. Вундт В. Психология в борьбе за существование. // Новые идеи в философии. Сб. десятый: Методы психологии II. – СПб.: Образование, 1913. – С. 93–131.
36. Вундт В. Метафизика // Философия в системном изложении. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 117-150.
37. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Собрание сочинений, т.1. М., 1982. – 489 с.
38. Вяльцев А.Н. Дискретное пространство-время. М.: Наука, 1965. – 400 с.

39. Гаспарян Д.Э. Бои за эпистемическое первенство: трансцендентальные границы современного натурализма. Вопросы философии, 2014, №12. С. 58-68.
40. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: «Мысль», т.1, 1974. – 452 с.
41. Гейзенберг В. Физика и философия. М.: Наука, 1963. 286 с.
42. Геккель Э. Мировые загадки. М.: ОГИЗ, 1935. – 533 с.
43. Гербарт И.Ф. Психология. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 288 с.
44. Геффдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте. М.: Изд. Либроком, 2010. – 354 с.
45. Головина Е.В. Когнитивно-стилевые детерминанты уверенности при решении сенсорной задачи // Методы исследования психологических структур и их динамики / Под ред. Т.Н. Савченко. -М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. Вып. 2. С. 114-120.
46. Головина Е.В. Структура уверенности и когнитивные стили: Дис.. канд. психол. наук. -М., 2006.
47. Гостев А.А. Психология вторичного образа: субъект, феноменология, функции. Дисс. док. пси. наук, СПб, 2001.
48. Готт В.С., Перетурич А.Ф. Симметрия и асимметрия как категории познания. В кн. «Симметрия. Инвариантность. Структура». М.: Наука, 1967. С. 36-43.
49. Грот Н. Что такое метафизика? / Вопросы философии и психологии, кн. 2. М., 1890. С. 107-128.
50. Гроф Ст. За пределами мозга. М., ООО «Издательство АСТ», 2001. – 504 с.

51. Гусев А.Н. Психофизика сенсорных задач: системно-деятельностный анализ поведения человека в ситуации неопределенности. - М.: МГУ; УМК «Психология», 2004.
52. Гусев А.Н. От психофизики «чистых» ощущений к психофизике сенсорных задач: системно-деятельностный подход в психофизике. Вопросы психологии, 2013, 8. С. 143-155.
53. Гусельцева М.С. Культурная психология и методология гуманитарных наук // Вопросы психологии. 2005. № 5. – С. 3-18.
54. Гусельцева М.С. Методологическая «оптика» постнеклассической и неклассической рациональности // Журнал практического психолога. – 2009. – № 6. – С. 4-44.
55. Дадамян Г., Дондурей Д., Невлер Л. Восприятие монументального искусства: типы, механизмы, эффективность // Вопросы социологии искусства. М.: Наука, 1979. – С. 194-248.
56. Декарт Р. Избранные произведения. М.; Наука, 1950. – 710 с.
57. Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
58. Дмитриева Н.И. Краткая история искусств. М., 1968. – 326 с.
59. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – М.: Смысл, 1993. – 456 с.
60. Дорфман Л.Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. – М.: Смысл, 2003. – 107 с.

61. Дорфман Л.Я. Горизонты современной эмпирической психологии. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008. Т. 5, №3. С. 3.
62. Дубровский В.Е., Скотникова И.Г. Решение когнитивных задач: статистический анализ характеристик уверенности // Труды Второй Международной конференции по когнитивной науке. - СПб., 2006. Т. 1. С. 264-265.
63. Емельянова С.А. Активность личности при решении пороговой задачи различения сигналов. Автореф. дисс. канд. психол. наук, Москва, 2011.
64. Емельянова С.А., Гусев А.Н. Роль личностной диспозиции «контроль за действием» в решении сенсорной задачи на различение. Экспериментальная психология в России (отв. ред. В.А. Барабанщиков). - М.: изд. ИП РАН, 2010. С. 257-261.
65. Ермошин А.Ф. Вещи в теле (психотерапевтический метод работы с ощущениями). М., 1999. – 314.
66. Есаян Г.С. Проявление продуктного подхода в психотерапии // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 53-75.
67. Зальцман А. М. Исследование некоторых особенностей полифункциональности слухового восприятия. Дисс. канд. психол.н. М.: 1980.
68. Зальцман А.М. Роль пространственно-акустической анизотропности в слуховом восприятии // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С.171-187.

69. Захаров В.Д. Метафизика в науках о природе // Вопросы философии, 1999, 3. С. 97-111.
70. Зинченко В.П. Кризис или катастрофа? Вопросы философии, 1993, №5. С. 3 – 43.
71. Зинченко В.П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. – 2006. N5. – С. 100-113.
72. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии. Вопросы философии, 1977, 7. С. 109-125.
73. Зинченко Ю.П. Методологические проблемы фундаментальных и прикладных психологических исследований // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 1 (5). – С. 42-49.
74. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского-А.Р. Лурия // Национальный психологический журнал, 2012, N8. – С. 32-45.
75. Знаков В.В. От психологии субъекта – к психологии человеческого бытия // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М., 2007. – С. 330-351.
76. Иванов А.В. Метафизика как сердце философии // Альманах «Метафизика. Век XXI». Вып. 2. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. С. 86-95.
77. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские курсы по метафизике. М.: изд-во МГУ, 2004. – 312 с.
78. Имедадзе И.В. Постулат непосредственности и пути его преодоления // Современные проблемы

теоретической и прикладной психологии. Материалы международной научной конференции. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2013. С. 274-276.

79. Кандинский В. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992. – 89 с.
80. Кант И. Сочинения в четырех томах, т. 3. М.: «Мысль», 1964. – 450 с.
81. Кант И. Сочинения в шести томах, т. 6. М.: «Мысль», 1966. – 743 с.
82. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 8-ми т.т. Т.3. М.: Чоро, 1994.
83. Кант И. Избранные письма // Кант И. Сочинения в 8-ми т.т. Т.8. М.: Чоро, 1994.
84. Карпинская В.Ю. Принятие решения об осознании стимула как этап процесса обнаружения // Когнитивная логика сознательного и бессознательного. – СПб.: Изд-во С.-Петербур.ун-та, 2006. – С. 87-96.
85. Карпов А.В. Метасистемный подход к исследованию системогенетических закономерностей. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Системогенез учебной и профессиональной деятельности», Ярославль, изд. «Канцлер», 2007. – 312 с.
86. Катречко С.Л. Кантовский трансцендентализм и его концепт вещи-самой-по-себе // Трансцендентальный поворот в современной философии: метафизика, теория опыта, теория сознания. Материалы международного научного семинара. М., 2017. С. 37-45.
87. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методо-

- логия и история психологии. – 2007. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 5-19.
88. Ключко В.Е. Смысловая теория мышления в трансспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. – 2008. – № 2. – С. 87-101.
89. Князева Е.Н. Методы нелинейной динамики в когнитивной науке // Синергетика и психология: тексты: Выпуск 3: Когнитивные процессы / Под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. М., «Когито-Центр», 2004, - 416 с.
90. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007. - 528 с.
91. Козлов В.И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С.90-150.
92. Козлов В.И. Теоретико-методологическое обоснование исследования элементарных перцептивно-интеллектуальных актов как порождающих процессов // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 76-98.
93. Козлов В.И., Подлеснова Н.В. Экспериментальное исследование формопорождения в зрительном восприятии // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992.

94. Колерс П. Некоторые психологические аспекты распознавания образов // Распознавание образов. М., 1970. С. 16-87.
95. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2011.
96. Косслин С. Мысленные образы // Когнитивная психология: история и современность / Под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. М. 2011. С. 97-109.
97. Кубарев В.С. Методологические инструменты постнеклассической психологии: транспективный анализ // Сибирский психологический журнал, 2015, №58. С. 6-24.
98. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 317 с.
99. Кухта М.С. Восприятие визуальной информации: философия процесса. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2004. – 202 с.
100. Кюри М. Кюри М. Пьер Кюри. М., 1961. – 220 с.
101. Кюри П. О симметрии в физических явлениях. Избранные труды. М.-Л.: Наука, 1966.
102. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1927. – 289 с.
103. Лейбниц Г.В. Рассуждение о метафизике // Сочинения в четырех томах. Т.1. – М.: Мысль, 1982. С. 125-163.
104. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. унта. Сер. 14. Психология, 1979, № 2. С. 3-13.

105. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд. АПН РСФСР, 1959. – 450 с.
106. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психол. произведения, т.2. М., Педагогика, 1983. С. 89-110.
107. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. – 2005. – № 1. С. 74-94.
108. Линдорф Д. К. Юнг и В. Паули. [http: // castalia.ru/perevody/posledovateli-yunga/1527-devid-lindorf-yung-i-pauli-glava-13-aspektyi-coniunctio-novaya-religiya.html](http://castalia.ru/perevody/posledovateli-yunga/1527-devid-lindorf-yung-i-pauli-glava-13-aspektyi-coniunctio-novaya-religiya.html)
109. Лицо человека как средство общения: междисциплинарный подход // Отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. – М.: Когито-Центр, 2012. – 348 с.
110. Логвиненко А.Д. Чувственные основы восприятия пространства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
111. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
112. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, МАПН, 1998. – 359 с.
113. Мазилев В.А. Естественно-научный подход в психологии: штрихи к биографии // Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. – С. 41-45.
114. Мазилев В.А. Стены и мосты: методология психологической науки. – Ижевск, ERGO, 2015.

115. Мазилев В.А. Философия и психология: юбилейные размышления // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 99-125.
116. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Необходимость себя. М.: «Лабиринт», 1996. С. 7-154.
117. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб.,: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.
118. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. – СПб.: «Евразия», 1997. – 430 с.
119. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука. Физматлит, 1998. 192 с.
120. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М.: Физматлит, 2001. 272 с.
121. Мелик-Гайказян И.В. Memoiry-turn: архитектура биоэтики как диагностика нового поворота философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4. С. 165–179.
122. Менегетти А. Образ и бессознательное. Учебное пособие по интерпретации образов и сновидений. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004. – 464 с.
123. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Фрязино: «Век-2», 2005. – 320 с.
124. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино: «Век-2», 2011. – 320 с.

125. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Дисс. доктор.псих. наук. М., 1987.
126. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ер.,: Айастан, 1990.
127. Миракян А.И. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование // Принципы порождающего процесс восприятия (коллективная монография), под ред. А.И. Миракяна. М., 1992. С. 9-46.
128. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. 1995, № 2. С.77-94.
129. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: Изд. ИП РАН, кн,1, 1999.
130. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: Изд. ИП РАН, кн.2, 2004.
131. Миронов В.В. Предметное самоопределение метафизики // Метафизика, 1, 2011. С. 86-95.
132. Морина Н.Л. Изучение некоторых особенностей восприятия упругости. Дисс. канд. психол. наук. М.: 1978.
133. Морина Н.Л. Экспериментальное исследование принципа анизотропности и пространственно-временной дискретизации в осязании // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С.116-136.
134. Морина Н.Л. Историко-философские предпосылки исследований осязания // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. М.: Институт психологии РАН, Психологический институт РАО, 1995. С. 32-44.

135. Моруна Н.Л. Анизотропность руки в процессе осязательного восприятия // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. М.: Институт психологии РАН, Психологический институт РАО, 1995. С. 122-134.
136. Моруна Н.Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осязании // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ.ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. – М.: УРАО «Психологический институт», 2010. – 580 с.
137. Мурадян Е.Б. Возможный методологический вектор изучения психологической безопасности личности в контексте трансцендентальной психологии // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 151-169.
138. Нагдян Р.М. О возможности применения в психологии принципов симметрии // Сб.: «Психофизика дискретных и непрерывных задач». М.: Наука, 1985. С. 228-232.
139. Нагдян Р.М. Симметрия и асимметрия процессов решения мыслительных задач разного уровня сложности. Дисс. канд. психол. наук. Ер., 1988.
140. Нагдян Р.М. Образы реальностей // Сборник научных статей. Ер.: ЕГУ, 2003. С. 179-191.
141. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Ер.: Сарвард, 2007.
142. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Психология философии. – Ер.: Изд «Айастан», 2009. – 104 с.

143. Нагдян Р.М. Некоторые проблемы современной физики в контексте афизикального подхода А.И. Миракяна // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 368-383.
144. Нагдян Р.М. Очерки метафизической психологии. Ер.: НАИРИ, 2013. – 240 с.
145. Нагдян Р.М. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия. Вестник ЕГУ, 140.4, Ер.: Изд-во ЕГУ, 2013. С. 54-68.
146. Нагдян Р.М. Сравнительный анализ метафизических подходов к проблеме сознания // Вестник Ереванского университета, 2014, 1 (142). С. 45-54.
147. Нагдян Р.М. За пределами онтологической концепции восприятия // Теоретическая и экспериментальная психология, 2015, т.8, 1. С. 49-61.
148. Нагдян Р.М. Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. Дисс. док.пси. наук. Ер., 2015.
149. Нагдян Р.М. Анализ соотношения классической и неклассической рациональности в психологии восприятия (психофизика, гештальтпсихология) // Ер.: Вестник РАУ, 3/2016. С. 105-118.
150. Нагдян Р.М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика. Ер.: Лусабац, 2017. - 424 с.
151. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика, психология и футурология). М., 2001. – 158 с.

152. Новейший философский словарь. Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
153. Носуленко В.П. Психофизика восприятия естественной среды. -М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
154. Ньютон И. Оптика. М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1954. - 365 с.
155. Оствальд В. Натурфилософия // Философия в системном изложении. М.: изд, Дом «Территория будущего», 2006. – 440 с.
156. Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ. Москва-Воронеж, изд. НПО «МОДЭК», 1999. - 512 с.
157. Панов В.И. Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов. М.: Психологический институт РАО, 1993. - 140 с.
158. Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов. Дисс. док.психол. наук. М.: 1996.
159. Панов В.И. От проблемы образа к проблеме формопорождения // Сб.: «Образ в регуляции деятельности». М.: Российское психологическое общество, 1997. С. 101-112.
160. Панов В.И. Парадоксы изучения психики и возможности их преодоления // Национальный психологический журнал. 2011. 1 (5). С. 50-54.
161. Панов В.И. Экопсихология. Парадигмальный поиск. – М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. – 304 с.

162. Панов В.И., Копцев А.В. Анизотропность как условие и фактор личностного развития в студенческой учебной группе. // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 247-260.
163. Первушина Н.А. Основания для классификации психологических теорий восприятия визуальной информации. Вестник ТГПУ, 2014, 7 (148). С. 94-98.
164. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал, 2002. Том 23, N 3. С. 113-121.
165. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке. // Вопросы философии. 2011, № 6. С. 75-82.
166. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. – 528 с.
167. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // Вопросы философии, №12, 1966. С. 4-13.
168. Пиаже Ж. Генезис восприятия // Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1978, вып. 6. С. 14-87.
169. Погорельцова Т.С. Осязательное восприятие пространственной протяженности. Дисс. канд. психол. наук. М., 2000.
170. Погосян Р.А. К подходу изучения психологии дедуктивно-умозаключающего мышления (методологический анализ) // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 261-292.

171. Поппер К. Мир предрасположенностей: два новых взгляда на причинность // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: Прогресс, 2000. – 193 с.
172. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. – 450 с.
173. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок и хаос. М.: Прогресс, 1986. 431.
174. Принципы порождающего процесса восприятия (коллективная монография). Под ред. А.И. Миракяна. М., 1992.
175. Психология восприятия: трансцендентальная перспектива // Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017.- 344 с.
176. Психология ощущений и восприятия // под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской, Г.Ю. Любимовой, - 3 изд. перераб. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.
177. Психофизика сегодня. – М.: Изд-во «Институт психология РАН», 2007. – 335 с.
178. Рассел Б. История западной философии. – М.: АСТ, 2010. – 831 с.
179. Рок И. Введение в зрительное восприятие. Т. 2. М., 1980. – 51 с.
180. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. Изд 2. Отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: «Педагогика», 1976. – 416 с.
181. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. – 288 с.

182. Садов В.А., Шпагонова Н.Г. Роль семантики в восприятии длительностей естественных и психофизических сигналов // Психофизика сегодня / Под ред. В.Н. Носуленко, И.Г. Скотниковой. -М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 297-303.
183. Сартр Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. – 318 с.
184. Скотникова И.Г. Экспериментальное исследование уверенности в решении сенсорных задач // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 84-99.
185. Скотникова И.Г. Проблемы субъектной психофизики. -М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
186. Скотникова И.Г. Субъектный подход в психофизике. Дисс. док. психол. наук. Москва, 2009.
187. Слободчиков В.И. Антропологический статус современного психологического знания // Известия Саратовского университета, серия антропология образования. Психология развития, 2014. Т. 3, вып. 3 (11). С. 224-228.
188. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд. Московского университета, 1985. – 230 с.
189. Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии, 2006, т.1, вып. 1. С. 73-84.
190. Смит Н. Современные системы психологии. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
191. Соколова Е.Е. Есть ли будущее у теории деятельности? // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 2011. – № 4. – С. 129-140.

192. Соколова Е.Е. Школа А.Н. Леонтьева и ее роль в развитии деятельностного подхода в психологии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2007. – № 2. – С. 80-103.
193. Соловьев В.С. Кризис западной философии // Соч. в 2т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – 480 с.
194. Солодкова А.В. Восприятие времени в концепции А.И. Миракяна и работах его последователей // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 293-321.
195. Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Ювента, 2000. – 296 с.
196. Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1953. – 575 с.
197. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. Вопросы философии, 1989, 10. – С. 3-18.
198. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Вопросы философии, 2003, 8. – С. 5-17.
199. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / под ред. Л.П. Киященко, В.С. Степина. – СПб., 2009. – С.249 – 295.
200. Столин В.В. Исследование порождения зрительного пространственного образа // Восприятие и деятельность. М.: Изд-во Московского университета. 1976. С.101-209.

201. Судаков К.В. Динамические стереотипы, или информационные отпечатки действительности. М.: ПЕРСЭ, 2002. – 128 с.
202. Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А. Метапсихология: Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 512 с.
203. Торшилова Е.М., Дукаревич М.З. Художественное восприятие живописи и структура личности // Творческий процесс и художественное восприятие. Л.: Наука, 1978. – С. 174-190.
204. Трубецкой С.Н. Метафизика в древней Греции. М.: Изд-во «Мысль», 2003. – 589 с.
205. Труды Ярославского методологического семинара. Т.1. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2003.
206. Труды Ярославского методологического семинара. Т.2. Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004.
207. Тутунджян О.М. Психологическая концепция Анри Валлона. Ер., 1966. – 279 с.
208. Уемов А.И. Метафизика (учебное пособие). Одесса, Астропринт, 2010. – 258 с.
209. Узнадзе Д.Н. Общая психология. Под ред. И.В. Имедадзе. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
210. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / Пер. с англ. под ред. А. Киселева. — М: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. — 412 с.

211. Уилсон Р.А. Квантовая психология. М.: изд. дом «София», 2006. – 208 с.
212. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. М.: Мысль, 1974. – 229 с.
213. Уточкин К.С. Психологические механизмы решения задачи по обнаружению сигнала. Дис. канд. психол. наук. - М., 2006.
214. Уточкин И.С., Гусев А.Н. Роль функционального органа в решении слуховой сенсорной задачи при унилатеральном предъявлении стимулов // Теория деятельности: фундаментальная наука и социальная практика (к 100-летию А.Н. Леонтьева) / Под общ. ред. А.А. Леонтьева. -М.: Смысл, 2003. С. 154–155.
215. Флоренский П.А. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 346 с.
216. Франк С. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917. – 260 с.
217. Фрейд З. Толкование сновидений. Мн,: ПОПУРРИ, 2000. – 576.
218. Фриман У.Дж. Динамика мозга в восприятии и сознании: творческая роль хаоса // Синергетика и психология: тексты: Выпуск 3: Когнитивные процессы / Под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. М., «Когито-Центр», 2004. - 416 с.
219. Хайдеггер М. Что такое метафизика. М.: Академический проект, 2007. – 303 с.
220. Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Прогресс-Традиция, 1985. 197с.

221. Хисамбеев Ш.Р. Историко-психологический анализ гносеологической и онтологической парадигм в классической немецкой философии: Лейбниц и Кант // Психологические исследования, 2013, т. 6, №31.
222. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. СПб., 2001. – 286 с.
223. Холл М., Боденхамер Б. Как оказывать влияние на людей. М., АСТ-Астрель, 2006. – 509 с.
224. Цзен Н.В. Некоторые аспекты микрогенеза образа // Психологические исследования. М.: МГУ, 1976. Вып. 6. С. 136-138.
225. Чекалина А.И., Гусева А.Н. Когнитивно-стилевые особенности решения сенсорных задач. Saarbrücken, LAMBERT Academic Publishing, 2011.-176 с.
226. Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии // Вопросы философии и психологии, кн. 89. М., 1907. С. 309-323.
227. Челпанов Г.И. Марксизм и психология. М., 1924. – 24 с.
228. Челпанов Г.И. Очерки психологии. – М.; Обнинск: ИГ – СОЦИОН, 2009. – 248 с.
229. Черниговская Т.В. Каково это быть камнем? (Субъективная реальность и мозг). Никитский клуб, выпуск 73, М., 2015. -72 с.
230. Чуприкова Н.И. Проблема материального субстрата психики в свете развития современной нейрофизиологии и смежных наук. Вопросы психологии, 1977, №1. С. 43-57.
231. Шендяпин В.М., Скотникова И.Г., Барабанщиков В.А., Тарасов В.Б. Уверенность в принятии решения:

- математическое моделирование сенсорных задач // Психологический журнал. 2008. Т. 29. №4. С. 84-98.
232. Шендяпин В.М., Скотникова И.Г. Моделирование принятия решения и уверенности в сенсорных задачах. - М.: изд. ИПРАН, 2015.
233. Шпагонова Н.Г. Динамика характеристик памяти в психофизическом эксперименте // Системная организация и детерминация психики / под. Ред. В.А. Барabanщикова. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2008. – 448 с.
234. Шукова Г.В. Об исследовании порождающего процесса речи // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С. 213-222.
235. Шукова Г.В. К проблеме зрительного восприятия величин // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. М.: Институт психологии РАН, Психологический институт РАО. 1995. С. 45-52.
236. Шукова Г.В. Зрительное восприятие пространственной протяженности. Дисс. канд. психол. наук. М., 2000.
237. Шукова Г.В. Зрительное восприятие пространственной протяженности как порождающий процесс // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 269-292.
238. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности: монография. – Saarbrücken (Германия): Lambert Academic Publishing, 2013. – 127 с.

239. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М. – К., 1997. – 437 с.
240. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., АСТ-ЛСТД,, 1998. – 400 с. 1998.
241. Юнг К.Г. Таинство воссоединения. Минск: ООО Хорвест, 2003. – 576 с.
242. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Изд. «Практика», 1997. – 1056 с.
243. Agassi J. The Nature of Scientific Problems and its Role in Metaphysics. Critical Approach, 1964, p. 189-211.
244. Everett H. Relative state formulation of quantum mechanics, Rev. Mod. Phys. 29, 454, 1957.
245. Funch B.S. The Psychology Art Appreciation. Copenhagen: Musement Tusulanum Press, University of Copenhagen, 1997.
246. Hochberg J.E. Perception. Prentice Hall, INC., Englewood Cliffs. New Jersey, 1964, pp. 10-61. (Перевод: Дж. Хохберг. Аналитическая интроспекция // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской, Г.Ю. Любимовой, - 3-е изд. перераб. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2009.
247. Hopfield J.J. Neural networks and physical systems with emergent collective computational abilities // Proc. Nat. Acad. Sci. USA, 1982. P. 2554-2558.
248. Ishii T., Kamachi M., Motoyoshi, I. Limited attention facilitates coherent motion processing. Journal of Vision, (2015). 15(13): 1, P. 1–11.
249. Koffka K. Perception: an introduction to Gestalt. – Psychological Bulletin, 1922, vol. 19, pp. 551-585. (Перевод:

- Коффка К. Восприятие: введение в гештальттеорию // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской, Г.Ю. Любимовой, - 3-е изд. перераб. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 105-117).
250. Koffka K. Principles of Gestalt psychology. New York: Harcourt, Brace 1935, 5.
251. Kohler W. Dynamics in psychology. New York: Liveright, 1940.
252. Konorski J. Integrative activity of the brain. Chicago and London, 1967. – 244 p.
253. Korzybski, Alfred, Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics (5thed) Lakeville, CN: International Non-Aristotelian Library Publishing Co., 1941/1994.
254. Lippman W.C. 19. Public Opinion. N.Y., 1965.
255. Nagel T. «What is it Like to Be a Bat», Philisophical Review 4 LXXXIII: 435-450, 1974.
256. Osgood C.E. Method and Theory Exsperimental Psychology, ch. 5. N.Y., 1953, pp. 193-212. (Перевод: Осгуд Ч. Точка зрения гештальттеории // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б.Михалевской, Г.Ю. Любимовой, - 3-е изд. перераб. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2009).
257. Wagemans J., Elder J., Kubovy M., Palmer S., Peterson M., Singh M., von der Heydt R. Century of Gestalt psychology in visual perception: I. Perceptual grouping and figure-ground organization. Psychol. Bull., 2012. Nov; 138(6): Epub., 2012, Jul 30

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗ ИСТОРИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

**1.
МИРАКЯН А.И.**

ОБСУЖДЕНИЕ ИДЕИ КОНЦЕПЦИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ с Э.И. КОЧУРОВОЙ⁴

Десять лет назад в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР выступал с циклом лекций о философской системе Декарта недавно ушедший из жизни оригинальный мыслитель Мераб Константинович Мамардашвили. Эти лекции регулярно обсуждались сотрудниками нашей лаборатории. В одном из таких обсуждений и обозначились контуры новой научной концепции, названной автором «Трансцендентальная психология», в которой психическое отражение предлагается изучать как порождающий процесс, реализующийся по принципам, не зависимым от данных непосредственно-чувственного восприятия.

---

⁴ Фрагмент из книги А.И. Миракян. Контурсы трансцендентальной психологии. М., изд. ИП РАН. 2004.

26.02.81

А.И. Миракян
(А.М.), Э.И. Кочурова (Э.К.)

А.М. - В прошлый раз мы говорили, что возможно трансцендентальное рассмотрение как психики и сознания, так и объективных явлений. Трансцендентальное рассмотрение этих явлений заключается в том, что по возможности максимально исключается эмпирический способ мышления. Таким образом осуществляется выход за пределы данностей мышления и сознания. Но, что есть данность мышления и сознания? Как Декарт «очищает» сознание от эмпиричности? Декарт считает, что когда понимание каких-либо вещей или их свойств строится, исходя из эмпирического опыта, то обязательно берется одно и определяется через отношение к другому. Однако, это способ не может считаться правильным способом мышления, так как в данном случае суть или свойство вещи определяется не через саму вещь, а через отношение. Этот тезис Декарт раскрывает на примере понятия тяжести. Тяжесть определяется как сила, с которой тело притягивается к поверхности Земли, т.е. сила притяжения, которая проявляется в повседневно наблюдаемых фактах падения предметов на землю. Ведь раньше люди не знали, что такое притяжение.

Э.К. - Значит они исходили из эмпирической данности того, что все предметы падают на Землю. И Декарт считает, что человек определяет тяжесть, как свойство вещи на основании знания того, что вещь тяжелая.

А.М. - То есть приписывается свойство тяжести вещным объектам. Вот в чем дело.

Э.К. - Да, и это свойство рассматривается уже как сущностное свойство объекта. А Декарт говорит, что оно не мо-

жет быть сущностью, поскольку взято в отношении к Земле, относительно земного притяжения.

А.М. - А какой должна быть сущность по Декарту?

Э.К. - Сущность должна быть «чистой», т.е. быть самой в себе?

А.М. - Не совсем точно... Сущность есть то, что определяется через самое себя, посредством самого себя.

Э.К. - То есть не через отношение к другим вещам или свойствам вещей, а через самое себя. А таковым является «Я мыслю...».

А.М. - А что здесь берется?

Э.К. - Осознаваемый акт мышления, актуальный процесс мышления.

А.М. - Потому что, если бы я не мыслил, то не мог бы утверждать, что я существую.

Э.К. - Да, тогда вообще говорить не о чем.

А.М. - «Я мыслю» и еще «Я существую». Оба эти момента Декарт полагает вместе. А существование дает через протяженность. А как, скажем, Кант поступает с протяженностью?

Э.К. - Освобождается от нее.

А.М. - Кант берет протяженность как чистое пространство, пространственность вообще, как трансцендентальное. А что значит трансцендентальное?

Э.К. - Дословно: выходящее за пределы.

А.М. - Вслед за Кантом этому понятию придают гносеологическое значение. Трансцендентальным называют априорные условия познания, находящиеся вне сознания человека.

Э.К. - Согласно философскому словарю, трансцендентальность - это «переход от субъективного к объективному, выход из сферы сознания в сферу объективного мира».

А.М. - Но трансцендентально ли такое рассмотрение?

Ничего подобного. Оно эмпирично. Выход за пределы сознания - это, фактически, невозможный акт.

Э.К. - Потому что это должен делать человек, будучи в сознании, будучи мыслящим.

А.М. - Да. Значит «выход за пределы» - это просто метафора для представления того, о чем идет речь. В этом смысле мое первое определение трансцендентальности было еще более правильным.

Э.К. - Имеется в виду рассмотрение мира и сознания при максимальном исключении эмпирических способов мышления?

А.М. - Правильно. Здесь уже вопрос о границах не ставится, а ставится вопрос о сведении к минимуму того эмпирического, что есть в сознании и что дано сознанию через эмпирический опыт. Но я хотел говорить о другом, очень важном. Продолжая наш разговор о трансцендентальности, я все время клоню к одному...

Э.К. - К трансцендентальной психологии.

А.М. - Да. Но что это такое? В течение недели я только и говорю об афизике и трансцендентальной психологии. Когда я сказал об этом Василию Васильевичу Давыдову, он сразу схватился за эту идею. Что такое афизика? Декарт говорит о тяжести: ее нет в вещах, она приписывается им как свойство на основании эмпирического опыта. Разве это не афизика? Ведь это против Ньютоновской физики, базирующейся на эмпирическом подходе к явлению. Но когда я говорю об афизике, к чему это относится?

Э.К. - К способу мышления.

А.М. - И у Декарта относится к способу мышления, как к способу полагания объекта и силы тяжести как приписываемого ему свойства. Декарт называет неверным такой способ полагания и выходит за пределы эмпирического мышления. А каково содержание выхода в афизике?

Э.К. - Здесь тоже выход за пределы того мышления, которое сложилось.

А.М. - Относительно чего? Относительно психики и психических явлений. Это суть афизики. *Как во времена Декарта эмпирический опыт отрицался относительно физики Ньютона, так же и сейчас нужно отрицать физикальный (эмпирический) способ мышления относительно психических явлений.* То есть происходит то же самое, но на другом объекте. И здесь возникает очень важный вопрос: что значит отрицать? Ведь полностью отрицать невозможно.

Э.К. - Наверное, нет.

А.М. - Разве Декарт полностью отрицал эмпирию? Нет. Он оставил «мышление» и «существование», «сознание» и «протяженность» или «душу» и «тело». И свою теорию строил на этом. А что еще сохранил Декарт, что до сих пор оставалось незамеченным, и чем я сейчас занимаюсь? На последних страницах моей рукописи фактически об этом и идет речь.

Э.К. - Прежде всего способ полагания Декарта сохранил черты физикализма.

А.М. - У Декарта в качестве исходного остается идея. Что значит, остается идея? Это значит, что остается эмпирический продукт мышления, продукт процесса психического отражения. Вот ответ на этот вопрос. А что такое физика, физикальный образ мышления? Мышление через продукты психического отражения.

Э.К. - У него «Я мыслю, следовательно, существую». Но чем я мыслю, откуда берутся идеи?

А.М. - У Декарта все очень просто - идея у меня присутствует, значит, со мной родилась. Но если берет идею уже как готовую, то, значит, он тоже опирается на эмпирию через данность этой идеи сознанию, через осознание идеи вещи.

Э.К. - Отрицая эмпирию, Декарт делает идеи врожденными и освобождается таким образом от всего реального мира, не замечая того, что сами идеи взяты им из того же реального мира.

А.М. - Нет. Речь о данности этих идей, об их законченности, как продуктах отражения. Для нас это важно. Идеи есть законченный результат процесса отражения. А что такое *афизика*? Это то, что отрицает возможность изучения психических явлений через продукты уже законченных процессов психического отражения, через данность сознания. Что получается? Если Декарт был трансценденталистом, то мы должны быть еще более трансценденталистами, так как, изучая психические явления, мы должны быть еще более строгими в своих исходных основаниях и исключать данность не только физического, но и психического в уже отраженной форме, в форме образа, понятия, идеи и т.п. Разве это не есть трансцендентальный подход к рассмотрению психики?

Э.К. - Да.

А.М. - Декарт оставил в качестве исходного «врожденные идеи» или «свет ума». Фактически он не объяснял и не имел дела с психическими явлениями, беря их в форме данности, в форме продукта уже ставшего, свершившегося процесса.

Э.К. - Тем самым он не рассматривал процесс психического отражения как предмет исследования и брал за основу его продукт, отсюда – «Я мыслю».

А.М. – Да. Но когда он взял «Я мыслю» в качестве исходного основания, он снял философскую проблему истины, определяемой через самое себя безотносительно к чему-либо. При этом, оставив только мышление и протяжение, определяемые другими философами через органы чувств, через опыт и т.д., он свел к минимуму использова-

ние эмпирических данных в полагании объекта исследования. Но мышление посредством «интуиции» и «света ума» стало основанием для объяснения психологического, являясь при этом данностью сознания, продуктом процесса отражения. Изучая Платона и стоиков, я говорил, что у них «идеи» или «пневма» изначальны и существуют до опыта. Однако, это не то. Если посмотреть глубже, то видно, что изначален здесь все тот же уже отраженный объект, так как в самой идее уже содержится знание о принадлежности, отнесенности этой идеи к данности объекта или его свойств. Иными словами, эмпирически сформировавшееся представление об объекте присутствует и у этих мыслителей в форме скрытой изначальной данности, в форме имплицитной самости объекта. Как же должны решаться эти вопросы трансцендентальной психологии или «Наукой психики»?

Э.К. - Для этого необходимо рассмотреть процесс порождения самого идеального.

А.М. - В данном контексте такой ответ недостаточен. Декарт предлагает врожденные идеи, говорит, что есть «свет ума», а чем мы все это заменяем? Они-то на самом деле есть. В свое время гештальтисты говорили, что есть гештальт, есть инсайт, есть бессознательная интуиция. Есть ассоциации, деятельность, установка и т.д. Эти факты, явления, феномены существуют в психике. А как мы пытаемся объяснить возможность порождения психического отражения?

Э.К. - Принципами отражения, закономерностями, по которым происходит отражение.

А.М. - А откуда мы берем эти закономерности? Разве другие психологи не искали закономерности отражения? Чем же мы отличаемся от них?

Э.К. - Наверное, при трансцендентальном рассмотрении порождения и функционирования психики мы максимально

ограничиваем то, что можно взять из арсенала познания. Конечно, полностью освободиться от данностей человеческого мышления мы не можем, поскольку должен сохраняться тот минимум, на который мы опираемся, своеобразный философский «минимум познания», с точки зрения которого мы и рассматриваем процесс порождения психического (идеального).

А.М. - Где же мы берем закономерности, составляющие содержание этого «минимума познания»?

Э.К. - Поскольку само отражение является процессом, который материален по природе, то поиск этих закономерностей производится в природе... они берутся из природы, из уже познанных природных принципов. Поэтому необходимо использование фундаментальных данных о свойствах материального мира.

А.М. - Закономерности порождения мы ищем не в субъекте, не в его мышлении и т.д., как это делает традиционная психология, а в материи. Это же просто!

Э.К. - Я это и имела в виду: природа и есть материя. Мы исследуем закономерности природы...

А.М. - Исследуем свойства материи, закономерности развития, формопорождения и движения, одной из форм которого является психическое отражение. Что нам дает такой подход?

Э.К. - Возможность определить, найти общеприродные принципы, лежащие в основе психического отражения, принципы, обеспечивающие саму возможность порождающего процесса психического отражения.

А.М. - Это верно, но я хочу сказать другое. В данном контексте мы рассматриваем психическое как трансцендентное, а за основу берем материю, ее развитие...

Э.К. - И таким образом получается трансцендентальный материализм.

А.М. - Вот это и есть главное. Философско-методологически-трансцендентальный материализм, а для изучения психики - трансцендентальная психология. А материалисты - Гоббс, Кондильяк, Фейербах..., даже Маркс и Ленин - брали психику как результат воздействия на органы чувств, т.е. подобно пониманию свойства тяжести вещей на основании эмпирического сознания.

Э.К. - Субъективный образ объективного мира.

А.М. - Да. Но в этом не выражена материальность порождения образа, а только зафиксирован гносеологический смысл первичности материи относительно сознания. Это - чисто философское содержание отношения материи и сознания. Это глубоко эмпирическое понимание распространяется на психическое отражение, особенно при изучении законов порождения психического. Вот, что важно: *понимание материальной основы возможности порождения психического, а не противопоставление уже отраженных, разделенных понятий объекта и субъекта, материи и сознания.*

Э.К. - Да, в той формулировке, что принимают материалисты – «субъективный образ объективного мира» - присутствует идеальный образ и материальный мир...

А.М. - И образ при этом очень мало отличается от «идеи» Декарта. Декарт говорит, что, когда я вижу рисунок, изображающий человека, я не могу сказать, что это человек. Невозможный случай, чтобы эти черточки света и тени, не имеющие ничего общего с реальным человеком, воздействуя на мои глаза, создали его образ. Если у меня заранее нет образа человека, нет «идеи человека», то я не узнаю его в этом силуэте и не смогу сказать, да это человек. Фактически, акт восприятия Декарт сводит к акту сличения воздействия и идеи.

Э.К. - ...к оживлению врожденной идеи.

А.М. - Да...При этом изображение является как бы пускателем, а акт восприятия идет изнутри, осуществляясь через врожденные идеи.

Э.К. - ...Как испускание образа у древних пифагорейцев.

А.М. - Между прочим, теория испускания образов, предложенная античными мыслителями, была основана на той же логике, поскольку философы понимали невозможность акта восприятия только при факте внешнего воздействия на органы чувств, без нашего участия изнутри. Каков же главный вывод нашего разговора?

Э.К. - Необходимость трансцендентальной психологии или науки психики на общей методологической основе афизики.

А.М. - Что такое афизика или трансцендентальный материализм? Для материалистов трансцендентальное невозможно, потому что материализм берет все через опыт. И ведь вот что интересно, берет через опыт, но вместе с тем все время опирается на идеальное, на отраженное, на продукты, образы. «Субъективный образ объективного мира» - это гносеологическое отношение, не психологическое, не онтологическое.

Э.К. - Да, здесь Ленин имел в виду только гносеологическое противопоставление материи и сознания.

А.М. - Дело в том, что психическое должно быть дальше от этого. Это то, что имел в виду Давыдов, говоря, что мы в материалистическом объяснении психики пытаемся идти дальше, чем сформулировано у Ленина. Василий Васильевич прекрасно понял, что возможности порождения психического отражения мы фактически ищем в закономерностях материи. А что означают «врожденные идеи» Декарта? Действительно, изображение человека и воздействие этого изображения на наши глаза отличаются от реального человека, и мы не могли бы узнать настоящего человека в нагро-

мождении штрихов и точек, если бы у нас не было чего-то, подобного декартовской «врожденной идее».

Э.К. - Непонятно. Ведь идеи образуются в практике, в человеческой деятельности.

А.М. - В тебе говорит университетское образование лентьевской школы. Декарт ставит вопрос о том, *как могут возникать идеи, если у меня ничего нет?* И называет это, между прочим, загадкой всех загадок. А мы, фактически, решаем эту загадку. Потому что мы исследуем, как возникает образ конкретного человека, когда я вижу его впервые. Другими словами, как происходит процесс порождения «идеи этого человека». Трансцендентальная психология имеет дело с теми принципами, на основании которых становится возможным процесс порождения идеального.

Э.К. - Причем, эти принципы основаны на знании свойств материи.

А.М. - Какие же принципы нам известны?

Э.К. - Принцип анизотропности, образования двуединых отношений, сопредставленности...

А.М. - И так далее. Но это, во-первых. Во-вторых же, необходимо отметить, что *при формулировании этих принципов не используются продукты непосредственного процесса восприятия, т.е. отраженные свойства объектов.* Но это означает, что, освобождаясь от продуктивности, мы замечаем, что *процесс образования «идеи» человека при созерцании реального, скажем, Иванова или его силуэта (изображения) является одним и тем же.* В том и другом случае *«идея» порождается одними и теми же структурно-процессуальными закономерностями, несмотря на различия воздействий на сетчатку глаза воспринимающего.* Здесь я хочу сказать, что мы обнаруживаем продуктивный, не-трансцендентальный уровень рассмотрения Декартом этих процессов. Он предполагает, что *воздействия* на сетчатку

при лицезрении настоящего Иванова (знаешь, это любимый пример Мамардашвили) и его изображения *должны быть одинаковыми*. Физическая идентичность рассматривается как обязательное условие образования одинаковых идей. Здесь Декарт - остается на продуктном уровне рассмотрения, используя уже отраженные, готовые результаты.

Э.К. - Но с другой стороны, как же иначе? Ведь, если черточки будут похожи не на Иванова, а на Сидорова, то человек не узнает, кто это такой.

А.М. - Речь не об этом. Когда Декарт говорит, что в нарисованном Иванове нет ничего похожего настоящего живого Иванова, то он предполагает необходимость их объективной идентичности и упускает из виду то, что возможен такой психофизиологический процесс, для которого одинаково безразлично превращать отражение живого Иванова в «идею Иванова» или отражение нарисованного Иванова в ту же идею.

Э.К. - Получается, по Декарту, надо иметь две идеи: и на силуэт Иванова, и на Иванова живого.

А.М. - Нет, он говорит, что есть одна идея, но предполагает два различных объекта. А полагание двух различных объектов означает, что он берет их как взаимодействие на глаз, не учитывая возможность структурно-процессуальной идентичности этих двух воздействий, порождающих одну и ту же «идею Иванова».

Э.К. – Значит, Декарт исходит из того, что реальный Иванов и его изображение различны, не подозревая, что по каким-то структурно-процессуальным принципам протекание этих процессов идентично и приводит к одинаковым результатам.

А.М. - Да, вот видишь, разве это не похоже на то, что люди до Декарта приписывали вещам тяжесть, зная по опыту, что вещи имеют тяжесть? Здесь он тоже приписывает,

исходя из опыта, что физически различны Иванов и его изображение. Поэтому невозможно получение их единой идеи.

Э.К. – Значит, он заведомо берет уже отраженные продукты, опираясь на их физические свойства, и по ним судит о процессах отражения этих свойств человеком.

А.М. - Да. Однако, вместе с этим у Декарта есть гениальная догадка, которая меня поразила своей глубиной: истина только то, говорит он, что дает не только содержание вещи, но и способ ее полагания. Вещь имеет тяжесть, потому что падает на землю, потому что мне тяжело ее тащить и т.д. Мы можем описывать явление тяжести. Истиной же является то, что в «идее» дано не только содержание, скажем, есть «идея Иванова», которая имеет содержание: мы можем описать голубые глаза, нос, руки, рост и т.д., т.е. содержание образа Иванова... Но это не истина, потому что содержание мы приписываем, т.к. берем относительно чего-то: голубого цвета как такового нет, величина зависит от другого сравниваемого объекта, от его величины, от единицы измерения: футы, метры... Значит, «идея Иванова» не истинна, если она дана только через содержание. А истинны только те идеи, которые...

Э.К. - ...врожденные.

А.М. - Нет, врожденность относится к другой плоскости анализа. Идея истинна только тогда, когда дана через способ ее полагания.

Э.К. - Да, это истинно, потому что способ полагания совпадает...

А.М. - Совпадает - отличное слово! Совпадает или дан вместе с идеей. У меня есть идея моей мысли вместе со способом полагания этой мысли. И трансцендентальная психология фактически это и делает. По Декарту, мы дает способ полагания этой идеи. Не только «идею Иванова», но и способ восприятия через анизотропность, образование симметрич-

но-двуединых отношений и т.д. И когда в дальнейшем люди будут говорить, что они воспринимают объект: «Я воспринимаю Иванова», и у них будет представление и о способе этого восприятия как процессе порождения, тогда противоречие между опознанием Иванова и его изображения не возникает. Особенности этого процесса приводят к единой или различным идеям. *Значит, мы не отражаем объекты, а порождаем их посредством тех закономерностей, которые заложены в нас.* Поэтому лучше использовать в психологии термин «порождение», а не «отражение», поскольку последний подразумевает психический процесс, исходя из имплицитной самости объекта и его свойств. Но свойства объектов представляют собой уже отраженные продукты того процесса, который является объектом нашего научного исследования. Не случайно, что веками ученые искали именно этот способ, принимая его, то как божественный дар, то как врожденную идею, через рефлекс, гештальт, теорию нейронов-детекторов и т.д. Философия, психология, физиология, фактически, искали эту возможность порождения идеального. Вот с чем имеет дело трансцендентальная психология.

Вспомни, Декарт говорит, что идея, которая дается через содержание объекта, - это неясная идея. Между прочим, до него так говорил Демокрит – «темные и светлые идеи». Фактически, психология и физиология занимаются тем, что объясняют способ полагания образа в идее объекта. Есть различные модели этого полагания. Когда мы строим афизикальную модель этого процесса, мы так же берем материю, ее свойства, закономерности ее развития, такие как дискретность, анизотропность, структурообразующий процесс и т.д.

Вот что важно: Декарт исключает развития вообще, так как говорит, что мыслит он только в данный момент. А что было раньше, что будет дальше Декарт не рассматривает,

отрицая тем самым связь настоящего с прошлым и будущим, поскольку это предполагает использование эмпирического опыта, памяти и т.д. А это уже нетрансцендентальное рассмотрение явления. Но, если он не берет движение, если он не берет развитие, то, фактически, у него все неподвижно. А то, чем мы занимаемся, основано на представлении о развитии и движении во времени. То есть то, что Декарт считал эмпирическим и выбрасывал, как иллюзии, мы берем в качестве исходного. Здесь возникает философская проблема: по правильному ли пути мы идем, истинный наш путь или ложный? И получается очень интересно. Когда я анализирую Декарта, кажется, что, с философской точки зрения, мы на ложном пути. Декарт действительно прав в своем отрицании: действительно нет времени, нет движения. Их создает наш способ мышления, а есть только данный момент, «здесь и теперь».

Э.К. - Но тогда можно отрицать и данный момент.

А.М. - Нет, его мы отрицать не можем, потому что в этот момент мы мыслим, следовательно, существуем.

Э.К. - «Я мыслю» - это тоже в конце концов материально, ведь «я существую», я же тело.

А.М. - У философов есть очень простое определение того, что значит философствовать. Это значит заниматься решением вопроса, почему есть нечто, а не ничто. И я считаю, что Декарт прав с философской точки зрения, потому что на философском уровне вопрос ставится именно так: почему есть нечто, а не есть ничто. В философском смысле это правильно, поэтому нужно рассматривать только то, что существует сейчас. Ведь если мы забудем, что есть будущее, забудем, что было в прошлом, значит, мы выбросим наш эмпирический опыт.

Э.К. - А почему ты за философский эталон принимаешь Декарта?

А.М. - Это не только Декарт, этот вопрос и древние мыслители ставили. Просто Декарт это хорошо сформулировал. У нас философия превратилась в философию только гносеологическую, житейскую, эмпирическую философию.

Э.К. - То есть это вопрос - что есть мир?

А.М. - Да, что есть мир, пространство. Как мы фиксируем этот мир?

Э.К. - А правомерен ли такой вопрос?

А.М. - А как же. Либо мы должны договориться ничего не говорить, либо, когда мы говорим, то фиксируем существование нашего сознания. Как у Декарта - собственное мышление и собственное существование.

Э.К. - То есть мир в себе мы понять не можем?

А.М. - Да. Потому что нам даны конечные способы познания, познания этого мира, а сам мир состоит из бесконечности. Древние ставили вопрос, как может меньшее содержать в себе большее, как может конечное содержать в себе бесконечное и т.д.

Э.К. - А может быть сознание как раз такая вещь, которая может?

А.М. - Нет, не может. Тогда это будет сознание Бога. Сейчас не будем это обсуждать. Я ставлю другой вопрос. Почитав текст «Науки психики», Мираб Константинович одобрил начало, где критикуется физикализм в понимании психических процессов отражения через продукты этого отражения, но выдвинул очень серьезные возражения о том, что я, следуя гегельянско-марксистской философии, строю трансцендентальную психологию на основаниях, принимающих за исходное материю, ее диалектическое развитие, и стараюсь ответить, как возможно порождение психического в недрах материи, полагая, что закономерности психического отражения можно установить и описать, исходя из этих оснований. Ты помнишь с чего начался наш разговор? Мы

начали с мысли Декарта о том, что трансцендентальной является только та идея, сущность которой определяется посредством ее самой. А мы берем материю, начиная с ее дискретности, анизотропности, возможности образования отношений между дискретными элементами и т.д. И все это, по Декарту, данные эмпирического и научного опыта, которые он отрицает. Декарт отрицает приобретенные знания - знания, которые образуются через отношение. (Тяжесть есть свойство предмета, когда оно берется по отношению к Земле.) Тогда что получается? Я не могу ответить Мамардашвили? Он скажет, вы берете отношение, а отношение в философии не считается истинным.

Э.К. - Но это отношение мы познаем через отношение.

А.М. - Ну и что? Декарт тоже об этом говорит, это будет наращивание отношений, но не будет содержать в себе истину.

Э.К. - А почему Декарт должен быть прав?

А.М. - А тогда вся философия неправильная. Тогда его трансцендентальность лишится смысла. Почему должно быть правильно? Потому что вопрос философии - почему есть нечто, а не ничто - остается. Знаешь, как не попасться в капкан, поставленный Мирабом? Думаю, с помощью следующего рассуждения. Декарт берет существование в тот момент, когда он мыслит. Значит, он берет какое-то время, время этого момента. Относительного этого момента оба утверждения – «я мыслю» и «следовательно, я существую» - он считает истинными. Это философски правильно. Но, если Декарт берет момент собственной мысли (момент мысли индивида), почему я не имею права брать момент мысли человечества (что философски безусловно грамотно), понимая под этим момент познания человечества? Почему вместо индивида я не могу брать человечество, а вместо мгновения - век? Философских ограничений

для этого нет, поскольку все безвременно, а то короткое время, что у Декарта, я беру как короткое время существования человечества. Ни один философ не скажет мне, что это неправильно.

Э.К. - А что это дает? Разве это снимает возражение против использования неистинных отношений?

А.М. - Использование отношения становится философски корректным. Когда Декарт говорит? «Я мыслю, следовательно, я существую», он опирается на момент памяти. Он помнит, что он сейчас мыслит. А я могу сказать, что человечество познает, следовательно, существует. Он берет несколько мгновений, мы берем века, он же сам отрицает различие этих величин. То, что Декарт рассматривает как акт восприятия, я рассматриваю как акт развития материи, реализующей возможность порождения психического отражения и познания человечества аналогично акту восприятия индивида. При этом по своей природе акт отражения похож на акт восприятия, а акт познания похож на акт мышления, сознания. Единичное у Декарта - момент мысли индивидуального сознания, у меня - момент мысли, познания человечества. Я имею право изучать акт отражения, познания так же, как Декарт имеет право изучать акт индивидуального мышления.

Э.К. - Разве он изучает акты мышления?

А.М. - Конечно. Он же говорит о врожденных идеях, о «свете ума».

Э.К. - Изучения врожденности как раз и не требовалось.

А.М. - Врожденные идеи это и есть объяснение, а другое объяснение – «свет ума». Что есть акт психического отражения?

Э.К. - ... я мыслю, следовательно, я существую. Но ведь можно сказать, что я вижу, отражаю.

А.М. - Нет, «я вижу» - это уже другое. Дело в том, что,

как Декарт говорит «я существую, потому что я мыслю», так и я могу сказать: *человечество существует в тот момент, когда оно познает*. Потом Декарт говорит, что существую я телесно, я имею протяженность. Я тоже могу сказать, что человечество телесно, материально. Короче говоря, я не решаю вопрос, что есть истина, а я беру вопрос о моменте мира, в котором есть живые существа, человек и человечество. И относительно этого отрезка времени я объявляю психическое как развивающиеся существующие. Как Декарт рассматривает связь мышления с телом, так же я рассматриваю связь психического отражения с материальным миром, выходя за пределы непосредственных данностей этого отражения, т.е. моего эмпирического опыта, и основываясь на знании о закономерностях материи, имеющей возможность как порождения в себе живого, так и порождение специфического для живой природы психического отражения. Это и есть основания трансцендентальной психологии, или науки психики, и главный тезис ее в том, что в закономерностях материи заложены принципы порождения отражения, которые мы можем постепенно раскрыть, познать научным способом.

МИРАКЯН А.И.

**АФИЗИКАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ И ИХ
МОДЕЛИРОВАНИЕ В ТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ⁵**

**1. Методологические основания
логики физикального образа мышления
при изучении процессов психического отражения.**

История развития научного познания свидетельствует о произошедшем с начала Нового времени стремительном росте конструктивно-созидательного потенциала научной мысли. Этот рост обусловлен, в частности, возникновением и развитием такой направленности человеческой деятельности, которая связана с использованием открывающихся человеку в мышлении отражательных свойств его разума для создания теории построения машин и механизмов. В результате был создан мощный аппарат теорий и методов естественных наук и развита специальная логико-математическая технология – совокупность особых мыслительных (теоретических) средств и способов освоения человеком окружающей действительности. Характерная особенность этой технологии связана с организацией абстрактных структур и конструкций на основе задания четких исходных отношений между заранее выделенными, точно определенными объектами. В свойствах этих отношений как бы кри-

---

⁵ Статья из сборника - Принципы порождающего процесса восприятия (коллективная монография) / Под ред. А.И. Миракяна. – М., 1992. – 223 с.

сталлизируются, опредмечиваются характерные особенности формы процессов в логике развитого формального мышления, получившего свою научную строгость в математической логике.

Использование достижений логико-математической теории в 40-х годах нашего столетия приводит к разработке новых способов информационного управления и созданию ЭВМ, явившихся универсальным средством эффективной реализации информационных вычислительных процессов. Применение новой «информационной технологии» и развитие на этой основе широкого комплекса научно-технических дисциплин и, в частности, кибернетики, открыло возможности для эффективного, конструктивного описания и моделирования многих явлений действительности. Эти революционные изменения не могли не сказаться на исследованиях, посвященных проблеме психического отражения, и здесь стала актуальной задача конструктивного процессуального описания не только интеллектуально-логического мышления, но и явления непосредственно-чувственного отражения человеком свойств и отношений объектов. Эта задача приобрела весьма большое значение еще и потому, что в результате ее решения могут быть открыты качественно новые возможности создания искусственных устройств, имитирующих человеческие функции в особо сложных условиях работы (в космосе, под водой, в местах глубокого бурения и т.п.).

Важно отметить, что человеческое познание в ходе своего развития не сталкивалось с необходимостью столь конструктивного изучения психического отражения как процесса. В силу огромной сложности исследуемого явления полученные в истории науки философские, психологические и физиологические описания закономерностей процесса отражения были восприняты как определенные до-

стижения. Однако оказалось, что эти объяснения невозможно использовать в кибернетике, где, согласно требованиям техники, существенным является конструктивное описание исследуемых процессов.

Вместе с тем предложенное кибернетикой представление процесса психического отражения (узнавания) как чисто информационного процесса оказалось в целом несостоятельным по отношению к описанию сложных психических явлений и, в частности, процессов непосредственно-чувственного восприятия, задача изучения которых в кибернетике сформулирована как проблема распознавания образов. Явное осознание этого факта может быть отнесено приблизительно к началу 60-х годов, когда с полной определенностью выявились трудности в таких проблемах, как автоматическое распознавание образов и машинный перевод, а радужные надежды на скорое продвижение в создании искусственных «интеллектуальных систем» сменились трезвым осознанием того, что наука находится здесь лишь в самом начале долгого и извилистого пути» (Бирюков, 1982, с.32).

Не случайно, что именно проблема распознавания образов стала камнем преткновения для кибернетиков, так как в отличие от других проблем, выдвинутых кибернетикой, проблема распознавания относится непосредственно к таким отражательным возможностям человека, для понимания которых логико-математические способы оказываются малоэффективны и даже непригодны.

Начиная с 60-х годов, наши исследования методологических основ понимания процессов познания показали, что оно основано на интроспективно-эмпирических представлениях, характерных для естественнонаучного физикального образа мышления, которому свойственно оперировать, действовать с конечными продуктами процессов отражения (представленными в сознании свойствами и отношениями

объектов окружающей действительности). При изучении процессов психического отражения это означает, что, поскольку сам процесс, обеспечивающий отражение (восприятие), скрыт от интроспекции исследователя, представление о характерных чертах этого процесса строится на основе логического соотнесения конечных результатов (продуктов) этого процесса – на основе особенностей, феноменов восприятия.

Глубокие гносеологические корни формирования такого образа мышления, оперирующего продуктами отражения, кроются в жизненном значении самой функции отражения в процессе деятельности человека. Эта функция заключается в обеспечении адекватности продукта завершенного, свершившегося отражательного процесса свойствам объекта (постулат изоморфности). Психическое отражение, осуществляющееся внутри деятельности, при выполнении предстоящих задач этой деятельности выступает для человека в виде отношений между объектом и образом, вследствие чего процесс, приводящий к соответствию между объектом и образом, также представляется через это отношение.

Большая практическая значимость функционального смысла соотношения объекта отражения и продукта отражения для успешного осуществления деятельности человека и, напротив, отсутствие функционально-практического смысла для деятельности человека непосредственно процессуальной стороны отражения привело к образованию в сознании исследователей глубоко эмпирического *постулата отождествления* характеристик процесса психического отражения с его предметно-содержательным результатом – содержанием. Последнее всегда было ближе к сознанию практически действующего человека, поскольку служило для удовлетворения потребностей его деятельности. На

этой основе сложился естественнонаучный (или физикальный) образ мышления. Его отличительная черта заключается в том, что изучение природных явлений и процессов проводится через отношение исходящего состояния и конечного результата, продукта исследуемого процесса.

Этот образ мышления полностью удовлетворял нуждам и запросам всех существующих естественных наук, которые по мере своего возникновения и развития брали на вооружение данный принцип изучения процессов (физических, химических, биологических и т.д.) через их исходно взятое состояние и конечный результат. Поэтому не случайно, что логико-математический конструктивизм, в котором это отношение взаимодействия максимально формализуется, стал символом научности изучения природы.

Рассмотренный выше физикальный образ мышления не представлял исключения и для психологической науки. Постулаты изоморфизма и отождествления являются исходным основанием традиционных подходов к изучению процессов психического отражения (несмотря на специфические особенности этих процессов). Это обусловлено тем, что в течение многих веков в философии обсуждался вопрос о соотношении объекта и отраженного продукта познавательных процессов (образа), первичность объекта, адекватность образа отраженному объекту. В результате в философии укоренилось гносеологическое представление об изоморфности уже отраженного отдельного свойства объекта, ставшего продукта восприятия. Естественно, что психология и физиология при изучении конкретных явлений непосредственно-чувственного отражения не выходили за рамки, определяемые проблемой соотношения объекта и образа.

Как в психологии, так и в психофизиологии, анализ явлений восприятия начинается интроспекции, так как с уже

отраженных, выделенных, обособленных свойств в форме образов и понятий. Затем на основании заранее принятых знаний о свойствах и признаках объектов, ведутся поиски закономерностей и механизмов, реализующих восприятие этих свойств и признаков. Например, ставится задача: как воспринимается квадрат, который является геометрической фигурой, имеющей четыре равные стороны и четыре прямых угла. В соответствии с этими признаками, экспериментальное исследование, предположим, физиологических закономерностей заключается в выяснении вопроса о том, какие возможные периферические или центральные механизмы (детекторы, нейронные ансамбли и др.) осуществляют отражение величины и ориентации отрезков, образующих стороны, а также разные величины углов.

При такой постановке вопроса остается незамеченным, что представление о квадрате, как о фигуре, обладающей рядом признаков (четыре стороны в виде равных отрезков прямой и прямые углы), является средством нашего геометрического описания объективных отношений на определенном понятийном уровне, который образовался у нас в результате упорядочивания продуктов процессов непосредственно-чувственного отражения фигуры, выделяемой нами из всех возможных фигур и обозначаемой как квадрат. Получается, что поиск механизмов непосредственно-чувственного отражения данной фигуры (или класса фигур) осуществляется с использованием ряда заранее выделенных геометрических признаков, которые являются результатом уже законченного непосредственно-чувственного процесса восприятия в упорядоченной нами на понятийном уровне форме. В то время, как задача изучения особенностей процесса отражения состоит, на наш взгляд, в том, чтобы найти те принципы и физиологические механизмы, которые не используют заранее постулированные, уже отраженные

свойства (отрезок прямой, угол и т.п.) объектов, и поэтому реализуют возможность целостного восприятия любой фигуры (из любого их класса).

Таким образом, анализ показывает, что психология и физиология органов чувств, ставя перед собой цель изучения именно процессов психического отражения, исследуют их как процессы, происходящие между объектами с определенными свойствами и взаимоотношениями (с одной стороны) и человеком или высшими животными, обладающими какими-то механизмами восприятия, и отражающими эти свойства и отношения объектов (с другой). Здесь обнаруживается, что *объект, описываемый через какие-то свойства, - это объект, уже отраженный*, или уже ставший продукт отражательного процесса, а предполагаемые принципы, механизмы восприятия призваны осуществлять акт отражения объекта, который уже имеет заранее определенный свойства. В этом случае любой способ исследования закономерностей процесса восприятия есть изучение этого процесса *на продуктном, физикальном уровне исследования.*

Изучение на таком продуктном уровне сенсорных систем и особенностей восприятия животных и человека выявило множество экспериментальных фактов и феноменов. Они в изобилии представлены в современной психологии и физиологии органов чувств, изучающих процессы непосредственно-чувственного отражения. Однако, при этом *остаются скрытыми закономерности порождения* самих продуктов отражения *те принципы и механизмы, посредством которых в живых существах реализуется возможность отражения этих продуктов.*

Как было отмечено выше, выявление ограниченности и постановка вопроса о преодолении продуктного подхода (физикального образа мышления) имеют прямое отношение к достижениям разных разделов кибернетики и осо-

бенно опыту проектирования автоматизированных систем распознавания образов и систем автоматической самоориентации в окружающей среде. История развития кибернетики дает богатый материал для понимания ограниченности физикального подхода при изучении явлений непосредственно-чувственного отражения и ярко демонстрирует методологические основания научных исследований в этой области.

Так, например, можно видеть, что в период появления кибернетики те ученые, которые обсуждали вопросы отражения с его процессуальной стороны, не замечали, что существующий в философии спор об адекватности отражения относится к соотношению исходного объекта и конечного результата отражения и даже более того – к соотношению мира и его познания. Это есть центральный вопрос гносеологии, который определяет методологическую основу изучения проблем в любой науке, и в том числе изучения процесса самого отражения; но это не значит, что решение проблемы осуществления процесса отражения и выявления его закономерностей тождественно или аналогично решению этой проблемы на философско-гносеологическом уровне.

На этом основании построил свои представления относительно процессов отражения и Н. Винер, и так как это соответствовало физикальному образу мышления, его последователи также пошли по этому пути изучения процессов отражения. Во введении к «Кибернетике» Винер обсуждает вопрос о необходимости построения опознающих машин, дающих возможность слепому воспринимать печатный текст на слух. Он пишет: «Основная трудность заключается в том, чтобы получить один и тот же звук для букв данной формы, независимо от их величины. Это точный аналог задачи восприятия формы, или гештальта, восприятия, позволяющего нам опознавать квадрат как квадрат, независимо

от бесчисленных изменений размера и ориентации. Прибор Мак-Каллоха обеспечивал избирательное чтение печатной буквы при различных ее увеличениях. Такое избирательное чтение может выполняться автоматически посредством процесса развертки. Идея развертки, позволяющей производить сравнения между исследуемой фигурой и данной стандартной фигурой фиксированного, но совсем другого размера, уже предлагалась мною – на одном из Мейсиевских совещаний» (Винер, 1968, с. 70-71). В приведенной цитате неявно принимаемый постулат изоморфности между отражаемым объектом и отраженным продуктом выступает в том месте, где Винер говорит о сравнении «между исследуемой фигурой и данной стандартной фигурой». Не случайно, что Винер использует понятие гештальта. Согласно гештальтпсихологии, процесс восприятия пространственных свойств объектов имеет собственные закономерности целостных образований – гештальтов, которые родственны законам физических силовых полей. Эти закономерности действуют по отношению к определенной структурно-динамической организации феноменальной реальности. Так, например, В. Келер установил закон транспозиции соотношения свойств объектов. В частности, он был выявлен в опытах над курами, которые были поставлены в условия выбора соотношения светлоты поверхностей (цит. По Рок, 1980). Другим простым примером может служить закон соотношения «фигура-фон», сформулированный Рубиным (там же). Отсюда ясно, что представление о закономерностях процессов отражения строится гештальтпсихологами на основании отождествления характеристик процесса отражения со свойствами структурной организации отражаемой действительности, причем предполагается, что закономерности процессов, происходящих в мозговых структурах, изоморфны законам физической теории поля. Таким обра-

зом, в гештальтпсихологии имеет место продуктивный подход к рассмотрению процессов психического отражения.

Проведенное сопоставление наглядно показывает единые физикальные основания концептуальных подходов к исследованию явления психического отражения в кибернетике и гештальтпсихологии. Это родство методологических оснований характерно и для других направлений психологической теории. Так, скажем, не случайно, что вопрос о восприятии, опознании объектов независимо от изменения, их величины и ориентации, известный в психологии как многовековая проблема константности восприятия, неизменно оказывается в центре внимания.

Вопрос о том, как «нам опознать квадрат как квадрат, независимо от бесчисленных изменений размера и ориентации», в чем Винер видит основную трудность создания технического аналога для задач восприятия формы, или гештальта, ставился многократно в истории развития философии и естествознания. В античные времена обсуждали эту проблему в связи с основным вопросом философии о соответствии свойств объектов и их отражения, позднее изучали это философское соотношение непосредственно через опико-проекциионные и физиологические особенности человеческого глаза. Психологи выдвигали разные гипотезы, ставили эксперименты над животными и людьми, и всегда в основе изучения проблемы было глубоко эмпирическое представление о процессах отражения через соотношение между объектом и продуктом отражения (например, проекционное отношение размеров объектов на сетчатке глаза и воспринимаемая величина или удаление этих объектов).

Это было обусловлено тем, что, во-первых, константность понималась в контексте философско-гносеологического аспекта этого явления (изоморфность, адекватность) и при этом не учитывалось, что адекватность отношения

между объектом и результатом отражения, необходимая при философско-гносеологическом рассмотрении, является абстрагированной от самого процесса отражения: во-вторых, в силу физикального образа мышления не подвергалось сомнению, что изучение характеристик самого процесса отражения невозможно через эти уже «застывшие» продукта отражения.

Здесь может возникнуть сложнейший вопрос о том, как же исследовать процесс отражения, если невозможно опираться на продукты процесса отражения, а человек для изучения процессов отражения другими средствами не располагает и никогда не будет располагать. При такой постановке вопроса не учитывается, что в данном случае речь идет не о том, что нельзя опираться на результаты отражения, относительно этого двух мнений быть не может. А речь идет о преодолении глубоко эмпирического продуктно-физикального образа мышления, основанного на принятии постулатов изоморфности и отождествления. Рассмотрим существо возникающей здесь проблемы.

Естественной основой человеческого мышления являлось общение человека с миром, и необходимая функция психического отражения заключалась в поддержании контакта с миром через выделение объектов и образование отношений между ними. Таким образом, сложилось коренное свойство отражения, связанное с образованием отношений через посредство продуктов отражения. Следуя этому привычному образу мышления, в психологии при попытках построить представление о процессах психического отражения в качестве основы для изучения их характеристик использовали то же эмпирически составляемое отношение между продуктами отражения. При этом не принималась во внимание специфика психического отражения как особого объекта исследования.

Исходные постулаты физикального образа мышления не зависят от объективных свойств той сферы действительности, с которой имеют дело естественные науки, и поэтому продуктивный подход вполне удовлетворяет нуждам развития этих наук. Ситуация кардинально меняется, когда объектом исследования становится сам процесс психического отражения, в результате осуществления которого только и появляются, *порождаются* продукты отражения. Постулаты физикального образа мышления в этом случае не только не помогают познавать, но наоборот, скрывают принципы и закономерности процесса непосредственно-чувственного отражения и не дает возможности составить о них адекватного представления.

Действительно, принятие физикального подхода реально означает, что при попытках понять, каким является психофизиологический процесс, приводящий к непосредственному восприятию (именно непосредственному, потому что опосредованное восприятие осуществляется в интеллектуальных процессах мышления, с использованием способов научного познания), мы исходим из определенных, данных нам в непосредственном ощущении и упорядоченных в мышлении свойств (например, пространственных характеристик окружающего нас мира). тогда, со строго научной точки зрения, мы приходим к противоречию, если объясняем этот процесс таким образом, что один или несколько параметров, свойств, являющихся результатом процесса или участвующих на промежуточных стадиях его осуществления, берем в качестве имплицитного постулата в основание концепции, объясняющей искомый процесс. Иными словами, раскрываемые механизмы и закономерности процесса непосредственно-чувственного отражения зависят от продуктов этих процессов или определяются результатами отражения. Несостоятельность такого подхода, на наш взгляд, достаточно очевидна.

Поясним сказанное на примере теории восприятия пространственных свойств и отношений объектов Дж. Гибсона. Согласно этой теории, «восприятие мира как трехмерного связано с восприятием уходящих в глубину плоскостей, особенно плоскости земли, а основу такого восприятия задает текстура плоскости» (цит. по Рок, 1980, т. 1, с. 109). Гибсон утверждает, что градиент структуры физического мира образует оптический градиент плотности на сетчатке глаза, где физически однородные по величине и форме объекты и их пространственно выделяемые части (каким образом они выделяются, остается неясным) получают постепенно уменьшение величины по мере удаления от наблюдателя (например, градиент волн на поверхности воды). При этом он невольно принимает, что процесс, приводящий к восприятию величины и формы объектов (в данном примере, волн), известен, более того, известен механизм, составляющий градиентное отношение и дающий различные результаты восприятия каждой величины. После принятия этой аксиоматики объясняется, что именно это *воспринятое* наличие величине и форм порождает восприятие трехмерности физических объектов по их проекции на двумерной плоскости сетчатки. Таким образом, восприятие величин и форм объектов по их градиентной проекции принимается как исходная аксиоматическая данность при выявлении закономерностей процессов восприятия трехмерности, пространственности этих объектов. Поэтому в данной теории в итоге выявляется только связь между пространственным расположением трехмерных форм в физическом мире и их проекционными образованиями на двумерной сетчатке в разных условиях восприятия. При этом остаются необъясненными закономерности, обуславливающие возможность порождения форм и величин, и особенно процессы, устанавливающие их соотношение (что необходимо для образования самих градиентов).

Проведенные рассуждения позволяют заключить, что проблема преодоления продуктно-физикального образа мышления не предполагает необходимости отказаться от всякой опоры на продукты отражения. Важно лишь, чтобы при объяснении закономерностей процесса психического отражения не использовались имплицитные продуктные основания, то есть такие заранее заданные свойства объектов окружающей действительности, которые являются непосредственными результатами процессов восприятия. Кажущаяся простота этого положения может ввести в заблуждение. Вместе с тем, вопрос в целом далеко не прост, и, как отмечалось ранее, физикальный образ мышления имеет глубоко эмпирические основания в человеческой практике. Именно этим объясняется тот парадоксальный факт, что ученые, исследовавшие процессы непосредственно-чувственного восприятия, фактически не замечали внутренней неполноты и противоречивости своих теоретических построений.

В этом отношении особо примечательным является известный взгляд, согласно которому физиологические механизмы сенсорных систем восприятия построены на основе «детекторов» элементарных признаков. Широкое распространение это представление получило после того, когда в ряде нейрофизиологических экспериментов было показано, что нейроны коры головного мозга избирательно реагируют на соответствующую стимуляцию данного органа чувств. Наибольшую известность приобрели нейрофизиологические исследования центральных механизмов зрения, которые проведены Д. Хьюбелом и Т. Визелем еще в конце 50-х годов. Путем изучения активности и пространственной организации нейронов первичной зрительной коры ими была выявлена функциональная схема, которая, по их мнению, может лежать в основе переработки сенсорной информации в

коре головного мозга (Хьюбел... 1982). Хьюбел и Визель с помощью микроэлектродов регистрировали активность отдельных клеток первичной зрительной коры головного мозга и, раздражая различные области сетчатки глаза, подбирали такие простые изображения (например, отрезки линий с заданными признаками: формой и ориентацией), которые обеспечивали оптимальную активацию этих нейронных клеток. Таким образом, они, в частности, обнаружили, что существуют нейроны, избирательно возбуждающиеся при появлении на сетчатке отрезков линий заданного наклона (Хьюбел, 1974). В результате был сделан вывод: «Нейроны возбуждаются или тормозятся специфическими стимулами: группы нейронов действительно выполняют специальные преобразования» (Хьюбел... 1982, с. 197) и таким образом подтверждено представление, явившееся исходным основанием при постановке исследования: определенные нервные элементы обладают специфической реактивностью по отношению к определенным фрагментам (признакам) изображений, попадающих на сетчатку глаза. Вместе с тем, это представление, которое, казалось бы, позволяет просто объяснить многие явления, связанные с восприятием, внутренне противоречиво, поскольку при определении механизмов зрительного восприятия здесь в явной, открытой форме используются продуктивные основания. Продукты процесса восприятия человека – уже отраженные физические и геометрические признаки изображений – прямо выступают в качестве характеристики процесса зрительного восприятия, который оказывается построенным по способу, связанному с наличием «детекторов» соответствующих продуктов (признаков).

Таким образом, одна из причин отсутствия конструктивного описания процессов психического отражения, на наш взгляд, заключена в том, что исследования этих процессов проводились на продуктивном уровне через построение отно-

шений между воздействием и результатом восприятия, и перенесение характеристик этих отношений на процесс восприятия. В этом смысле подход Н. Винера, высказывания которого цитировались выше, аналогичен представлениям нейрофизиологов, а также гештальтпсихологов и Дж. Гибсона. В самом вопросе Н. Винера – как человек воспринимает все квадраты и начертания букв независимо от их величины и ориентации – уже скрыто заключен способ мышления через результат отражения, которому привычно брать данные одного процесса восприятия (квадрат с его свойствами как уже отраженными продуктами восприятия) и через них обсуждать другой процесс восприятия – восприятие формы объектов безотносительно к их размерности. При таком подходе игнорируется важный смысл процессов восприятия – воспринимать «что», «для чего». Относительно процессов отражения этот вопрос – что отражается – не может стоять отдельно от вопроса – для чего отражается. Связь человека с природой обуславливает единство этих вопросов и поэтому не может быть оторванной, абстрагированной от связи с природой функции отражения, ограниченной только вопросом «что?». В этом заключен глубокий смысл теории деятельности в советской психологии (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, А.В. Запорожец, Б.Ф. Ломов, Д.А. Ошанин), которая исходит из того, что без функции предметности отражения нельзя рассуждать о явлениях отражения и тем более понять процессуальное содержание этого отражения. Однако представители этой теории обсуждают отражение как процесс и рассматривают его закономерности также через продукты отражения. И тем самым в этих исследованиях процессов психического отражения не содержится объяснений закономерностей самого психического отражения, а имеется лишь методологическая основа понимания этих процессов.

В целом рассмотренные выше проблемы восприятия не являются в этом смысле единичными. Фактически любая проблема, относящаяся к процессам психического отражения, ставится и решается подобным образом, то есть на основе физикального образа мышления: *явление рассматривается как отношение между объектом и продуктом, и на этом составляется представление о характеристиках данного процесса*. Рассмотрим в этой связи подробнее ряд кибернетических способов моделирования отражательных функций человека в искусственных системах.

2. Ограниченность кибернетических подходов к моделированию процессов психического отражения

В настоящее время в кибернетике известно большое количество разнообразных способов моделирования различных отражательных возможностей человека. В качестве примера укажем на обилие методов построения систем распознавания образов (Васильев, 1983). Вместе с тем, анализ показывает, что это многообразие способов основано на едином методологическом основании естественнонаучного продуктного подхода, о котором говорилось выше, и сводится к задаче построения искусственных систем, имитирующих человеческие функции. Для обоснования этого положения рассмотрим методологические позиции и вытекающую из них ограниченность основных направлений в построении систем распознавания образов.

К первому направлению можно отнести способы, предполагающие изначальное эмпирическое выделение человеком отдельных свойств и признаков определенной группы или класса объектов. Эти признаки составляют как бы «память» системы и в процессе функционирования последней либо сами применяются в качестве эталонов при распозна-

вании (в простейшем случае), либо в качестве такого эталона выступает специфическая, порой весьма сложная структура их взаимоотношений, построенная с использованием специального математического аппарата.

Примером относительно простого автомата, настроенного по методу сравнения с эталонным набором признаков, является система распознавания почтовых индексов (Наука и жизнь, 1983), здесь в качестве признаков используется наличие в изображении горизонтальных, наклонных и вертикальных линий, что позволяет представить каждую цифру отличительным двоичным кодом, состоящим из 3-х разрядов, соответствующим 9 сегментам трафаретной сетки. Другим примером простого метода распознавания стандартных символов является способ распознавания печатных знаков, использующий совмещение оптического центра знака с оптической осью системы рецепторов и отличающийся тем, что формируется сигнал, пропорциональный смещению геометрического центра знака относительно оптического, и этот сигнал сравнивается с эталонным (А.С. №217754...). Таким образом, в качестве признака здесь выступает такая характеристика, как расстояние между геометрическим и оптическим центрами изображения. Признаки могут носить и более сложный, абстрактный характер, как, например, в устройстве для выделения признаков при распознавании сложных геометрических изображений определенного класса (А.С. №898464...), где особенности зрительного образа кодируются величинами приращений суммарных сигналов, получаемых с матрицы фотоэлементов при ее колебательных движениях в разных направлениях в плоскости, параллельной плоскости изображения.

Примером использования особой структурной организации разного рода признаков является система распознавания центрированных знаков (Патент №3651461...). Здесь

в качестве структуры обобщенных признаков выступает специальный, заранее составленный алгоритм выявления характерных особенностей изображений определенного набора знаков по их положению относительно заданной центральной полосы растра.

Из этого краткого перечня видно, что способы построения систем распознавания образов, предусматривающие предварительные анализ и составление описания свойств объектов, естественно оказываются функционально сугубо ограничениями, поскольку могут быть успешно использованы только для распознавания заранее заданного класса объектов (например, знаков стандартного типографского шрифта). Поэтому системы распознавания, построенные на основе этих способов, можно определить как узкофункциональные. Преодоление этой узкой функциональности потребовало разработки специальных математических методов распознавания образов (Васильев, 1983; Горелик... 1985; Верхаген... 1985). В основе этих методов лежит идея о проведении специальных преобразований исходного описания изображений и «нахождении в признаковом пространстве таких решающих границ (решающих правил), т.е. границ между классами, придерживаясь которых можно обеспечить наибольшую точность распознавания» (Горелик... 1985, с. 19). Особая роль при этом отводится процессу обучения системы, который осуществляется путем показа отдельных объектов или явлений, в результате чего распознающая система автоматически приобретает способность реагировать одинаковыми ответами на изображения объектов, принадлежащих к данному классу, и различными – на изображения объектов, не принадлежащих к этому классу. Здесь распознавание характеризует действия уже обученной системы. В целом задача обучения ставится по аналогии с человеческим способом опознания образов.

Характерный для этого подхода образ мышления исследователя иллюстрирует рассуждения М.А. Айзермана (1962). В первые годы изучения проблемы распознавания образов Айзерман писал, что есть «непонятная нам пока способность живого мозга. Если взять много разных букв «А» и «Б», и ученику, который не знает букв, показывать различные их начертания и говорить лишь «это буква «А»» и «это буква «Б»», то через некоторое время ученик сможет отличать буквы «А» от букв «Б», и при том не только те, которые ему показывали ранее, но и все остальные начертания этих букв» (Айзерман, 1962, с. 174). Здесь при постановке проблемы распознавания образов автор определяет их по аналогии со «зрительным восприятием, которое происходит у человека в результате наблюдения различных фигур, т.е. он опирается на уже готовые продукты отражения. Принимаются результаты отражения буквы «А» как геометрической формы и рассматривается тот феномен восприятия, согласно которому любое начертание буквы «А» относится человеком к классу «А». Далее ставится задача, как обеспечить такую идентификацию. М.А. Айзерман считал, что должны быть найдены и заложены в программу какой-либо один или небольшое «число универсальных «признаков», лежащих в основе самого понятия «образ» (там же, с. 176), и полагал, что такой универсальный алгоритм может быть создан на основе «гипотезы компактности» Э.М. Бравермана (1962). Компактность двух множеств точек (принадлежащих изображению или его признаковому описанию) позволяет сформулировать относительно простые правила (алгоритм) для разделения этих множеств (т.е. отделения, например, заданных начертаний букв «А» от всех других букв) и является универсальным свойством широкого класса изображений. Одновременно, это свойство определяет и способ построения системы распознавания, т.е. становит-

ся характеристикой процесса опознания. Таким образом, видно, что, разрабатывая проблему имитации процессов опознания человека, автор поставил задачу исследования и выдвинул гипотезу о самом процессе на основе постулата отождествления характеристик процесса с его результатом.

В панораме известных подходов к моделированию процессов непосредственно-чувственного восприятия особое место занимают системы отображения и распознавания изображений типа перцептронов (Патент №3192505... Патент №4318083...). Они построены с использованием процедуры детерминированных или статистических суммаций или взвешивания аналоговых сигналов, представляющих разные части изображения, с последующим выделением результатов посредством пороговых элементов. Структура связей перцептрона может меняться в процессе обучения, что обуславливает возможность настройки на выделение объектов определенного класса. Фундаментальные исследования перцептронов проведены Ф. Розенблаттом (1965). По его мнению, перцептрон прежде всего и главным образом является моделью мозга, а не устройством, служащим только для распознавания образов. Под моделью мозга подразумевается любая теоретическая система, которая объясняет его функции. Розенблатт также пытается преодолеть узкофункциональный подход к созданию искусственных систем отражения. Он критикует модели так называемого монотипного приближения, метод построения которых сводится к детальной разработке логического устройства в виде специализированной вычислительной машины, предназначенной для вычисления некоторой заранее заданной «психологической функции», например, такой, которая получается в результате распознавания алгоритма или преобразования стимула» (Розенблатт, 1965, с. 28). Монотипным моделям он противопоставляет генотипные, которые строятся «в виде множе-

ства алгоритмов, порождающих некоторый план физических систем» (там же с. 28). Таким образом, генотипный подход имеет дело со свойствами систем, подчиняющихся заданным законам организации, а не с некоторой логической функцией, осуществляемой конкретной системой» (там же с. 35).

Вместе с тем, возможность реализации полиалгоритмичности системы автор видит в переходе от детерминированной к статистической ее организации. С помощью введения в систему случайных факторов он надеется отчасти воссоздать известные свойства функциональной пластичности и гибкости человеческого восприятия. Но здесь, так же, как и в других кибернетических концепциях, при разработке способов построения перцептронов Розенблатт принимает имплицитные основания естественнонаучного физикального образа мышления, хотя и не использует продукты восприятия, что Розенблатт связывает восприятие с процессом разделения объектов на классы по их свойствам и признакам. Здесь он опирается на известные результаты, полученные в различных областях физиологии и психологии (в том числе гештальтпсихологии к концепции Гибсона)⁶. Это разделение заранее конкретно не задается, но изначально предполагается, и на его основании определяется исходная организация структуры сети взаимосвязей между элементами перцептрона, а также задаются правила регулирования функциональных зависимостей между переменными и алгоритм преобразования свойств сети. При переходе с одного множества классов на другое или при решении другого класса задач заново выделяются характерные признаки объективного множества классов и соответственно изменя-

---

⁶ Характерным, например, является понимание Ф. Розенблаттом механизмов сенсорного анализа (там же, с.395). Так, в частности, механизм сенсорного анализа он считает механизм описания градиентов плотности и контрастности в зрительном поле, построенный в соответствии с теорией Дж. Гибсона (см. раздел 1).

ется функционально-структурная организация перцептрона (осуществляются переналадка и обучение). Необходимость такой перестройки обусловлена тем, что в основе способа построения системы используется ограниченный аналитический метод расчленения и фиксации определенного ряда пространственных свойств объектов. В результате этого структура и метод обработки информации оказываются зависящими от обобщенных характеристик объектов.

С момента начала работ над перцептронами Розенблатом в Корнеллском университете в 30-х годах их простота и кажущаяся перспективность обнадеживали и подкупали исследователей. Так М.М. Бонгард в книге «Проблемы узнавания» существующие перцептроны понимает как системы «стандартного (не зависящего от конкретной задачи) преобразования пространства рецепторов» и ставит перед собой задачу построения системы, осуществляющей «переменное (различное для разных задач) преобразование пространства рецепторов» (Бонгард, 1967). Он исходит из представления о процессе узнавания как процессе классификации, основанном на анализе признаков, и пытается сформировать такие обобщенно-абстрактные признаки, которые могут служить исходными кирпичиками для построения соответствующей поставленной задаче классификации объектов в более широком диапазоне разделения классов.

Ограниченность возможностей перцептронов выявили М. Минский и С. Пейперт (1971). В их книге «Перцептроны» приведено несколько задач и строгое доказательство того факта, что перцептроны не могут с ними справиться. Одна из таких задач связана с установлением свойства связности предъявляемой геометрической фигуры⁷. Эти

---

⁷ Отметим, что, с нашей точки зрения, неудовлетворительный характер носит сама постановка задачи об отдельном выявлении отражающей системой абстрактного математического признака связности.

основные факты ограниченности перцептрона в сравнении с возможностями зрительной и отражательной системы разрушили основания для неоправданно больших надежд, которые возлагались на перцептроны и их способность к распознаванию.

Таким образом, в целом можно заключить, что, несмотря на кажущуюся универсальность перцептронов, т.е. независимость их организации от свойств выбранных классов объектов, область отображаемой системой реальности ограничивается самим исходным теоретическим основанием построения системы, в котором продукт отражательного процесса имплицитно выступает в качестве заранее заданного постулата при создании ее процессуально-структурной организации, т.е. происходит воссоздание процесса через собственный продукт. Это является причиной отсутствия в перцептронах возможностей полифункционального отражения и приводит к их функциональной ограниченности, т.е. монофункциональности.

Такая монофункциональность является отличительной чертой всех известных способов построения систем отражения. Например, определенный интерес представляют способы автоматических преобразований дискретизированных изображений в специально созданных структурах, построенных с использованием бинарных арифметических (Патент №3597731...) или логических (Патент №2813731...) операций. Эти способы предназначены для выполнения функции сжатия или локализации отдельных частей изображения (что позволяет, например, определять точки оптической плотности и использовать метод градиентов Дж. Гибсона). Полученные результаты обрабатываются с помощью специальных программ на ЭВМ. Важно отметить, что процесс сжимающего отображения происходит для любых возможных вводных изображений, т.е., казалось

бы, нет ограничений на классы отображаемых объектов. Однако, при разработке этих способов выбор структуры и метода обработки информации здесь также исходно ограничен представлением о монофункциональной операции локализации или сжатия отдельных частей изображений. Поэтому, как и ранее, в силу исходной ограниченности основания, использованного при разработке этих способов, они применимы для отображения только определенного (хотя и весьма широкого) класса объектов, обладающих соответствующей решаемой задаче свойствами. В случае перехода в отображении объектов с качественно новыми свойствами из области решаемых задач требуется строить новую структуру, осуществляющую аналогичный процесс сжатия, а также изменять алгоритм последующей обработки. Таким образом, несмотря на кажущуюся универсальность, т.е. независимость выбранной отображающей структуры и принципа сжатия от общих характеристик объектов, область отображаемой системой реальности исходно ограничивается. Это обуславливает принципиальную ограниченность указанных нами способов и монофункциональность соответствующих систем.

Кроме уже рассмотренных, следует упомянуть исследования, которые связаны с моделированием процессов переработки информации у человека (как зрительный, так и других модальностей) и в том числе модели процессов распознавания образов (Линдсей... 1974; Патент №3701095... Соколов... 1983; и др.). Они опираются на результаты ряда психологических и нейрофизиологических исследований (в частности, можно указать на упоминавшиеся в разделе 1 теории гештальтпсихологии и Дж. Гибсона и особенно на эксперименты Д. Хьюбела и Т. Визеля). Эти направления исследований, как нейрофизиологические, так и кибернетические, исходят из представления о том, что процесс пере-

работки информации человеком осуществляется через посредство особых детекторов специфических особенностей стимулов. Так, например, П. Линдсей и Д. Норман, «развивая теорию распознавания образов, представляют систему зрительного отражения в виде иерархической структуры, в которой первичные детекторы выделяют геометрические признаки изображений (линии, углы, кривые и т.п.) и далее по совокупности взаимоотношений выделенных признаков выносятся решения о предъявляемой форме» (Линдсей... 1974). При этом авторы не обращают внимания на тот факт, что представление о детектировании признаков внутренне противоречиво, поскольку непонятно, откуда же человеческий мозг может заранее знать о существовании, например, такого признака как прямой угол. Это означает, что представление о процессе восприятия строится здесь на основе продуктного подхода, причем в его явной форме, когда продукты процесса восприятия человека – геометрические признаки изображений прямо становятся характеристикой процесса восприятия.

Таким образом, анализ показывает, что представление о процессе непосредственно-чувственного восприятия, как процессе, основанном на выделении и переработке признаков, оказало значительное влияние на постановку задач имитационного моделирования функций восприятия (в частности, опознания) в искусственных системах отражения. Более того, можно констатировать, что в течение последних 20-ти лет развитие этого направления проходит под знаком все более углубленного использования признакового подхода. Это явление весьма показательно и закономерно, поскольку для создания систем восприятия все шире применяются современные электронно-вычислительные машины. В силу специфики своей организации ЭВМ требует преобразования данного комплекса входных физических

воздействий в специализированный набор числовых данных. В результате такого преобразования, как правило, теряется пространственно-временная форма входного воздействия, и, естественно, что для выявления ее особенностей (при распознавании образов) необходимо проводить специальный анализ и вводить новые, ранее не использованные, формы описания признаков.

Современные системы восприятия изображений с помощью ЭВМ предназначены для преобразования изображения сцены в ее описание, которое, как правило, включает в себя результаты распознавания объектов, составляющих сцену, и определение их свойства взаимных связей (Дудо... 1976; Уинстон, 1980). Типовая система восприятия включает следующую последовательность операций. Поиск отличительных локальных образов (признаков) изображения. Сопоставление признаков областей при наличии нескольких изображений сцены с разных точек видения (пространственная интерпретация). Сегментация изображения – разбиение его на области, относящиеся к поверхности определенных объектов и их частей. Распознавание объектов сцены по признакам их видимых частей, которое проводится путем сравнения наблюдаемых областей с предполагаемыми конфигурациями.

Из этого описания хорошо видно, что имитационная модель восприятия строится в данном случае полностью на основе естественнонаучного физикального образа мышления, когда процесс опознания определяется через посредство свершившихся продуктов этого процесса – признаков изображения сцены. Интересно отметить, что исследование по созданию систем машинного зрения на основе функционально-структурного анализа сцена оказали определенное воздействие на представления психологов, в результате чего появились работы, направленные на неправомерное, с

нашей точки зрения, обоснование этого подхода с позиций психологии (Величковский, 1982).

Ограниченность возможностей известных кибернетических способов моделирования восприятия и мышления в настоящее время отчетливо осознается исследователями, как философами и психологами, так и многими кибернетиками. Обсуждению ограниченности оснований кибернетического подхода к явлению отражения посвящена обширная литература (Дрейфус, 1978; Вейценбаум, 1982; Брушлинский, 1979; Тюхтин, 1983; и др.). Однако необходимо отметить, что критика проводится с использованием того же естественнонаучного, физикального подхода. Это не позволяет глубоко понять существо выявляемых ограничений. Ограниченность кибернетических методов выявляется в сравнении с функциональными возможностями человека. В частности, большую роль в современных дискуссиях о путях и возможностях моделирования отражательных процессов играет положение о существовании у человека «неявного», интуитивного личностного знания, т.е. человек умеет (узнает) много больше, чем это можно вербализовать и формализовать. Х. Дрейфус ссылается на пример езды на велосипеде. Рациональное содержание движений велосипедиста можно выразить правилом: ехать так, чтобы кривизна траектории его пути была все время обратно пропорциональна квадрату скорости. «Это, однако, не является способом объяснения его действий. Формализация говорит лишь о том, что происходит в мозгу или разуме велосипедиста в процессе выполнения им этой задачи» (Дрейфус, 1978, с. 144-145). Вместе с тем попытка формализовать – т.е. представить в терминах множества четко определенных независимых друг от друга элементов – процесс разумного поведения (мышления и восприятия) человека, для которого, как указывает Х. Дрейфус, любой факт «приобретает

смысл только в контексте человеческой деятельности» (там же, с. 171), приводит к неразрешимому противоречию – антиномии. С одной стороны, имеется тезис: для каждого данного контекста всегда должен существовать более широкий контекст: в противном случае не было бы никакого способа различения релевантных и нерелевантных фактов. С другой стороны, имеется и антитезис: должен существовать какой-то первичный, ни к чему не сводимый контекст, не требующий интерпретации: иначе возникнет бесконечная редукция контекстов, и мы никогда не сможем приступить к формализации» (там же, с. 186). Один из путей разрешения этой антиномии Дрейфус видит в моделировании процесса развития ребенка и предполагает, что если запрограммировать изначальные рефлексивные реакции младенца и «обеспечить машине возможность обучения, то, быть может, окажется возможным решить проблему распознавания контекстов (там же, с. 187). Вместе с тем, «первоначальный переход от неизменных реакций к реакциям гибким, основанным на учете смысла ситуации, по-прежнему остается неясным» (там же, с. 187). Если принимать бесконечную редукцию контекстов во времени, то «так называемый глобальный контекст должен распознаваться в терминах фиксированных, но зависящих от контекста признаков, и тогда мы не столько решаем проблему, сколько игнорируем ее» (там же, с. 187). Из приведенных выше рассуждений видно, что, обсуждая проблему формализации познавательных процессов и, в частности, распознавания контекстов. Дрейфус неявно исходит из того основания, что глобальный контекст должен быть определен в терминах результатов акта его отражения (познания), или вообще с использованием тех самых знаний, которые включает в себе контекст. Иными словами, представление о процессе отражения контекста или ситуации строится на основании знаний (как продуктов отражения), которые мо-

гут быть, в принципе, почерпнуты из данного контекста или ситуации. В результате остается скрытым сам момент реализации процесса отражения (познания), а распознавание определенного таким образом контекста оказывается возможным только с помощью зависимых или не зависимых от него признаков. И здесь получается, что распознавание с помощью зависимых признаков фактически невозможно, а введение не зависящих от контекста признаков заставляет отказаться, как от иллюзорной, от той гибкости, которую мы старались объяснить, что в целом при водит автора к выводу: «По всей видимости, не существует ни способа проникновения внутрь ситуации, ни способа распознавания ее извне» (там же, с. 188).

При рассмотрении процессов непосредственно-чувственного восприятия проблема распознавания контекста выступает как проблема целостного восприятия, «над имитацией которого уже давно бьются специалисты, занимающиеся разработкой систем автоматического распознавания образов» (Бирюков, 1982, с. 77). Анализируя работу Х. Дрейфуса в послесловии, Б.В. Бирюков пишет, что «человек строит системы соответствующих признаков («фактов») в ходе осмысления задачи, а не просто синтезирует ситуацию (задачу) из готовых признаков. Целое, как известно, состоит из частей, но части осмысляются в составе целого» (цит. по Дрейфус, 1978, с. 304). Важно отметить, что целостность восприятия здесь трактуется на основании ее результативного описания – соотношения целого и его частей, т.е. в терминах уже отраженных продуктов восприятия.

Таким образом, видно, что даже современная критика кибернетических способов моделирования процесса психического отражения строится на основании естественнонаучного – физикального образа мышления, потому что,

когда Х. Дрейфус берет первичные рефлексы необученного человека, он не учитывает важнейший факт: у этого ребенка уже имеются структурно-функциональные возможности порождения функционально-гибкого отражения, которые становятся действительностью в процессе индивидуального развития. Вместе с тем, наблюдаемая тенденция такого физикального, «продуктного» осмысления процессов отражения (познания) вполне закономерна, , поскольку, строя свои аргументации, Дрейфус и другие исследователи широко используют материалы психологических (в частности, гештальтпсихологических) и философско-гносеологических концепций, подход которых к изучению процессов непосредственно-чувственного восприятия связан с использованием естественнонаучного – физикального образа мышления, который был подробно обсужден в разделе I.

Проведенный краткий обзор кибернетических подходов позволяет заключить, что принятие исследователями произвольно допускаемого основания изучения процесса посредством уже отраженного продукта при моделировании процессов отражения ведет к построению представления о нем на основе продуктов процесса восприятия, т.е. эти продукты используются в объяснении самого процесса. При таком образе мышления становится ведущим отношение объекта отражения к продукту отражения, и изучается не сам процесс отражения, а свойства объектов через их признаки, являющиеся уже продуктами отражения, более того, такой метод исследования явления непосредственно-чувственного отражения со строго научной точки зрения внутренне противоречив, поскольку процесс отражения объясняется таким образом, что один или несколько параметров (свойств), являющихся результатом процесса или участвующих в его осуществлении, берутся в качестве имплицитного постулата при изучении искомого процесса.

Не случайно, что процесс распознавания образов описывается через объект со своими свойствами, и поэтому в кибернетике стало широко применяться понятие «распознавание образов», которое означает изучение так свойств объектов и соответствующих им признаков, на основании которых формируются образы. Конкретное изучение распознавания образов сводится к нахождению образов сводится к нахождению более или менее оптимальных способов либо классификации признаков, либо классификации самих образов. И в том и в другом случае образуется замкнутый круг, так как, с одной стороны, ставится задача изучения опознания с целью имитации человеческих способов опознания (как это мы видели в рассуждениях Н. Винера и М.А. Айзермана), а с другой стороны, дается описание процессов на основе отношения между объектом и продуктом опознания, и в итоге объектом изучения становится само это отношение. Единственную возможность выхода из этого круга дает нам изучение закономерностей психического процесса непосредственно-чувственного отражения на основе построения новых исходных постулатов. Исходным условием для их выдвижения является положение о том, что в основание концепции, объясняющей процесс непосредственно-чувственного отражения, не могут быть поставлены такие постулаты (параметры или свойства), которые сами являются результатами или компонентами промежуточных стадий этого процесса.

3. Афизикальные принципы формопорождения в процессах психического отражения

Проведенный анализ методологических оснований естественнонаучного исследования непосредственно-чувственного отражения, а также способов его моделирования в технических системах привел нас к выводу о том, что в психологии, психофизиологии и кибернетике при изучении явлений и процессов психического отражения естественнонаучный способ полагания предмета исследования основывается на логике физикального образа мышления.

В соответствии с этим исторически сложившимся образом мышления при естественнонаучном способе изучения явлений и процессов материального мира *изначально берутся в качестве отправных (исходных) оснований определенные данности* (выраженные в понятиях, образах, феноменах, свойствах, признаках или различных соотношениях), *относящиеся к той же области реальности, что и изучаемые явления, процессы или закономерности*. Эти же данности используются далее в форме готовых компонентов при проведении анализа и описании подлежащих исследованию явлений или процессов. Затем объекты изучения становятся сами исходные ценности, а логика их исследования.

Строится на основании других ценностей на той же области реальности, что и на предыдущих этапах исследования. Таким образом, описывается новый, до этого не изученный процесс или закономерность, другой срез или сторона этой реальности, что дает возможность выявления новых, до этого не известных феноменов, процессов, закономерностей и т.д., но *вопрос о природе и порождении* самих исходных данностей и на этом этапе исследовании остается неизучен-

ным. Так происходит постепенное упорядочивание картины исследуемого явления, расширение и углубление опознания изучаемых процессов и закономерностей и возможности использования его результатов для практических и познавательных потребностей человека.

Заимствование такой логики физикального образа мышления при изучении процессов психического отражения в психологии и психофизиологии приводит к тому, что здесь также берутся как данности определенные понятия, феномены, системы, образы, свойства, признаки и их различные соотношения из области психической реальности. При этом остается без внимания то, что любая такая данность относится к реальности психического и является исследователю в форме результата тех процессов или явлений психического отражения, которые подлежат исследованию. Но, поскольку изучение явлений психического отражения осуществляется с использованием этих данностей как исходных оснований логики исследования, то получается, что при физикальном подходе изучение процессов психического отражения производится через собственный же продукт. Именно это делает возможным изучение принципов, закономерностей, лежащих в основе процессов психического отражения, порождающих эти данности, так как для исследователя исходные данности из области психической реальности при любом уровне изучения явлений отражения (на любом его этапе) представляют собой продукты законченных процессов, которые брались как исходные данности в логике построения исследования. В результате этого выявление новых феноменов и закономерностей на определенном уровне их исследования превращается в описание феноменов и закономерностей только в заданных условиях их проявления.

Таким образом, физикальный образ мышления продуктивно используется в области изучения материальных процессов и явлений, но при изучении процессов психического отражения его логика оказывается внутренне противоречивой. Это обусловлено тем, что исходные данности, взятые из области реальности психического отражения, являясь его непосредственными и опосредствованными продуктами, на любом уровне и при любой форме изучения психического отражения с необходимостью сами лежат в основании при построении логики этих исследований. Указанная особенность принципиально ограничивает возможности использования физикального образа мышления при исследовании процессов психического отражения и ставит науку, изучающую закономерности психического отражения, в особое положение, предъявляя к ее методологическому аппарату принципиально иные требования.

Для естественнонаучного изучения явлений психического отражения необходим другой образ мышления – афизикальный, требующий выхода за пределы данностей психической реальности, которые даны исследователю в форме продуктов законченного процесса отражения. В качестве исходных необходимо брать такие данности (понятия, принципы, закономерности, отношения и др.), которые индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения и связаны с природными закономерностями возможности порождения психики как явления, возникшего на определенной ступени развития материи. Это позволяет нам ставить проблему психического отражения как *проблему возможности порождения явления психического отражения и изучать принципы, закономерности, лежащие в основе ее процессов, когда исходные данности можно брать не из об-*

ласти исследуемой психической реальности.

Переход к такому образу мышления означает построение новой рефлексивной логики полагания предмета исследования – логики изучения самой возможности порождения явления психического отражения как закономерного результата действия диалектических закономерностей самодвижения материи. Вопросу построения такой новой логики полагания предмета исследования по отношению к явлению психического отражения посвящено дальнейшее изложение.

Согласно сформулированному выше требованию, явления, процессы и закономерности психического отражения не могут быть раскрыты на основе использования для их описания самих продуктов отражения. Вместе с тем эти явления и процессы открыты нам непосредственно именно в форме результата, продукта уже свершившегося процесса отражения. Поэтому изучение явлений психического отражения требует выхода за рамки его данностей в более широкую сферу, в сферу возможности порождения психического отражения как природного явления, возникающего на определенной ступени развития материи. Это означает, что исходные основания при построении логики полагания предмета исследования по отношению к явлению психического отражения могут быть выявлены при анализе фундаментальных особенностей, свойств или принципов самодвижения материи, в процессе саморазвития которой возникает явление отражения.

Таким образом, понимание явления психического отражения как определенной формы самодвижения материи диктует и полагание предмета исследования в виде фундаментальных закономерностей, принципов развертывания процессов отражения в живой и неживой природе. Отсюда следует, что при поиске закономерностей, принципов, лежащих

в основе явления психического отражения, следует исходить из соответствующих закономерностей материи. В таком случае форма психического отражения принимается нами в качестве одной из форм саморазвития материи и как природная форма несет в себе общие особенности и закономерности самодвижения материи, т.е. предстает как такая форма, проявление которой суть выражение общих закономерностей и принципов отражения.

Такая логика полагания предмета исследования общих особенностей и принципов отражения определяют вместе с тем и путь выявления исходных логико-методологических оснований естественнонаучного изучения возможности порождения отражения и принципов его функционирования, связанных с объективно независимой от данностей психического реальностью материи.

В качестве *первой* исходной особенности материи можно взять как ее объективную дискретность, так и ее объективную единость в их диалектическом соотношении, которое заключается в том, что независимо от нашего непосредственно-чувственного и опосредствованно-познаваемого отражения, или уровня знания, материя, или материальность, состоит из бесконечного многообразия форм (атомы, молекулы, клетка, человек, человечество, дерево, Земля, Вселенная и т.п.), которые в природе по своим внутренним законам образуют пространственно-временные, энергетически-дискретные формы. Но вместе с этим, как границы их дискретности, так и определенность форм вне нашего отражения, т.е. вне выделения и сопоставления этих форм и составления определенных соотношений, представляют нерасчлененную единость. При этом единость присуща не только абсолютному общему, но и присутствует внутри каждой относительно дискретной

формы (атом как определенная дискретная форма имеет в себе электроны и другие элементарные частицы, представляющие единость в атоме, аналогично этому представляют единость в молекуле, молекула – в клетке, клетка – в человеке, человек – в человечестве, Земля – во Вселенной и т.д.).

Вторая особенность материи заключается в распадении и порождении форм, что обусловлено диалектически противоположными тенденциями к самосохранению дискретных форм и к их разрушению, приводящему к единости. Именно в этом вечном превращении форм живого, которые в отличие от форм неживой материи, где самосохранение формы обеспечивается высокими энергетическими связями между соответствующими ее элементами, имеют слабую энергетическую структуру и при осуществлении природно заданной цели – самосохранения собственной формы в борьбе с тенденцией превращения в нерасчлененное единое – по необходимости приобретают такую возможность – возможность отражения предупреждающего воздействия окружающей среды. Тем самым форма живого приобретает свойства системы, имеющей в себе многообразные межэлементные связи, передающие и фиксирующие воздействие. Отсюда и место, и функция отражения как явления, возникшего в недрах материального мира для осуществления возможности самосохранения форм живого. Отсюда и *сущность отражения как процесса формопорождения в живых системах*, активно отражающих воздействие на них в отличие от неживых форм, которые принимают воздействие пассивно, только по мере противопоставления своих энергетических возможностей для самосохранения образовавшихся форм.

В качестве **третьей** особенности материальности можно взять ее структурно-процессуальную особенность образова-

ния и разрушения отношений между дискретными формами материи или гомогенными формами внутри более общей формы. Эта особенность образования и разрушения отношений в виде межэлементных или межформенных взаимодействий обусловлена собственными физико-химическими законами связи между элементами данной формы. Благодаря этим связям образуются структурно-процессуальные системы как в неживой, так и в живой природе. Вместе с этим, в соответствии с общей особенностью образования и разрушения отношений между элементами живая система отличается от неживой тем, что в ней соответственно природно заданной цели – самосохранения формы – имеется возможность структурно-процессуального составления и фиксации образовавшихся отношений и составления отношений между созданными отношениями, т.е. возможность образования информации в виде памяти, которая не разрушается при образовании новых отношений. В неживой природе образование структурно-процессуальных отношений между ее элементами или формами бесследно разрушается при образовании новых отношений между ними. Именно в сохранении образующихся отношений в меру своих слабо энергетических структурообразующих возможностей обнаруживается активность живой системы и пассивность форм неживой материи, отражающих образовавшиеся в ней межэлементные отношения при условии энергосильных воздействий на структурные взаимоотношения ее элементов.

Отсюда вытекает очень важный вывод о том, что для неживой материи, где отсутствует фиксация образовавшихся отношений между ее элементами и формами превращения, время как свойство материи, выступает в виде своей нерасчлененной единости. А для живой системы благодаря воз-

возможности сохранения образовавшихся отношений и составленных отношений между ними единство времени расчленяется, дискретизируется и тем самым порождает возможность отражения времени в виде предыдущего и последующего образования дискретных отношений, которые и являются основанием для восприятия течения времени.

Четвертая объективная особенность материи – ее пространственно-временная анизотропность и гомогенность, которые связаны с пространственно-временными свойствами материи и с осуществлением дискретно-единых распадающихся и порождающихся ее форм. При этом гомогенность можно представить как пространственную однородность дискретных форм единости, вследствие чего любая дискретная форма материи вместе с включенными в нее другими дискретными формами по каким-то присущим им физико-химическим законам связи и взаимодействия между собой образуют пространственность заключающей их формы. И несмотря на гомогенную однородность внутренне-дискретных форм, они, относительно собственной пространственности, т.е. нахождения в данный момент времени и данной точке пространства, составляют анизотропные отношения друг с другом в любых направлениях этого пространства. Это можно понимать, как основу, образующую пространственно-гомогенно-анизотропную особенность материи.

Временная гомогенно-анизотропная особенность материи заключается в том, что при распадении и порождении форм материи внутри единого времени происходят изменения форм, которые относительно друг друга составляют анизотропные отношения в виде предыдущих и последующих форм, что приводит к гомогенной (в случае неизменности форм), либо к анизотропной (вслучае различных форм) дис-

кретизации единого времени. Отсюда следует, что отражение как процесс формопорождения в определенной отражательной системе возможно при условии образования пространственно-временных анизотропных отношений между однородными дискретными формами, так как при образовании гомогенных пространственно-временных отношений возможность формопорождения отсутствует. Опираясь на эти особенности материи, которые необходимым образом присущи любой отражательной системе, так как любая система сама является одной из образованных форм материи, можно выводить основные процессуально-структурные принципы и закономерности формопорождения в процессах психического отражения.

Исходя из сказанного ясно, что для осуществления возможности формопорождения необходима определенная анизотропная материальная структура – отражательная система, которая посредством своей пространственно-временной анизотропности имела бы возможность фиксировать формы объективного мира. При этом любая конкретная отражающая система должна иметь функционально ограниченную разрешающую способность и обладать конечными возможностями отражения объективно природных форм материи.

Вместе с тем, по отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще не реализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие объективных форм материи предстает в нерасчлененном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. Объекты и их свойства как психические формы по

логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образовываться, т.е. порождаться в процессе отражения, который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватное функционирование живой системы в окружающей среде.

Таким образом, каждая природная отражательная система в силу своей структурно-процессуальной анизотропности имеет возможность порождения форм объектов и их свойств, которые сопредставлены в подлежащей отражению глобальности. Простым примером сопредставленности таких форм является цвет и пространственная форма объекта, не существующие один без другого, но вместе с тем выступающие как различные в процессе зрительного восприятия. Сопредставленность природных форм в психическом процессе отражения указывает на важную характеристику анизотропности отражательной системы, выступающую как возможность выявления и фиксации различия или сходства. Действительно, известно, что сенсорные органы живых существ имеют дискретное, анизотропное строение, например, сетчатка глаза, Кортиев орган уха, пальцы руки человека и т.д.

Отсюда ясно, что для того, чтобы отражение было возможно дискретная структурная организация отражательной системы не должна быть гомогенной (в гомогенном порождение нового невозможно), т.е. она должна быть анизотропной. Это в свою очередь предполагает наличие определенной возможности образования отношений между отдельными дискретными элементами; отношений, в которых посредством фиксации различия или сходства порождается сопредставленность отраженных форм. И здесь важно отметить, что образование отношений наряду с анизотропностью являются

не только особенностями материальной природы, но и выступают как всеобщие принципы, также лежащие в основе психических процессов отражения.

Если исходить из того, что само отражение как процесс – это упорядочивание гомогенности (еще неотраженного) соответствующей отражательной системой, имеющей возможность фиксации многообразия форм материи в соответствии со своей разрешающей способностью, то принцип образования анизотропных отношений в известной мере позволяет раскрывать специфику процессуальной стороны отражения в живой природе. Возможность процессов отражения в живой системе предполагает, что образование отношений не может происходить иначе, чем в определенной структуре – в определенной отражательной системе. Эта структура должна иметь те или иные возможности фиксации образовавшихся отношений, и именно эти возможности определяют разрешающую способность отражательной системы.

Таким образом, в целом видно, что анизотропность структуры отражательной системы предполагает форму дискретности, которая обеспечивает *возможность образования различия в гомогенности*. Вместе с тем в дискретной структуре возможность формопорождения создается посредством образования отношений в однородно-дискретном, что обеспечивает возможность появления различия дискретной однородности (как например, пространственной выделенности правой и левой стороны и др.). Образование отношения предстает как определенный акт-момент и тем самым предполагает необходимость фиксации (памяти), во-первых, установления и, во-вторых, сохранения различия или сходства.

Фиксация образования отношений означает наличие определенной структуры, в которой возможность образова-

ния отношений предстает как внутренняя связь в отражательной системе, обеспечивающая каждый действительный акт образования отношений. Ясно, что элементарная связь, обеспечивающая, с одной стороны, возможность образования отношений и в то же время, с другой стороны, определяющая возможность фиксации (порождения и сохранения) различия и сходства в одном акте образования отношения, является по сути понятия образования отношений связью между двумя дискретными элементами (воздействиями) в едином (третьем), обеспечивающем фиксацию различия или сходства. Поскольку *в одномоментном акте образования отношения возможность фиксации различия или сходства определяется отношением двух в едином третьем*, то элементарное анизотропное отношение в самом общем виде может быть охарактеризовано как двуединое отношение (см. описание изобретения А.И. Миракяна в настоящем сборнике). Здесь двуединство представляет собой отношение между двумя одинаковыми однородными в одном объективном качестве и вместе с тем различными, анизотропными в другом качестве (допустим, по положению в пространстве и времени) относительно анизотропности отражательной системы.

В результате, при образовании двуединого отношения это объективное различие и одинаковость порождаются как отраженная форма в двуедином элементе отражательной системы. Образование двуединого отношения можно рассматривать, таким образом, в качестве элементарного механизма формопорождения, т.е. механизма порождения нового, являющегося своеобразной «клеточкой», реализующей возможность отражения.

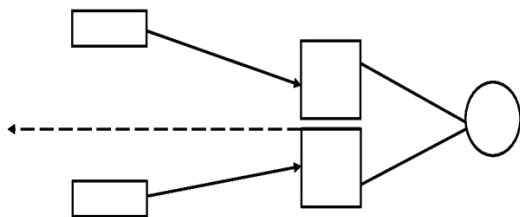
Косвенным свидетельством, удостоверяющим правомерность постулирования образования именно двуединых отно-

шений как исходного элементарного механизма, лежащего в основе процессов отражения, является тот известный, но в принципе удивительный и до сих пор необъясненный факт, что органы чувств живых существ представлены парами: два глаза, две руки, два уха и др.

Раскрытая выше сущность двуединого отношения, определяемая как установление различий двух одинаковых однородно-дискретных элементов (в результате чего гомогенность отражается анизотропно), предполагает, что в процессе образования двуединого отношения в силу наличия дискретности, естественным образом возникает граница между двумя элементами, образующими отношение, границе, где один из них переходит в другой. Образование границы проявляется как ограниченность в данном отношении и может совпадать с природными границами данной формы (как, например, при образовании непосредственного отношения между двумя клетками живого существа, когда эта условная граница совпадает с мембранами оболочек каждой из клеток). При образовании двуединого отношения в такого рода отражательной системе границей может являться третий элемент структуры, фиксирующий двуединое отношение (элемент 2 на рис.1). Надо отметить, что указанная ограниченность понимается в наиболее широком смысле и может носить, в том числе, и временной характер. В этом случае имеет место, например, отделение дискретности предыдущего и последующего моментов образования отношений.

Указанная граница является по сути той осью, относительно которой проявляются различия и сходство двух дискретных однородностей, т.е. эта граница выступает осью симметрии. Тем самым здесь обнаруживается возможность появления симметричности при образовании отношения

между двумя дискретными элементами. Когда речь идет не только о двух элементах, а о некоторой однородной дискретности, то при условии однородности образования отношений может быть порождена структурная симметричность.

Рис. 1

Таким образом, симметричность является имманентным свойством процесса образования двуединых отношений между двумя дискретными элементами относительно разделяющей их границы. В силу того, что в живом образовании отношений фиксируется в определенной анизотропной структуре отражательной системы, то можно предположить, что симметричность должна быть одной из структурообразующих основ отражающей системы. На языке понятий гомогенности и анизотропности симметричность выступает как такая анизотропность отражающей системы, которая создает возможность отражения гомогенности анизотропно. С процессуальной точки зрения симметричность, выступающая как симметризация, может служить основой возможности обнаружения и фиксации различий между однородными дискретными элементами при образовании анизотропных отношений в отражательной системе. На этом

основании и можно говорить о симметричности (возможность появления которой, как было сказано выше, заложена в основе образования двуединых отношений), как о принципе, лежащем в основе возможности явления отражения как процесса формопорождения. Рассмотренный выше принцип образования двуединых отношений получает, таким образом, свою конкретизацию, так как двуединые отношения можно трактовать как симметрично-двуединые. Лежащее в основе процесса формопорождения двуединое отношение выступает, таким образом, как симметрично-двуединое отношение.

Построенная логика полагания предмета исследования по отношению к реальности психического отражения позволяет, таким образом, сформулировать ряд принципов, которые, будучи, с одной стороны, объяснительными для возможности отражения, с другой стороны, выступают в качестве непосредственного объекта исследования.

Первый принцип в самом общем виде может быть сформулирован как ***принцип анизотропной структурно-процессуальной организации отражательной системы*** и определяет то, что для реализации возможности отражения как процесса формопорождения необходима соответствующая отражательная система, обладающая анизотропной структурно-процессуальной организацией.

Характер анизотропной отражательной системы раскрывается другим принципом, определяющим ***элементарный механизм формопорождения, - принципом образования отношений***. Этот принцип конкретизировался выше как принцип образования симметрично-двуединых отношений; он раскрывает универсальный механизм любого процесса формопорождения.

Разработанные теоретические положения афизикального способа полагания и развитые на этой основе фундаментальные принципы отражения открывают возможности проведения широкого комплекса исследований, направленных на выявление этих принципов и их физиологических механизмов в пределах непосредственно-чувственного отражения различных модальностей у человека.

Литература

1. Айзерман М.А. Опыты по обучению машин распознаванию зрительных образов // Биологические аспекты кибернетики. – М.: изд-во АН СССР, 1962.
2. А.С.Н. 217754 (СССР) Способ распознавания печатных знаков. Оpubл. 24.03.1967. МКИ Ст.0649/28.
3. А.С.Н. 898464 (СССР). Устройство для выделения признаков при распознавании образов. Оpubл. 29.05.80. МКИ Ст. 0649/46.
4. Бирюков Б.В., Гутчин И.Б. Машина и творчество. – М.: Радио и связь, 1982. – 152 с.
5. Бонгард М.Н. Проблема узнавания. – М.: Наука, 1967. – 320 с.
6. Браверман Э.М. Опыты по обучению машины распознаванию зрительных образов // Автоматика и телемеханика, 1962. 23, 3, с.349-365.
7. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. – М.: Мысль, 1979. – 230 с.
8. Васильев В.И. распознающие системы (справочник). – Киев, Наукова думка, 1983. – 422 с.
9. Вейценбоум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум (от суждений к вычислениям). – М.: Радио и связь, 1982. – 368 с.
10. Величковский Б.М. Функциональная структура перцептивных процессов // Познавательные процессы. Ощущение, восприятие. – М.: Педагогика, 1982, с. 219-246.
11. Верхаген К., Деан Р., Грун Ф., Йостен Й., Бербен П. Распознавание образов, состояние и перспективы. – М.: Радио и связь, 1985. – 104 с.

12. Винер Н. Кибернетика. – М.: Советское радио, 1968. – 326 с.
13. Горелик А.Л., Гуревич И.Б., Скрипник В.А. Современное состояние проблемы распознавания. – М.: Радио и связь, 1985. – 160 с.
14. Дудо Р., Харт П. Распознавание образов и анализ сцен. – М.: Мир, 1976. – 511 с.
15. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины (критика искусственного разума). – М.: Прогресс, 1978. – 334 с.
16. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. – М.: Мир, 1974. – 550 с.
17. Минский М., Пейперт С. Перцептроны. – М.: Мир, 1971. – 262 с.
18. Наука и жизнь. – М.: 1983. №2, с.96.
19. Патент №3192505 (США). Устройство для распознавания образов. Заявл. 14.07.61. Оpubл. 29.06.65, кл. 340.146.3.
20. Патент №3597731 (США). Устройство для распознавания образов. Заявл. 28.07.69. Оpubл. 03.08.71, кл. 340.146.3.
21. Патент №3651 461 (США). Центрирующее распознавание символов. Заявл. 17.04.70. Оpubл. 21.03.72, кл. 340.146.3.
22. Патент №3701095 (США). Зрительная система для выделения признаков символов и образов. Заявл. 14.09.70. Оpubл. 24.10.72, кл. 340146.3.
23. Патент №2813731 (ФРГ). Процесс автоматической оценки изображений с помощью скоростного преобразования изображения и цепь для осуществления процессов. Оpubл. 25.04.78. МКИ ст. 06К 9/56.

24. Патент №4318083 (США). Устройство для распознавания образов. Заявл. 14.04.80. Оpubл. 02.03.82, кл. 340.146.3.
25. Розенблатт Ф. Принципы нейродинамики (перцептроны и теория механизмов мозга). - М.: Мир, 1965. – 480 с.
26. Рок И. Введение в зрительное восприятие. – М.: Педагогика, 1980, книга 1 – 312 с., книга 2. – 280 с.
27. Соколов Е.Н., Шмелев Л.А. Нейробионика. Организация нейрореподобных элементов и систем. – М.: Наука, 1983. – 280 с.
28. Тьюхин В.С. Теория познания и кибернетика // Диалектика в науках о природе и человеке, том 1. – М.: Наука, 1983, с. 321-327.
29. Уинстон П. Искусственный интеллект. – М.: мир, 1980. – 519 с.
30. Хьюбел Д. Зрительная кора мозга // Восприятие. Механизмы и модели. – М.: Мир, 1974, с.169-184.
31. Хьюбел Д., Визель Т. Центральные механизмы зрения // Мозг. – М.: Мир, 1982, с. 167-197.

РУБЕН НАГДЯН

**МЕТОДОЛОГИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

RUBEN NAGHDYAN

**METHODOLOGI OF TRANSCENDENTAL
PSYCHOLOGY**

E-mail автора: r.nagdyan@mail.ru

Республика Армения, Ереван, ул. Пушкина

46 Тел.: + 374(55) 78 47 87

E-mail; lusabats@netsys.am

lusabatc@mail.ru

www.lusabats.am